

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 19. № 3

2020

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 19. No. 3

2020

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020

Том 19. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2020

Volume 19. No. 3

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2020. Vol. 19. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapol'skaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *M.V. Rassakhatskaya, I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, Yu.V. Chemeteva*

Making up: *O.N. Yadykina*

Technical editing: *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Apr. 22, 2020.

Date of publication Aug. 21, 2020. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 16.0. Published pages 17.2.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–54).

Order 80. «C» 14.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020. Т. 19. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *М.В. Рассахатская,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов:
О.С. Волкова, Ю.В. Чеметева
Верстка *О.Н. Ядыкиной*

Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 22.04 2020 г.

Дата выхода в свет 21.08 2020 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,0.
Уч.-изд. л. 17,2. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–54).
Заказ 80. «С» 14.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Баталин С.В.</i> Влияние типа ударения и позиции гласного во фразе на ширину его формант	5
<i>Акимова Э.Н., Мочалова Т.И.</i> Девербативы в русских говорах на территории Республики Мордовия	16
<i>Лаптева М.Л., Лукина Н.В.</i> Комбинаторика лексико-грамматических разрядов имен существительных в русском языке	27
<i>Белов В.А.</i> Семантические свойства имен существительных различных лексико-грамматических разрядов	38
<i>Троценкова Е.В., Блинова О.В.</i> Прагматические маркеры в аспекте коммуникативного выравнивания [На англ. яз.]	49

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

<i>Колмогорова А.В., Чистова Е.В.</i> Когнитивный механизм порождения креативных решений в переводческой деятельности	59
<i>Уржа А.В.</i> Приближение или дистанцирование? Использование дейксиса, анафоры и настоящего исторического в русских переводах «Приключений Тома Сойера»	72
<i>Калмазова Н.А., Борисова В.Ф., Кузнецова Ю.А.</i> Англоязычные термины терминополья «юридическая профессия»: мотивация выбора перевода	84
<i>Сребрянская Н.А.</i> Англоязычный дискурс войны в диахроническом аспекте	97

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Скрынникова И.В., Астафурова Т.Н.</i> Конструирование современной российской идентичности дискурсивными метафорами [На англ. яз.]	107
<i>Пименова М.В., Дутбаева С.С., Мошина Е.А.</i> Символика земли в поэмах М.И. Цветаевой	116
<i>Безкоровайная Г.Т.</i> Наименования британских титулов германского происхождения и их функционирование в художественных текстах XIX века	135
<i>Кочеткова У.Е.</i> Влияние философских и эстетических концепций на описание акустических характеристик гласных (конец XVII – начало XX в.)	144

ДИСКУССИИ

<i>Скулачева Т.В., Костюк А.Э.</i> Лингвистические особенности стиха и их функции	155
---	-----

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

<i>Batalin S.V.</i> The Impact Of Lexical Stress Type and Position of a Vowel Within a Phrase on Vowel Formant Bandwidths	5
<i>Akimova E.N., Mochalova T.I.</i> Deverbatives in Russian Dialects Spoken on the Territory of Mordovia	16
<i>Lapteva M.L., Lukina N.V.</i> Combinatorial Set of Lexico-Grammatical Classes of Nouns in the Russian Language	27
<i>Belov V.A.</i> Semantic Features of Nouns Referred to Various Lexical-And-Grammatical Categories	38
<i>Troshchenkova E.V., Blinova O.V.</i> Pragmatic Markers in the Aspect of Communicative Alignment	49

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

<i>Kolmogorova A.V., Chistova E.V.</i> Cognitive Basis of Making Creative Decisions in Translation Activities	59
<i>Urzha A.V.</i> Approximating or Distancing? The Use of Deixis, Anaphora and Historic Present in Russian Translations of “The Adventures of Tom Sawyer”	72
<i>Kalmazova N.A., Borisova V.F., Kuznetsova Ju.A.</i> English Terms of Terminological Field <i>Legal Profession</i> : Motivation of Choice and Translation	84
<i>Srebryanskaya N.A.</i> English War Discourse: Diachronic Aspect	97

MATERIALS AND REPORTS

<i>Skrynnikova I.V., Astafurova T.N.</i> Constructing Modern Russian Identity Through Discourse Metaphors	107
<i>Pimenova M.V., Dutbaeva S.S., Moshina E.A.</i> The Symbolism of the Earth in the Poems by M.I. Tsvetaeva	116
<i>Bezkorovaynaya G.T.</i> Germanic Nominations of British Titles and Their Functioning in the 19 th Century Fiction Texts	135
<i>Kochetkova U.E.</i> Influence of Philosophical and Aesthetic Concepts on the Description of the Acoustic Characteristics of Vowels (Late 17 th – Early 20 th Centuries)	144

DISCUSSIONS

<i>Skulacheva T.V., Kostyuk A.E.</i> Functions and Linguistic Peculiarities of Verse	155
--	-----

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.1>

UDC 811.161.1'342.4
LBC 81.411.2-1

Submitted: 01.04.2019
Accepted: 28.02.2020

THE IMPACT OF LEXICAL STRESS TYPE AND POSITION OF A VOWEL WITHIN A PHRASE ON VOWEL FORMANT BANDWIDTHS

Sergey V. Batalin

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The article sets out to explore the impact of different types of lexical stress and word position within a phrase as well as the interaction of these factors on formant bandwidths. The findings contribute to establishing the role of these formant features as acoustic correlates of the Russian lexical stress. The experimental material for analysis is presented by the Russian sound [a] embedded in a word in a natural language carrier phrase. The word position is changed from phrase initial to the phrase final one and in each position the target word is uttered with a neutral and an emphatic stress by four speakers. The *Praat* software is used to extract the mean values of the first four formant bandwidths of the target vowel. Two-way ANOVA is carried out to establish the significance of difference between neutrally and emphatically stressed vowels in all the three phrasal positions. The impact of phrasal position and stress type is clearly pronounced and is valid for all the four speakers. Specific trends in bandwidth alterations are hard to identify in most cases because of inconsistent fluctuations of formant bandwidths and a heavy influence of the speakers' idiolects: formant bandwidths expand, contract or remain unchanged. An explanation of the results obtained is suggested.

Key words: lexical stress, emphatic stress, formant, formant bandwidth, Russian language, linguistic experiment.

Citation. Batalin S.V. The Impact of Lexical Stress Type and Position of a Vowel Within a Phrase on Vowel Formant Bandwidths. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 5-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.1>

УДК 811.161.1'342.4
ББК 81.411.2-1

Дата поступления статьи: 01.04.2019
Дата принятия статьи: 28.02.2020

ВЛИЯНИЕ ТИПА УДАРЕНИЯ И ПОЗИЦИИ ГЛАСНОГО ВО ФРАЗЕ НА ШИРИНУ ЕГО ФОРМАНТ

Сергей Васильевич Баталин

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального изучения влияния типа ударения, позиции слова в составе фразы и взаимодействия этих факторов на ширину формант гласного звука [a]. Актуальность работы обусловлена важностью выявления акустических коррелятов ударения для создания качественного синтеза речи и распознавания эмоций. Цель исследования – определение закономерностей в изменении ширины формант при произнесении с нейтральным и эмфатическим ударением гласного звука [a]

в слове, занимающем начальную, срединную и конечную позиции во фразе. Акустический анализ выполнен с помощью программы *Praat*. Полученные данные обработаны с использованием методов дисперсионного анализа, позволивших обнаружить, что позиция слова во фразе оказывает влияние на ширину первых четырех формант гласного звука, при этом изменения значений разнонаправлены и в значительной степени определяются особенностями идиолекта информантов. Взаимодействие факторов фразовой позиции гласного и типа ударения является статистически значимым в произношении всех привлеченных к эксперименту информантов. В результате эксперимента установлены особенности изменения ширины формант при реализации различных типов ударения в зависимости от позиции слова в составе фразы.

Ключевые слова: ударение, эмфатическое ударение, форманта, ширина форманты, русский язык, лингвистический эксперимент.

Цитирование. Баталин С. В. Влияние типа ударения и позиции гласного во фразе на ширину его формант // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 5–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.1>

Введение

В настоящее время направление многих лингвистических исследований определяется задачами автоматического распознавания эмоций и высококачественного синтеза речи. Важную роль в их решении играет качество звуков речи, которое в соответствии с положениями линейной теории порождения звука определяется формантными частотами и шириной формантных диапазонов. При анализе роли ширины формант исследователи отмечают, что этот параметр является одним из маркеров тембра гласных звуков [The Effect..., 2007] и используется слушающими для определения психофизических различий между гласными [Easwar, Scollie, Purcell, 2019]. Кроме того, анализ ширины формант при первичном описании гласных для автоматического обнаружения звуков позволяет снизить их ложное распознавание [Чудновская, 1997].

Сложность измерения значений ширины формант определяется не только необходимостью учета физиологических факторов, таких как импеданс и диссипативные потери в тканях голосового тракта [Фант, 1964, с. 129; Hanna, Smith, Wolfe, 2016], но и техническими причинами, к которым относятся используемые методы измерения ширины формантного диапазона [Kent, Vorperian, 2018; Medabalimi, Seshadri, Baaya, 2014]. Тем не менее к настоящему времени накоплен достаточный объем эмпирических данных, позволяющий оценить особенности функционирования анализируемого акустического параметра. В первую очередь рассмотрим роль ширины формант как акустического коррелята ударения. Необходи-

мо отметить, что в соответствии с положениями линейной теории порождения звука ширина формант может определять энергию звука и, соответственно, является одним из коррелятов громкости. В настоящее время общепризнан тот факт, что звуковая энергия, распределенная по нескольким диапазонам, воспринимается громче, чем та же энергия, распределенная в пределах одного критического диапазона [Glasberg, Moore, 2002; Zwicker, Flottorp, Stevens, 1957]. Так, Г. Фант обращал внимание на значимость более высоких частотных областей, подчеркивая, что при усилении голосового напряжения (характерного для произнесения ударных гласных. – С. Б.) наблюдается усиление высокочастотных формант [Фант, 1964, с. 131]. К аналогичным выводам приходят А. Слуйтер и В. Хевен, также установившие, что выделение ударного гласного сопровождается усилением формантных частот в среднем и высоком диапазонах, в то время как усиление интенсивности в нижней части спектра (ниже 500 Гц) является незначительным. Кроме того, лингвистами отмечается, что одним из акустических коррелятов ударения выступает неполное смыкание голосовой щели, определяющее ширину диапазона F1 [Sluijter, Van Heuven, 1996]. Ф. Тамбурини и К. Кейни, исследуя распределение энергии в различных диапазонах ударных и безударных слогов, выделяют три основных диапазона: 0–300 Гц, 300–2200 Гц и 2200–4000 Гц. Если распределение энергии в нижнем и верхнем диапазонах практически совпадает для ударных и безударных гласных, то в центральном диапазоне (300–2200 Гц) отличие между ударными и безударными глас-

ными носит явно выраженный характер. На основании этих данных авторы делают вывод об увеличении энергии ударных гласных в средней и центральной частях спектра звуков [Tamburini, Caini, 2005]. Таким образом, усиление области высоких частот признается более надежным признаком ударения, чем равномерное повышение интенсивности звука во всех диапазонах.

В отличие от нейтрального ударения, эмфатическое ударение выражает некоторую эмоциональную окраску ударного гласного, поэтому закономерно возникает вопрос о том, в какой степени произнесение слова с эмфатическим ударением может модифицировать ширину формант. Поскольку нам не удалось найти в литературе данных о связи ширины формант с эмфатическим ударением, рассмотрим имеющиеся результаты о влиянии эмоционально окрашенной речи на данный акустический параметр. Так, Л.В. Златоустова установила, что во фразах, выражающих положительные эмоции, увеличивается суммарная энергия гласных в верхней части их диапазона. Отрицательные эмоции, наоборот, сопровождаются сужением ширины формантных полос, что приводит к падению энергии гласных в верхней части диапазона [Златоустова, 1983]. Данный факт можно подтвердить целым рядом наблюдений, сделанных лингвистами в разное время. Так, Г. Фант обращал внимание на значимость более высоких частотных областей в эмоциональной речи [Фант, 1964, с. 131]. Э.А. Нушикян отмечала смещение спектральной энергии в области более высоких частот (F3 и F4) при выражении сильных эмоций – радости, гневного возмущения, ярости, изумления и др. В таких случаях наблюдалось расширение частотных областей всех формант и повышение их энергии на 20–30 % [Нушикян, 1986, с. 106]. По данным К. Шерера, выражение гнева, отвращения и страха сопровождается сужением диапазона форманты F1 [Scherer, 1986]. Зависимость ширины диапазона BW1 от типа передаваемой эмоции также установлена К. Гоблом и А. Чазедом [Gobl, Chasaide, 2003]. Изменение значений ширины формантных диапазонов объясняет, почему в настоящее время данный параметр регулярно используется исследователями в качестве одного из признаков, ха-

рактеризующих эмоционально окрашенную речь в различных языках [Petrushin, 2000; Mannepalli, Sastry, Suman, 2018; Ververidis, Kotropoulos, 2006].

Исходя из вышесказанного, выдвинем предположение, что степень ударности гласного и эмоциональная окраска высказывания могут выступать в качестве фактора, определяющего вариативность ширины диапазонов формантных частот. Кроме того, отметим еще один фактор, способный задавать вариативность формант, – позицию звука в составе фразы. Хотя в литературе отсутствуют данные о влиянии этого параметра на ширину формантных диапазонов, ряд наблюдений о влиянии фразовой позиции на формантные частоты звуков [Баталин, 2019; Валуйцева, Хутуни, 2016; Koolagudi, Rao, 2012] позволяет предположить, что такая зависимость существует. Выдвинутая гипотеза определяет необходимость экспериментального анализа изменений ширины формант в зависимости от позиции звука в составе фразы (начальная – срединная – конечная) и типа ударения (нейтральное vs эмфатическое).

Методика организации и проведения эксперимента

В качестве экспериментального корпуса были использованы фразы с гласным [a], включенным в стандартный непосредственный фонетический контекст – слово «Стас». Фразы имели идентичный сегментный состав, а анализируемое слово занимало начальную, срединную и конечную фразовые позиции. В каждой позиции слово произносилось с нейтральным и эмфатическим ударением по двадцать раз, общее количество реализаций аллофона [a], использованных для анализа, составило 480 единиц. В роли дикторов выступили четверо носителей русского литературного произношения – два мужчины и две женщины в возрасте от 25 до 45 лет. Последующий аудиторский анализ, выполненный 28 непрофессиональными аудиторами, показал правильность идентификации типа ударения в 93 % случаев. В связи с поставленными задачами исследования для измерения значения ширины формант BW1, BW2, BW3 и BW4 звука [a] в слове *Стас* была использована программа Praat.

Полученные результаты оценивались с помощью факторного анализа.

Результаты и обсуждение

Для оценки степени дикторских различий сравнивалась ширина диапазонов формант гласного [a], произнесенного с нейтральным и эмфатическим ударением и занимающего начальную, срединную и конечную позиции во фразе. Поскольку факторный анализ показал наличие статистически значимых различий между привлеченными к эксперименту дикторами (Rao's $R = 32,81146$; $df1 = 18$; $df2 = 1332$; $p = 0,00$), последующий анализ был проведен отдельно для каждого из привлеченных к эксперименту информантов. Значения ширины формантных частот диктора БС представлены на рисунке 1.

В произношении диктора БС отметим прежде всего статистически достоверное влияние фразовой позиции на ширину первой форманты BW1 гласного [a], произнесенного с нейтральным ударением. Апостериорные сравнения показали, что ширина форманты BW1 в конечной позиции превышает соот-

ветствующие значения в начальной и срединной позициях во фразе. Что касается ширины формант BW2, BW3 и BW4, то статистически достоверных различий в их значениях в зависимости от фразовой позиции гласного выявлено не было. Анализ произнесения гласного [a] с эмфатическим ударением показал, что влияние фразовой позиции в этом случае является более выраженным, нежели в случае с нейтральным ударением. При произнесении с эмфатическим ударением позиция гласного оказывала статистически достоверное влияние на ширину диапазонов первых трех формант: для BW1 и BW3 наблюдалось расширение диапазонов формант F1 и F3 в конечной фразовой позиции, а диапазон BW2 в начале фразы был меньше соответствующих диапазонов форманты F2 в середине и конце фразы. Статистически достоверных отличий в значениях ширины диапазона BW4 в составе фразы выявлено не было. Значения F-критерия и вероятностей, использованные для оценки влияния фразовой позиции на ширину формант для двух типов ударения в речи четырех информантов, приведены в таблице; ста-

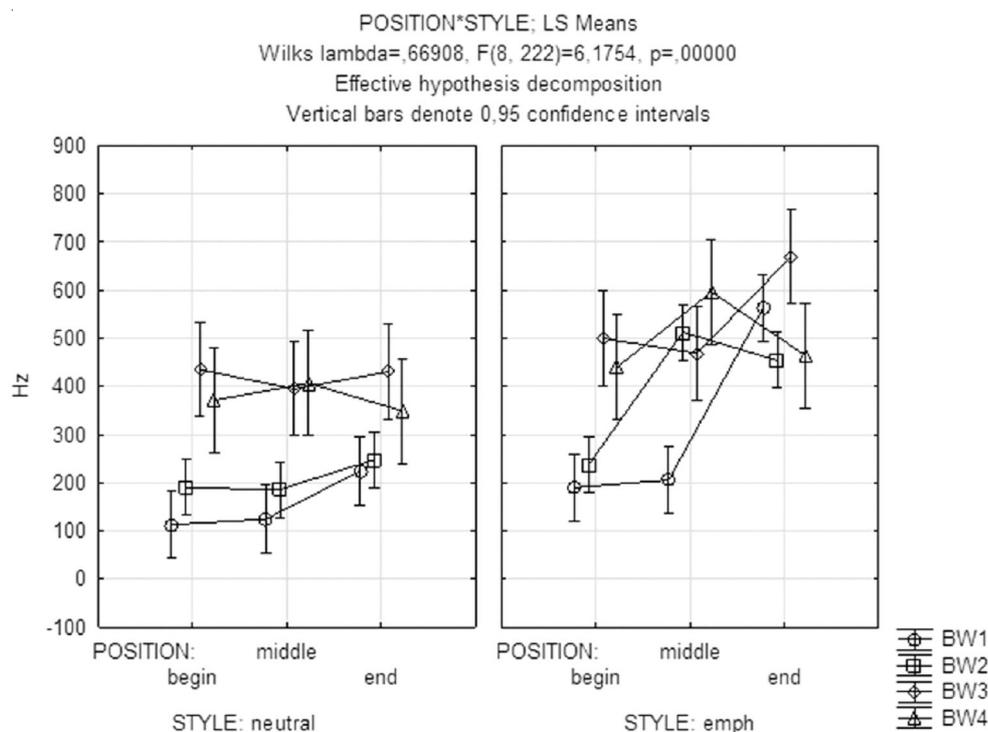

Рис. 1. Ширина формант гласного [a], произнесенного с нейтральным и эмфатическим ударением, в различных позициях во фразе (диктор БС)

Fig. 1. Formant bandwidths of the Russian vowel [a] uttered with neutral and emphatic stresses in various phrasal positions (speaker BS)

статистически достоверные отличия ($p < 0,05$) выделены жирным шрифтом.

Взаимодействие фактора фразовой позиции и типа ударения является статистически достоверным для диктора БС: $F(8, 222) = 6,754$; $p = 0,0000$; при этом наблюдается расширение диапазона в случае произнесения гласного с эмфатическим ударением по сравнению с нейтральным ударением во всех позициях в случае BW1 и BW2, а для BW3 – только в конечной фразовой позиции. Расширение BW4 было зафиксировано на уровне статистической тенденции ($p < 0,06$) в срединной фразовой позиции.

При произношении диктором ХТ анализируемого гласного с нейтральным ударением позиция слова во фразе оказывает статистически достоверное влияние на ширину всех рассматриваемых диапазонов. Представленные на рисунке 2 графики показывают, что значение BW1 гласного [a], произнесенного с нейтральным ударением, в начале фразы статистически достоверно превышает значения середины и конца фразы, BW2 в начальной позиции шире по сравнению с конечной фразовой позицией, значение BW3 максимально в середине фразы, а ширина BW4 максимальна в начале фразы. Обращает на себя внимание тот факт, что ширина формант BW1 и BW3 характеризуется «проседанием» в срединной фразовой позиции.

Фразовая позиция оказывает статистически достоверное влияние на ширину всех формантных диапазонов при произнесении слова с анализируемым гласным с эмфатическим ударением. При этом ширина BW1 минимальна в конечной позиции, значения BW2 и BW4 в срединной позиции статистически достоверно превышают соответствующие значения в начале и конце фразы, BW3 максимальна в конечной позиции.

Взаимодействие факторов позиции и типа ударения является статистически значимым в произношении диктора ХТ: $F(8, 222) = 14,861$; $p = 0,0000$, однако различия в изменениях формантных диапазонов можно охарактеризовать как разнонаправленные. Так, диапазон BW1 в случае произнесения гласного [a] с эмфатическим ударением сокращается в начальной фразовой позиции и увеличивается в срединной фразовой позиции по сравнению с соответствующими значениями гласного, произнесенного с нейтральным ударением. Сокращение диапазонов в случае эмфатического ударения было зафиксировано для BW2 в начальной фразовой позиции; для BW3 – в срединной; для BW4 – в конечной; в остальных случаях тип ударения не оказывал влияния на ширину диапазонов.

В произнесении диктора ПА выявлено статистически достоверное влияние фразовой позиции на ширину диапазонов гласного как в случае нейтрального, так и эмфатического ударения; соответствующие графики представлены на рисунке 3. При произнесении гласного с нейтральным ударением средние значения всех формантных диапазонов статистически достоверно минимальны в срединной позиции во фразе. В случае эмфатического ударения изменения ширины формант в различных фразовых позициях можно характеризовать как разнонаправленные. Так, наблюдается сокращение ширины формант в конечной позиции в случае BW1, BW2 и BW3, в случае BW4 минимальное значение принимает ширина форманты F4 в срединной фразовой позиции.

Тип ударения и фразовая позиция гласного оказывают статистически достоверное влияние на ширину всех четырех формант: $F(8, 222) = 10,759$; $p = 0,0000$; при этом значе-

Значения критерия Фишера (F 8, 222) и p -значения для оценки влияния типа ударения на ширину формант гласного [a]

F and p-values to evaluate stress type impact on the bandwidths of the vowel [a]

Ширина форманты	Диктор БС				Диктор ХТ				Диктор ПА				Диктор КН			
	Нейтральное ударение		Эмфатическое ударение		Нейтральное ударение		Эмфатическое ударение		Нейтральное ударение		Эмфатическое ударение		Нейтральное ударение		Эмфатическое ударение	
	F	p	F	p	F	p	F	p	F	p	F	p	F	p	F	p
BW1	22,4	0,00	19,06	0,00	20,5	0,00	4,35	0,02	11,65	0,00	4,75	0,01	11,10	0,00	3,31	0,04
BW2	1,86	0,16	19,80	0,00	3,15	0,05	17,98	0,00	31,18	0,00	3,40	0,04	3,95	0,03	6,45	0,00
BW3	0,20	0,81	4,54	0,02	22,1	0,00	20,39	0,00	8,30	0,00	5,78	0,01	2,59	0,08	6,51	0,00
BW4	0,36	0,70	1,88	0,16	8,48	0,00	21,32	0,00	13,00	0,00	27,73	0,00	35,70	0,00	10,21	0,00

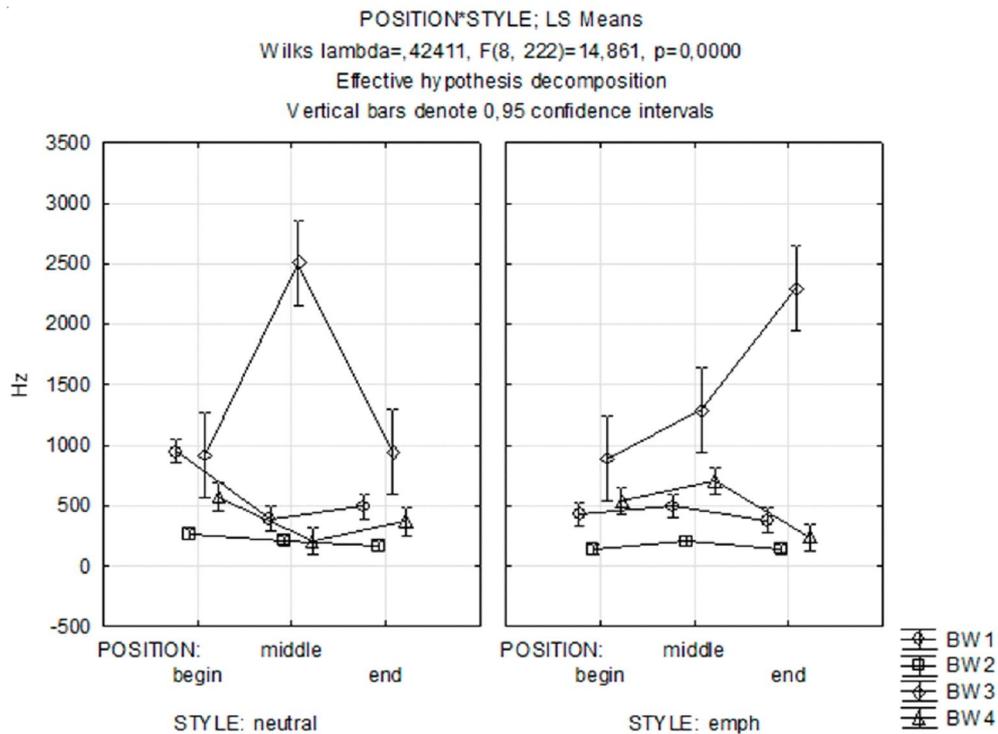

Рис. 2. Ширина формант гласного [а], произнесенного с нейтральным и эмфатическим ударением в различных позициях во фразе (диктор ХТ)

Fig. 2. Formant bandwidths of the Russian vowel [a] uttered with neutral and emphatic stresses in various phrasal positions (speaker KhT)

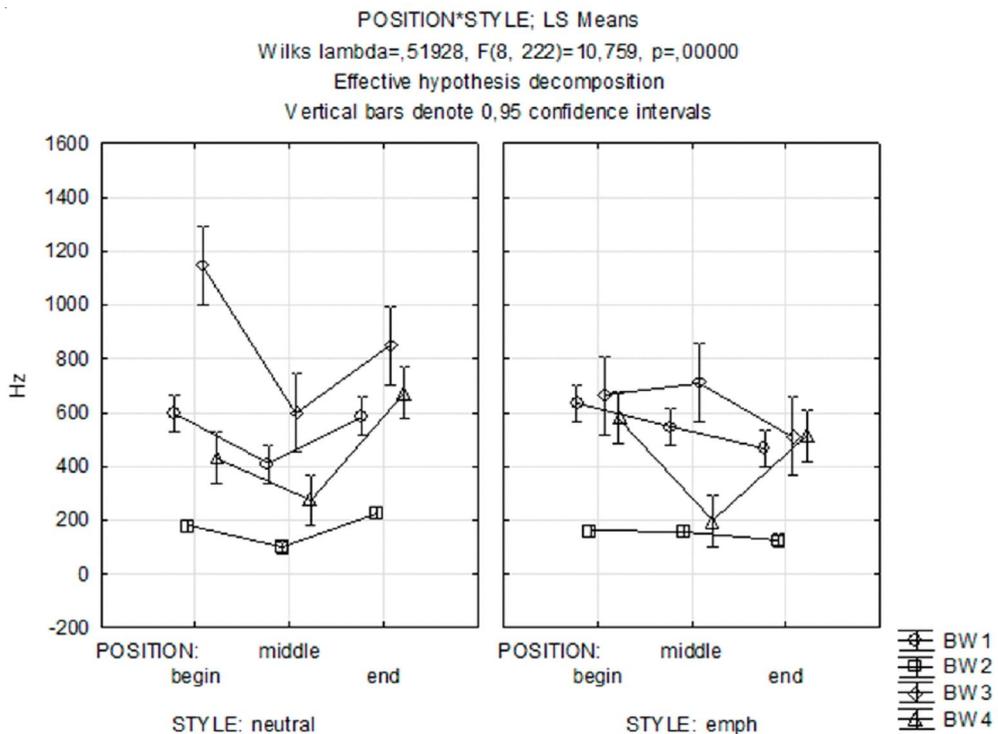

Рис. 3. Ширина формант гласного [а], произнесенного с нейтральным и эмфатическим ударением в различных позициях во фразе (диктор ПА)

Fig. 3. Formant bandwidths of the Russian vowel [a] uttered with neutral and emphatic stresses in various phrasal positions (speaker PA)

ния ширины диапазонов могут уменьшаться, увеличиваться или оставаться неизменными. Так, в начальной фразовой позиции BW1 одинакова для гласного, произнесенного с ударениями обоих типов, в то время как в середине и конце фразы в случае эмфатического ударения диапазон форманты сужается. В случае BW2 в начальной фразовой позиции тип ударения не оказывает влияния на ширину диапазона, в то время как в середине фразы эмфатическое ударение сопровождается расширением диапазона, а в конце – его сужением по сравнению с нейтральным ударением. Произнесение гласного с эмфатическим ударением приводит к сужению диапазона BW3 в начале и конце фразы и его расширению в средней фразовой позиции. BW4 увеличивается в начальной позиции во фразе при эмфатическом ударении, в то время как изменение типа ударения не оказывает влияния на ширину диапазона в середине и конце фразы.

В произношении диктора КН выявлено статистически достоверное влияние фразовой позиции гласного, произнесенного с нейтральным ударением, на ширину трех диапазонов – BW1, BW2 и BW4 (рис. 4). При этом в слу-

чае BW1 наблюдается статистически достоверное сокращение диапазона первой форманты гласного в начальной фразовой позиции, у BW2 ширина диапазона в начале фразы достоверно превышает ширину диапазона в конечной фразовой позиции, а BW4 характеризуется расширением диапазона по мере перемещения гласного от начала к концу фразы. Фразовая позиция гласного, произнесенного с нейтральным ударением, не оказывает статистически достоверного влияния на ширину диапазонов форманты F3.

Фразовая позиция оказывает статистически достоверное влияние на ширину диапазонов гласных, произнесенных с эмфатическим ударением: BW1 характеризуется расширением в конечной фразовой позиции, в то время как ширина диапазона BW2 минимальна в начале фразы. BW3 принимает максимальное значение в середине фразы, BW4 – в ее начале.

Факторный анализ показал, что ширина формант определяется статистически достоверным взаимодействием позиции гласного во фразе и типа ударения: $F(8, 222) = 10,02$; $p = 0,0000$. Изменения ширины формант в произношении диктора КН могут быть охарак-

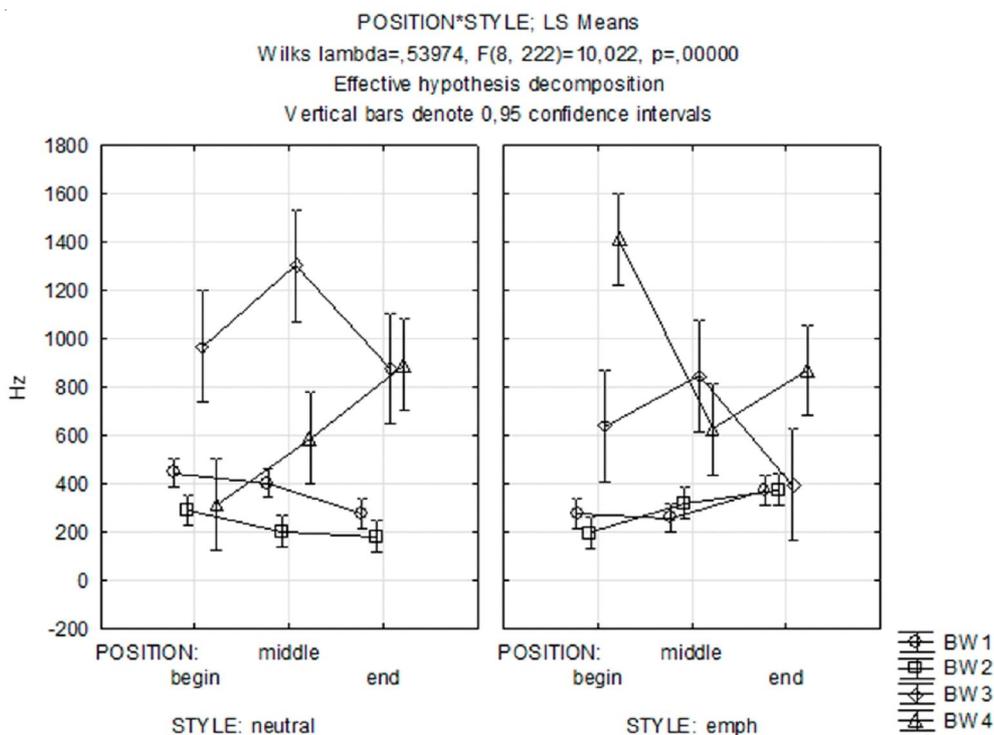

Рис. 4. Ширина формант гласного [а], произнесенного с нейтральным и эмфатическим ударением в различных позициях во фразе (диктор КН)

Fig. 4. Formant bandwidths of the Russian vowel [a] uttered with neutral and emphatic stresses in various phrasal positions (speaker KN)

теризованы как разнонаправленные (аналогично рассмотренным выше случаям реализаций гласного звука в произнесении остальных информантов). При произнесении анализируемого гласного с эмфатическим ударением ширина первой форманты сокращается в начальной и срединной фразовых позициях, ср. произнесение с нейтральным ударением. Кроме того, наблюдается сокращение ширины форманты BW2 в начальной фразовой позиции и уменьшение значения BW3 во всех трех фразовых позициях по сравнению с соответствующими значениями в случае нейтрального ударения. Расширение диапазонов формант при произнесении гласного с эмфатическим ударением отмечено в срединной и конечной фразовых позициях в случае BW2 и начальной и срединной позициях в случае BW4 относительно соответствующих значений, полученных при произнесении анализируемого гласного с нейтральным ударением.

Как следует из графиков, представленных на рисунках 1–4, величины характеризуются высокой степенью вариативности, при этом стандартное отклонение ширины форманты имеет тенденцию к возрастанию с увеличением номера форманты, а в случае BW3 и BW4 в произнесении всех четырех информантов является максимальным. Полученные результаты коррелируют с имеющимися в литературе данными о размахе выборок, в частности приведенными коллективом испанских исследователей [Formant..., 2016]. Кроме того, прослеживается тенденция к расширению ширины формант BW3 и BW4 относительно BW1 и BW2, которая также подтверждается имеющимися в литературе наблюдениями о расширении ширины формант с увеличением их номера [Kent, Vorperian, 2018; Krishna, Rajashekhar, 2013]. Несомненно, что высокая вариативность полученных данных затрудняет выявление закономерностей функционирования формантных диапазонов при реализации ударения анализируемых типов в различных фразовых позициях. Информантам, вероятно, было сложно использовать ширину формант в качестве акустического коррелята громкости при произнесении гласного с различными типами ударения – нейтральным и эмфатическим. Тем не менее произношение диктора БС характеризуется расширением диапазонов

BW1 и BW2 во всех фразовых позициях при произнесении гласного с эмфатическим ударением по сравнению с нейтральным, что частично подтверждается экспериментальными данными об использовании BW1 в качестве акустического коррелята эмоционально окрашенной речи [Gobl, Chasaide, 2003]. Кроме того, в речи всех информантов было выявлено, что фразовая позиция влияет на ширину формант. Особый интерес представляет в этом плане реализация ширины формант при произнесении гласного с нейтральным ударением в речи диктора ПА: значения диапазонов четырех формант минимальны в срединной позиции анализируемого гласного в составе фразы. У диктора ХТ в случае нейтрального ударения подобная закономерность прослеживается для двух формант – BW1 и BW3; в случае эмфатического ударения, наоборот, форманты BW1 и BW4 в середине фразы характеризуются расширением диапазонов. Эти наблюдения, на наш взгляд, свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что ширина формант звуков может быть одним из параметров, закладываемых в фонетический образ слова при порождении высказывания протяженностью «синтагма – фраза».

Выводы

В работе исследовано влияние позиции гласного в составе фразы (начальная, срединная и конечная) и типа ударения (нейтральное vs эмфатическое) на значения ширины формант BW1, BW2, BW3 и BW4. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Позиция слова во фразе оказывает влияние на ширину формант BW1, BW2, BW3 и BW4 при произнесении анализируемого слова как с нейтральным, так и с эмфатическим ударением, при этом наблюдается изменение ширины формант в начальной, срединной и конечной фразовых позициях. Величина и направление изменений диапазонов формант зависят от индивидуальных особенностей дикторов.

2. Закономерности в величине и направлении изменения ширины формант в зависимости от фразовой позиции в исследованном экспериментальном корпусе прослеживаются

у двух из четырех привлеченных к эксперименту информантов; степень влияния позиционного фактора на изменения ширины формант определяется идиолектом говорящего.

3. Закономерности варьирования значений ширины формант в зависимости от типа ударения прослеживаются только у одного из четырех привлеченных к эксперименту дикторов: в произнесении диктора БС ширина диапазонов BW1 и BW2 при эмфатическом ударении превышает соответствующие значения при нейтральном ударении. В остальных случаях изменение значений ширины формант в значительной степени обусловлено особенностями идиолекта информантов: при изменении ударения с нейтрального на эмфатическое ширина формант может увеличиваться, уменьшаться или оставаться неизменной.

4. Взаимодействие факторов фразовой позиции гласного и типа ударения является достоверным в произношении всех привлеченных к эксперименту информантов.

Таким образом, позиция гласного в составе фразы, степень его ударности, а также взаимодействие этих факторов оказывают влияние на такие параметры формантной картины гласного, как ширина диапазона первых четырех формант. Несмотря на междикторскую вариативность, у информантов прослеживаются определенные тенденции в динамике изменения ширины формант в зависимости от вышеперечисленных условий. Полученные результаты свидетельствуют в пользу предположения о программировании формантных характеристик звуков при рождении высказываний протяженностью «синтагма – фраза».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баталин С. В., 2019. Зависимость формантных характеристик гласного от позиции во фразе и типа ударения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Т. 11, вып. 4. С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-4-5-15>.
- Валуйцева И. И., Хутуни Г. Т., 2016. Эмоции в звучащей речи: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. № 3 (29). С. 45–55.
- Златоустова Л. В., 1983. Интонация и просодия в организации текста // Звучащий текст : сб. науч.-аналит. обзоров / отв. ред. Ф. М. Березин, Р. К. Потапова. М. : ИНИОН АН СССР. С. 11–21.
- Нушикян Э. А., 1986. Типология интонации эмоциональной речи. Минск : Выща школа. 157 с.
- Фант Г., 1964. Акустическая теория речеобразования. М. : Наука. 284 с.
- Чудновская И. Н., 1997. Исследование акустических параметров звуков русской речи на микро-сегментном уровне : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 28 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/402520/a/?#?page=1> (дата обращения: 04.02.2019).
- Easwar V., Scollie S., Purcell D., 2019. Investigating Potential Interactions Between Envelope Following Responses Elicited Simultaneously by Different Vowel Formants // Hearing Research. Vol. 380. P. 35–45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heares.2019.05.005>.
- Formant Frequencies and Bandwidths in Relation to Clinical Variables in an Obstructive Sleep Apnea Population, 2016 / A. M. Benavides [et al.] // Journal of Voice. Vol. 30, № 1. P. 21–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jvoice.2015.01.006>.
- Glasberg B. R., Moore B. C. J., 2002. A Model of Loudness Application to Time Varying Sounds // Journal of the Audio Engineering Society. № 50. P. 331–342.
- Gobl C., Chasaide A., 2003. The Role of Voice Quality in Communicating Emotion, Mood and Attitude // Speech Communication. Vol. 40. P. 189–212.
- Hanna N., Smith J., Wolfe J., 2016. Frequencies, Bandwidths and Magnitudes of Vocal Tract and Surrounding Tissue Resonances, Measured Through the Lips During Phonation // Journal of Acoustical Society of America. Vol. 139, № 5. P. 2924–2936. DOI: <http://dx.doi.org/10.1121/1.4948754>.
- Kent R. D., Vorperian H. K., 2018. Static Measurements of Vowel Formant Frequencies and Bandwidths: A Review // Journal of Communication Disorders. № 74. P. 74–97. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcomdis.2018.05.004>.
- Koolagudi S. G., Rao K. S., 2012. Emotion Recognition from Speech: A Review // International Journal of Speech Technology. Vol. 15, iss. 2. P. 99–117. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10772-011-9125-1>.
- Krishna Y., Rajashekhar B., 2013. Association Between Bandwidths of Vowel Formants and Age, Gender and Consonant Context in Telugu // Language in India. Vol. 13, № 3. P. 574–584. URL: <https://docplayer.net/30951662-Association-between-bandwidths-of-vowel-formants-and-age-gender-and-consonant-context-in-telugu.html> (date of access: 05.02.2019).

- Mannepalli K., Sastry P. N., Suman M., 2018. Analysis of Emotion Recognition System for Telugu Using Prosodic and Formant Features // *Speech and Language Processing for Human-Machine Communications. Advances in Intelligent Systems and Computing* / ed. by S. Agrawal [et al.]. Vol. 664. P. 137–144. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-6626-9_15.
- Medabalimi A. J. X., Seshadri G., Bayya Y., 2014. Extraction of Formant Bandwidths Using Properties of Group Delay Functions // *Speech Communication*. № 63–64. P. 70–83. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.specom.2014.04.006>.
- Petrushin V. A., 2000. Emotion Recognition in Speech Signal: Experimental Study, Development, and Application // *Sixth International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP 2000)*, Beijing, October 16–20, 2000. Vol. 2. P. 222–225. URL: https://www.isca-speech.org/archive/archive_papers/icslp_2000/i00_4222.pdf (date of access: 04.02.2019).
- Scherer K. R., 1986. Vocal Affect Expressions: A Review and a Model for Future Research // *Psychological Bulletin*. Vol. 99. P. 143–165.
- Sluijter A. M. C., Van Heuven V. J., 1996. Acoustic Correlates of Linguistic Stress and Accent in Dutch and American English // *The Fourth International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP96)*. Philadelphia, October 3–6, 1996. Vol. 2. P. 630–633. URL: <http://www.asel.udel.edu/icslp/cdrom/vol2/604/a604.pdf> (date of access: 20.03.2019).
- Tamburini F., Caini C., 2005. An Automatic System for Detecting Prosodic Prominence in American English Continuous Speech // *International Journal of Speech Technology*. Vol. 8, iss. 1. P. 30–33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10772-005-4760-z>.
- The Effect of Emphatic Stress on Consonant Vowel Coarticulation, 2007 / B. Lindblom [et al.] // *Journal of Acoustical Society of America*. Vol. 121, № 6. P. 3802–3813. DOI: <https://doi.org/10.1121/1.2730622>.
- Ververidis D., Kotropoulos C., 2006. Emotional Speech Recognition: Resources, Features, and Methods // *Speech Communication*. Vol. 48, iss. 9. P. 1162–1181.
- Zwicker E., Flottorp G., Stevens S. S., 1957. Critical Band Width in Loudness Summation // *Journal of Acoustical Society of America*. Vol. 29. P. 548–557. URL: <http://dx.doi.org/10.1121/1.1908963> (date of access: 20.01.2019).
- udareniya [The Effect of Phrasal Position and Type of Stress on the Formant Features of Vowels]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], vol. 11, iss. 4, pp. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.1772/2073-6681-2019-4-5-15>.
- Valuytseva I.I., Khutuni G.T., 2016. Emotsii v zvuchashchey rechi: eksperimentalnoe issledovanie [Emotions in Speech: Experimental Research]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], iss. 3 (29), pp. 45–55.
- Zlatoustova L.V., 1983. Intonatsiya i prosodiya v organizatsii teksta [Intonation and Prosody in Text Organization]. Berezin F.M., Potapova R.K., eds. *Zvuchashchiy tekst: sb. nauch.-analit. obzorov* [Oral Text: A Collection of Scientific-Analytical Reviews]. Moscow, INION AN SSSR, pp. 11–21.
- Nushikyan E.A., 1986. *Tipologiya intonatsii emotsionalnoy rechi* [Intonation Typology of Emotional Speech]. Minsk, Vyshcha shkola Publ., 157 p.
- Fant G., 1964. *Akusticheskaya teoriya recheobrazovaniya* [Acoustic Theory of Speech Production]. Moscow, Nauka Publ., 284 p.
- Chudnovskaya I.N., 1997. *Issledovanie akusticheskikh parametrov zvukov russkoy rechi na mikrosegmentnom urovne: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Investigation of Acoustic Parameters of Russian Speech Sounds at the Microsegmental Level. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 28 p. URL: <http://cheloveknauka.com/v/402520/a?#?page=1> (accessed 4 February 2020).
- Easwar V., Scollie S., Purcell D., 2019. Investigating Potential Interactions Between Envelope Following Responses Elicited Simultaneously by Different Vowel Formants. *Hearing Research*, vol. 380, pp. 35–45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heares.2019.05.005>.
- Benavides A.M., Murillo J.L.B., Pozo R.F., Cuadros F.E., Toledano D.T., Alcazar-Ramírez J.D., Gomez L.A.H., Murillo J.L.B., Pozo R.F., Cuadros F.E., 2016. Formant Frequencies and Bandwidths in Relation to Clinical Variables in an Obstructive Sleep Apnea Population. *Journal of Voice*, vol. 30, no. 1, pp. 21–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jvoice.2015.01.006>.
- Glasberg B.R., Moore B.C.J., 2002. A Model of Loudness Application to Time Varying Sounds. *Journal of the Audio Engineering Society*, no. 50, pp. 331–342.
- Gobl C., Chasaide A., 2003. The Role of Voice Quality in Communicating Emotion, Mood and Attitude. *Speech Communication*, vol. 40, pp. 189–212.

REFERENCES

Batalin S.V., 2019. Zavisimost formantnykh kharakteristik glasnogo ot pozitsii vo fraze i tipa

- Hanna N., Smith J., Wolfe J., 2016. Frequencies, Bandwidths and Magnitudes of Vocal Tract and Surrounding Tissue Resonances, Measured Through the Lips During Phonation. *Journal of Acoustical Society of America*, vol. 139, no. 5, pp. 2924-2936. DOI: <http://dx.doi.org/10.1121/1.4948754>.
- Kent R.D., Vorperian H.K., 2018. Static Measurements of Vowel Formant Frequencies and Bandwidths: A Review. *Journal of Communication Disorders*, no. 74, pp. 74-97. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcomdis.2018.05.004>.
- Koolagudi S.G., Rao K.S., 2012. Emotion Recognition from Speech: A Review. *International Journal of Speech Technology*, vol. 15, iss. 2, pp. 99-117. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10772-011-9125-1>.
- Krishna Y., Rajashekhar B., 2013. Association Between Bandwidths of Vowel Formants and Age, Gender and Consonant Context in Telugu. *Language in India*, vol. 13, no. 3, pp. 574-584. URL: <https://docplayer.net/30951662-Association-between-bandwidths-of-vowel-formants-and-age-gender-and-consonant-context-in-telugu.html> (accessed 5 February 2019).
- Mannepalli K., Sastry P.N., Suman M., 2018. Analysis of Emotion Recognition System for Telugu Using Prosodic and Formant Features. Agrawal S., Devi A., Wason R., Bansal P., eds. *Speech and Language Processing for Human-Machine Communications. Advances in Intelligent Systems and Computing*, vol. 664, pp. 137-144. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-6626-9_15.
- Medabilimi A.J.X., Seshadri G., Bayya Y., 2014. Extraction of Formant Bandwidths Using Properties of Group Delay Functions. *Speech Communication*, no. 63-64, pp. 70-83. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.specom.2014.04.006>.
- Petrushin V.A., 2000. Emotion Recognition in Speech Signal: Experimental Study, Development, and Application. *Sixth International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP 2000)*, Beijing, October 16–20, 2000. Beijing, vol. 2, pp. 222-225. URL: https://www.isca-speech.org/archive/archive_papers/icslp_2000/i00_4222.pdf (accessed 4 February 2019).
- Scherer, K.R., 1986. Vocal Affect Expressions: A Review and a Model for Future Research. *Psychological Bulletin*, vol. 99, pp. 143-165.
- Sluijter A.M.C., Heuven V.J. van, 1996. Acoustic Correlates of Linguistic Stress and Accent in Dutch and American English. *The Fourth International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP 96)*. Philadelphia, October 3–6, 1996. Philadelphia, vol. 2, pp. 630-633. URL: <http://www.asel.udel.edu/icslp/cdrom/vol2/604/a604.pdf> (accessed 20 March 2019).
- Tamburini F., Caini C., 2005. An Automatic System for Detecting Prosodic Prominence in American English Continuous Speech. *International Journal of Speech Technology*, vol. 8, iss. 1, pp. 30-33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10772-005-4760-z>.
- Lindblom B., Agwuele A., Sussman H.M., Cortes E.E., 2007. The Effect of Emphatic Stress on Consonant Vowel Coarticulation. *Journal of Acoustical Society of America*, vol. 121, no. 6, pp. 3802-3813. DOI: <https://doi.org/10.1121/1.2730622>.
- Ververidis D., Kotropoulos C., 2006. Emotional Speech Recognition: Resources, Features, and Methods. *Speech Communication*, vol. 48, iss. 9, pp. 1162-1181.
- Zwicker E., Flottorp G., Stevens S.S., 1957. Critical Band Width in Loudness Summation. *Journal of Acoustical Society of America*, vol. 29, pp. 548-557. URL: <http://dx.doi.org/10.1121/1.1908963> (accessed 20 January 2019).

Information About the Author

Sergey V. Batalin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, sbat_2009@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3435-9797>

Информация об авторе

Сергей Васильевич Баталин, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. В.И. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, sbat_2009@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3435-9797>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.2>

UDC 811.161.1(470.345)
LBC 81.411.2

Submitted: 11.11.2019
Accepted: 27.03.2020

DEVERBATIVES IN RUSSIAN DIALECTS SPOKEN ON THE TERRITORY OF MORDOVIA

Elvira N. Akimova

The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Tatiana I. Mochalova

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The article deals with deverbatives (names of actions) represented in Russian dialects spoken on the territory of the Republic of Mordovia. The research aim is to describe semantic peculiarities and uniqueness of the word formation and morphemic structure of the nouns belonging to this class. Deverbatives are considered as syncretic unities that are built by merging the grammatical features of both a verb and a noun, typical of the Russian language. The deverbative origin results in preserving the semantics of an abstract action; according to their semantic structure, they can be divided into two main groups: the actions performed by human beings and the ones without their participation. The latter are animals' and birds' motions, natural phenomena, stages in a process or time intervals. It is noted that some language units are subjected to specialization of lexical meaning, processual semantics loss and are used to nominate an object, place or time of action. Deverbatives have been characterized as demonstrating underdeveloped system of paradigmatic relations. They are derived of national and dialectal verbal stems in full accordance with the general Russian word formation rules and models, including the most productive morphological pattern with its suffixal and zero affixation variants, and the least productive ones, as prefixation-suffixation and complex suffixation. Since deverbatives are closely connected with intellectual human activity, worldview and reality awareness, they constitute unique fragments of dialectal mentality.

Key words: Russian language, dialect, deverbative, names of action, derivative, verb, semantics, lexical semantic group.

Citation. Akimova E.N., Mochalova T.I. Deverbatives in Russian Dialects Spoken on the Territory of Mordovia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 16-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.2>

УДК 811.161.1(470.345)
ББК 81.411.2

Дата поступления статьи: 11.11.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

ДЕВЕРБАТИВЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Эльвира Николаевна Акимова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Татьяна Ивановна Мочалова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск, Россия

Аннотация. В работе описываются девербативы, представленные в русских говорах Мордовии. Цель исследования – охарактеризовать особенности их лексической семантики и своеобразие морфемной и словообразовательной структур. Девербативы рассматриваются как синкретичные для грамматического

строю русского языка образования, совмещающие свойства глагола и существительного. Отглагольное происхождение обуславливает сохранение семантики отвлеченного действия: в изучаемых диалектах отмечены девербативы, называющие действия, производимые человеком, и действия, не связанные с ним (движения птиц, животных, явления природы, этапы протекания процесса или временные промежутки и др.). Показано, что некоторые языковые единицы претерпевают конкретизацию лексического значения, утрачивают процессуальную семантику и используются для номинации предмета, места или времени осуществления действия. Установлено, что девербативы характеризуются слабо развитой системой парадигматических связей; образуются от глагольных общенародных или диалектных основ в соответствии с общерусскими закономерностями и по моделям, известным литературному языку. Выявлено, что наиболее продуктивен морфологический способ словообразования в суффиксальной и безаффиксной разновидностях, непродуктивны – префиксально-суффиксальный и сложносуффиксальный способы. Отглагольные существительные, будучи тесно связанными с интеллектуальной деятельностью человека, его мироощущением, отношением к окружающей действительности, представляют уникальный фрагмент диалектной языковой картины мира.

Ключевые слова: русский язык, диалект, девербатив, имена действия, дериват, глагол, семантика, лексико-семантическая группа.

Цитирование. Акимова Э. Н., Мочалова Т. И. Девербативы в русских говорах на территории Республики Мордовия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 16–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.2>

Введение

Изучение отглагольных существительных имеет глубокую лингвистическую традицию.

Девербативы привлекают внимание ученых прежде всего потому, что в этих синкретичных образованиях находят отражение глагольные категории, в частности вид и залог. Так, А.Х. Востоков писал, что «в существительном отглагольном теряется означение времени... но сохраняется вид глагола, неокончательный, совершенный и многократный, например чтение, прочтение, читывание» [Востоков, 1831, с. 73]. А.М. Пешковский также обращал внимание на взаимодействие имени и глагола в сфере категории вида: «В той или иной мере категория вида оказывается свойственной и существительным, и в соответствующей мере мы можем говорить здесь о смешении существительного с глаголом» [Пешковский, 1956, с. 112]. Однако В.В. Виноградов подчеркивал, что «различия в длительности здесь не имеют ничего общего с видовыми значениями глаголов» [Виноградов, 1986, с. 104]. Солидарен с ним П.В. Булин: «Поскольку имена действия в словообразовательном плане мотивируются глаголами, в ряде случаев включают в свою структуру глагольные суффиксы, образуются от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида, имеют значение процесса, то, ес-

тественно, возникает вопрос об их отношении к категории вида глагола» [Булин, 1970, с. 93]. При этом автор отмечает, что отглагольные существительные на *-ние*, которые не осложнены суффиксами *-ива-*, *-ыва-*, *-ва-*, не только не имеют видового значения, но и лишены каких-либо видовых оттенков значения и соответствуют в одинаковой мере инфинитиву совершенного и несовершенного вида [Булин, 1970, с. 93]. Такую особенность девербативов описал еще А.А. Потебня, указав, что существительные на *-ние*, *-тие* «сами по себе безразличны относительно совершенности и несовершенности» [Потебня, 1958, с. 344–345], а соотносительность имен на *-ние*, *-тие* по характеру действия с глаголами совершенного или несовершенного вида зависит от контекста.

Суть проблемы видовых значений и видовых различий отглагольных существительных, по мнению В.Н. Хохлачевой, состоит в том, что неясно, являются ли они категориальными свойствами самих слов или возникли «в отраженном свете реализации словообразовательных отношений и к собственно категориальным проблемам не принадлежат» [Хохлачева, 1969, с. 44]. Как считает Л.Г. Свердлов, лишь исторический аспект изучения отглагольных существительных может дать верный ответ на вопрос о возможности выражения видовых значений существительными на *-ние*, *-ение*, *-тие*. Иссле-

дую такие девербативы в русском литературном языке XVIII в., он приходит к выводу, что для этого периода различие видовых оттенков у существительных на *-ние*, *-ение*, *-тие* было актуально [Свердлов, 1962, с. 12].

Как видим, в научной литературе неоднозначно решается вопрос о характере проявления грамматической категории вида у девербативов. На наш взгляд, у них можно усмотреть сохранение имплицитных особенностей реализации действия, что прежде всего обусловлено глагольным происхождением и наличием в их структуре аффиксов, способных формировать представление о многократности, длительности обозначаемого процесса (*проговаривание*, *чтение* и т. п.). Грамматические признаки имени существительного (род, число, падеж) у них эксплицированы.

Не меньше споров до сих пор вызывает проблема отражения в девербативах категории залога. Об этой проблеме писал еще А.М. Пешковский, который пришел к выводу, что отглагольные существительные ни в какой мере не соприкасаются с данной категорией [Пешковский, 1956, с. 47]. Напротив, Е.В. Болотова говорит о сохранении отглагольными существительными залоговых значений, считая, что в существительных типа *творец* и *заявитель* отражен действительный залог (тот, кто совершает действие), а в словах типа *вкладыш* (то, что вложено), *сочинение* (то, что сочинено) – страдательный [Болотова, 2003, с. 14]. Как проявление залоговых свойств существительных на *-ние* она рассматривает использование при этих субстантивах родительного падежа, а доказательством – возможность трансформации таких словосочетаний в соединении с объектом в предложение действительного или страдательного залога [Болотова, 2003, с. 15].

По мнению А.В. Петрова, «сам факт залоговой соотносительности имен говорит о том, что залоговое значение у них существует, но материализуется имплицитно, определяется у имени семантически» [Петров, 1983, с. 29]. Автор приводит примеры существительных на *-е/ние*, которые соотносятся с глаголами действительного и возвратно-среднего залогов и отражают их семантико-грамматическую противопоставленность.

Многие лингвисты отмечают специфику сочетаемости девербативов. Так, В.П. Казаков выявил возможность отглагольных существительных сочетаться с относительными прилагательными, рассмотрев такие сочетания не только с точки зрения «выражения согласованным определением субъектных, объектных, обстоятельственных значений, но и с точки зрения реализации глагольных валентностей отглагольных существительных» [Казаков, 1982, с. 84]. Автор отмечает, что новым в синтаксисе словосочетания является трансформация сочетаний отглагольных существительных с относительными прилагательными в предложно-падежной конструкции. При этом относительные прилагательные могут выражать разнообразные отношения.

В наших работах на примерах памятников письменности XI–XVII вв. было показано, что отвлеченность и особенно отглагольность существительных в предложно-падежных сочетаниях со значением обусловленности предполагают их развертывание в предикативный центр придаточной части: *Ти видящее, яко многашиьды лишаемъ суци литургии, проскурнаго ради непечения, жальяшеси о томъ зъло* (ЖФП, с. 312) – «И, узнав, что часто не бывает литургии, так как *некому* печь просфоры, очень опечалился»; *оставили в живых для пути* (Петр Первый, т. 4, с. 456) – «оставили в живых, чтобы использовать в пути» [Акимова, 2006, с. 51].

Усиление предикативности отглагольных имен и увеличение их количества связаны с особой важностью имени в языке после XIV в. и с необходимостью возмещения разрушенной системы глагольных форм. «Отглагольные имена заменяют собой целое высказывание» [Колесов, 1989, с. 72].

Подробно изучены в научной литературе средства образования отглагольных существительных. Так, Л. Якимова затрагивает вопрос о способах деривации существительных и влиянии аффиксов на лексическое значение производных. Автор отмечает, что в современном русском языке отглагольные существительные обладают развитой системой суффиксов: *-ни-*, *-ени-*, *-к-*, *-ацuj-*. Значительно меньшее количество таких существительных образуется безаффиксным способом. Если существительные созданы при помощи

приставок, то приставки не влияют на конкретизацию семантики отглагольных существительных, но могут обозначать процесс как результативный, недлительный [Якимова, 1966]. Э.А. Балалыкина отмечает, что в процессе деривации у отглагольных существительных появляются словообразовательные значения носителя процессуального признака и отвлеченного процессуального признака [Балалыкина, 1985, с. 9].

Отглагольные существительные исследуются также на диалектном материале [Бромлей, Булатова, 1972; Галуза, 2013; и др.]. Ю.С. Азарх указывает на то, что в диалектах слова на *-нь* можно разделить на тематические группы, неизвестные литературному языку (обозначение состояния человека, природы, названия лиц и животных по отрицательному признаку, вещей, пришедших в негодность), и что «их семантика как словообразовательного типа уже не мотивируется производящей глагольной основой, а обусловлена их грамматической формой, принадлежностью к определенному типу словоизменения» [Азарх, 1984, с. 18–19].

Отглагольные существительные изучаются лингвистами в разных аспектах, признается синкретичный характер девербативной лексики [Бастракова, 2016; Долженко, 2005; Егорова, 2009; и др.], но многие вопросы до сих пор остаются спорными и требуют дальнейшей разработки. Так, не получили детального рассмотрения особенности образования девербативов в системе говоров, внутридиалектные и междиалектные различия, формирующиеся в процессе их деривации, а также сопутствующие морфонологические изменения; требуют освещения с опорой на современные методы проблемы семантического анализа отглагольных существительных, семантическое варьирование слова в диалектной среде, ментальные и культурно-исторические коннотации отглагольных лексем и др. Кроме того, недостаточно полно с позиций динамического подхода к системе частей речи и когнитивно-дискурсивного направления представлен материал, позволяющий определять отношения между глаголом и существительным в аспекте диалектного словообразования.

Объектом нашего исследования являются девербативы со значением отвлеченного действия (имена действия), зафиксированные в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» (далее – СРГРМ). Они составляют неоднородную в содержательном и структурно-грамматическом отношении лексико-семантическую группу. Цель исследования – охарактеризовать особенности лексической семантики и своеобразие морфемной и словообразовательной структур существительных такого типа. На материале русских говоров Мордовии нами изучались различные семантические объединения диалектной лексики [Акимова, 2011; Мочалова, 2008; 2010; и др.], однако девербативы объектом специального рассмотрения не становились. Актуальность исследования определяется прежде всего обращением к анализу языковых единиц, которые позволяют выразить абстрактную лексическую семантику с учетом различных коммуникативных потребностей говорящего, репрезентируют национальную концептосферу посредством особых форм той или иной части речи. В аспекте таких приоритетных направлений современной лингвистики, как антропоцентрическое, функциональное и когнитивное, язык предстает динамической системой, позволяющей осмыслить механизмы взаимосвязи и взаимодействия в речемыслительной деятельности человека языковых единиц и категорий разного уровня.

Материал и методы исследования

Структурно-семантический и семаологический подходы к анализу материала делают возможным исследование системных отношений на основе одной лексико-семантической группы. В работе применялись различные приемы и методы научного исследования. Основными являются: описательный метод для представления материала, извлеченного в результате сплошной выборки из «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия»; компонентный анализ лексических единиц для установления их системных иерархических связей и выявления парадигматических отношений между ними; метод контекстного анализа для характеристики плана содержания имен дей-

ствия. Кроме того, в работе был использован метод лингвокультурологической интерпретации.

Результаты и обсуждение

Лексико-семантическая характеристика девербативов

В СРГРМ использованы разные способы лексикографического описания девербативов. Это связано с тем, что значение отглагольных существительных часто бывает настолько близко к значению соотносительного глагола, что словари не толкуют их как самостоятельные, а отсылают к толкованию исходного глагола: *обналичка* – ‘действие по глаголу обналичить’, *окосячка* – ‘действие по глаголу окосячить’, *пырьба* – ‘действие по глаголу пыряться’, *пробой* в 1-м знач. – ‘действие по глаголу пробивать’, *садка* – ‘действие по глаголу сажать, посадка’ и т. п. Например:

- (1) Каза уминя и телкъ, **пырбу** устроют, аш индь матреть страшнь (Кулишейка, Рузаевский район);
 (2) Кака мне **саткъ** картошък, кагда я сафсем плохая здельльсь (Суподеевка, Ардатовский район).

Словарная статья может строиться описательно, при этом значение диалектного слова передается посредством семантического эквивалента общенародного языка: *заснимка* – ‘съемка, фотографирование’, *уход*, *убор* во 2-м знач. – ‘уборка, наведение порядка’, *повалка*, *порубь* – ‘рубка леса’, *мытво* – ‘мытье’ и др. Например:

- (3) **Заснимку** дельли боброх (Такушево, Теньгушевский район).

Л. Якимова отмечает, что отглагольные существительные представляют основной массив категории абстрактности в русском языке [Якимова, 1966]. В диалектной среде значение отвлеченного действия могут передавать не только собственно девербативы, но и существительные, не имеющие соотносительного глагола. К таким образованиям можно отнести собственно диалектные слова (*рубон* – ‘принятие пищи’, *мургуч* – ‘угощение со спиртными напитками, устраиваемое в качестве вознаграждения за что-либо’, *распо-*

лоха в 1-м знач. – ‘раскулачивание’), общенародные слова, претерпевшие в системе говора семантические изменения (*сок²* – ‘снятие коры с липы’).

Как и в литературном языке, у девербативов в диалектной речи может утрачиваться семантика действия и тогда они становятся названиями предметов реальной действительности (*постройка*, *прическа*, *остановка* и т. п.). Например, существительное *перемывочка* обозначает ‘смену белья’, при этом слово номинирует не процесс переодевания, а комплект одежды, что подтверждает и приводимый иллюстративный материал:

- (4) Мать, а ты пайдеш в баню, другую **пиримывьчку** надень (Барахманы, Большеигнатовский район).

Девербативы могут называть как само действие, так и его результат, например *обналичка*, *окосячка*, *пробой* и т. п.:

- (5) **Укосячку** здельют, дельют **убналичку** внутриннюю и внешнюю. Праемы в ызбе здельит – дельют **укасячку**. Вы што прьбывали косу-ть, што нет, **пробоя** вофси ни виднь (Суподеевка, Ардатовский район).

В приведенном примере дериваты обозначают результат действия. Н.Г. Долженко при рассмотрении подобных образований указывает, что «отглагольные дериваты, у которых развивается конкретное значение, обозначают обычно результаты мотивирующего действия, то есть конкретные предметы, продукты (то, что получилось) в результате действия, обозначаемого производящим глаголом» [Долженко, 2005, с. 107]. Девербативы в результате утраты процессуальной семантики могут употребляться для номинации места или времени осуществления действия, например *повалка* – ‘рубка леса’ и ‘место, где рубят лес’, *жнивье*, *жница*, *жнитво* – ‘уборка хлебов’ и ‘время уборки хлебов’:

- (6) Шуркъ-ть уш цэлу ниделю нь **пъвалки** рабобът (Елизаветинка, Большеберезниковский район);
 (7) Пажар случилси в **жнитво**, диревня пустая была, фсё згарель (Кулишейка, Рузаевский район).

Диалектные девербативы разнообразны в семантическом отношении. В их составе можно выделить следующие подгруппы.

I. Существительные, передающие действия человека. Эта подгруппа многочисленна:

а) существительные, характеризующие физиологические процессы, особенности умственной, коммуникативной деятельности человека: *лягомо* во 2-м знач. – ‘лежание’, *рас-сказши* – ‘словесное изложение каких-либо событий, рассказ’, *каляканце* – ‘разговор, болтовня’, *рубон* – ‘принятие пищи’, *воп* – ‘громкий плач, вопль’ и др. Например:

(8) Нивестъ с **вопъм** замуш идет (Нижняя Верченка, Старошайговский район);

(9) Любили мы страшны **рассказши** слушьть (Пурдошки, Темниковский район);

б) существительные, называющие особенности сельского труда, хозяйственной деятельности человека, его профессиональные обязанности: *обор*¹ – ‘обирание, сбор (грибов, ягод, орехов)’, *садка* – ‘действие по глаголу сажать, посадка’, *жнитво*, *жница* – ‘уборка хлебов’, *рытво* – ‘рытье’, *отёсок* – ‘обтесывание бревна’, *повалка*, *порубь* в 1-м знач. – ‘рубка леса’, *убор* во 2-м знач., *уход* – ‘уборка, наведение порядка’, *повой* (устар.) – ‘оказание помощи при родах’, *заснимка* – ‘съемка, фотографирование’ и др. Например:

(10) Мыть станиш – пьмети сначала пол, а то соръм ни **мытво** (Пушкино, Ромодановский район);

(11) Уехъл он послѣ картошьнъвъ **рытва** (Суподеевка, Ардатовский район);

(12) **Жницъ** на палях нъчилъсь (Апраксино, Чамзинский район);

(13) Кума, да ты пади закончилъ **абор** вишькъ? (Смольково, Лямбирский район);

в) существительные, указывающие на социально значимые действия человека, его взаимоотношения и поведение в обществе: *дельба* – ‘раздел, распределение’, *убойство* – ‘преступное лишение жизни кого-либо, убийство’, *ходка* – ‘движение по определенному маршруту’, *дожинки* во 2-м знач. – ‘помощь, оказанная кому-либо при окончании жатвы’, *застой* – ‘защита, заступничество, поддержка’, *неладуха*, *неужитки* – ‘плохие взаимоотношения, ссоры’, *рукобитъё* – ‘первое знакомство родственников жениха и невесты’. Например:

(14) Къль ф симье **ниужитки**, прапаша дель (Сналеевская Пятина, Инсарский район);

(15) Фчяра у них **рукабитъи** былъ (Силино, Ардатовский район);

(16) Оне тут жыли брат с сестрой в одном доме, **ниладуха** тут у них была, ругались (Суподеевка, Ардатовский район);

(17) Он ат ние фсягда **застой** пълучат – недаръм, што сын (Такушево, Теньгушевский район);

(18) Фсей симьей нъ **дажынки** ухадѣли (Усыкино, Инсарский район);

(19) По три **хотки** здельли и фсю капусту принесли (Суподеевка, Ардатовский район);

(20) Нуш если када дагонит, **убойствъ** можът быть (Марьевка, Торбеевский район);

(21) В **ръспалоху** фсе сило разъехълъсь (Новоямская Слобода, Ельниковский район);

(22) А кады помир свекър, нъчилъсь между ними **дилъба**, дом – брату, а двор съ скатиной – мне (Ефаево, Краснослободский район).

II. Существительные, характеризующие определенные этапы осуществления какого-либо действия, особенности его протекания, временные отрезки: *заначка*¹, *зачин* – ‘начало какого-либо действия’, *кончина* – ‘окончание, доведение чего-нибудь до конца’, *задоржка* – ‘промедление, задержка’, *мешкота* – ‘промедление’, *отдыхание* – ‘отдых’, *отдышка* – ‘перерыв в работе’, *поддых* – ‘перерыв в работе’, *отнечка* – ‘обоснование отказа’, *переполоха* – ‘внезапное смятение, тревожная суэта, переполох’. Например:

(23) С **канчыны** и выпить ни мишат (Красногорное, Чамзинский район);

(24) Фсе давно уехълѣ, а у нас **задоршка** вышла (Тарханово, Ичалковский район);

(25) **Заначка** удачнъ была, значит, фсе палучищъ! (Кулишейка, Рузаевский район);

(26) **Зачин** харошый был (Гумны, Краснослободский район);

(27) Када сеф идет, **мишката** домъ астаецъ, снарофкъ нужна на севи-тъ (Кулишейка, Рузаевский район);

(28) Оне гогочут тут, како мне **уддыханья** (Суподеевка, Ардатовский район);

(29) Хватит работъть, типерь **адышкъ** (Дубасово, Zubovo-Полянский район);

(30) **Атнечку** тваю мне ни нады, ладнъ уш (Константиновка, Ромодановский район);

(31) Ну и **пирпалохи** были. Везде **пирпалохи** и гъладофкъ в вайну (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район);

(32) Давай здельим **паддых** (Ирсеть, Старошайговский район).

III. Существительные, характеризующие различные явления природы, окружающей человека действительности: *капёж* – ‘падение с крыш, деревьев тающего снега каплями’, *воспаренье* – ‘испарение’. Например:

(33) Типло, нь палях **въспаренья** ньчилося (Тазино, Большеберезниковский район);

(34) На крышы снек растаил, а то шел се **капеш**, и в ызбе **капеш** (Суподеевка, Ардатовский район).

IV. Существительные, связанные с обозначением действий птиц и животных: *улёт*¹ – ‘отлет птиц’, *пырба* – ‘действие по глаголу пыряться’. Например:

(35) **Улёт** нынишну осинь позний (Рязановка, Старошайговский район);

(36) Каза уминя и телкь, **пырбу** устроют, аш индь матреть страшнь (Кулишейка, Рузаевский район).

Эта группа отглагольных существительных в исследуемых диалектах малочисленна.

Девербативы, как правило, являются моносемантическими и не развивают в системе диалекта производные прямые и переносные значения. Однако некоторые существительные имеют несколько значений: при этом в смысловой структуре таких полисемантов содержится указание на действие и его результат (*убор* в 1-м знач. – ‘порядок, чистота’, во 2-м знач. – ‘уборка, наведение порядка’), действие и предмет по действию (*пробой* в 1-м знач. – ‘действие по глаголу пробивать’, во 2-м знач. – ‘наковаленка для отбивания косы’), действие и место его осуществления (*порубь* в 1-м знач. – ‘рубка леса’, во 2-м знач. – ‘место, где вырублен лес; вырубка’); *лягомо* в 1-м знач. – ‘постель’, во 2-м знач. – ‘лежание’), действие и время его осуществления (*дожинки* в 1-м знач. – ‘последний день жатвы и праздник по этому поводу’, во 2-м знач. – ‘помощь, оказанная кому-либо при окончании жатвы’).

Единичные девербативы имеют омонимичные образования: *обор*¹ – ‘обираение, сбор (грибов, ягод, орехов)’ и *обор*² – ‘оборка, волан’, *улёт*¹ – ‘отлет птиц’ и *улёт*² – ‘земельный участок, равный 0,2 гектара’, *заначка*¹ – ‘начало какого-либо действия’ и *заначка*² – ‘потайной карман’.

Таким образом, девербативы, образующие неоднородную в семантическом плане группу слов в русских говорах Мордовии, отражают результаты познавательной деятельности представителей территориально замкнутого социума, особенности мировосприятия человека и репрезентируют уникальный фрагмент диалектной языковой картины мира.

Морфемная и словообразовательная структура девербативов

Девербативы в русских говорах на территории Республики Мордовия образуются от глагольных общенародных или диалектных основ в соответствии с общерусскими словообразовательными закономерностями. Наиболее распространены производные от общенародных глаголов разных лексико-семантических групп: *мытво* ← *мыть*, *садка* ← *сажать*, *капёж* ← *капать*, *повалка* ← *повалить* и др. Реже в качестве производящей базы выступают диалектизмы: *заначка*¹ – ‘начало какого-либо действия’ (*заначить* – ‘приступить к какому-либо делу’), *задоржка* – ‘промедление, задержка’ (*задорживать* – ‘задерживать’).

Девербативы в русских народных говорах образуются различными способами в рамках морфологического словопроизводства по моделям, известным литературному языку.

Для образования диалектных девербативов наиболее продуктивным является морфологический способ в суффиксальной и безаффиксной разновидностях. В процессе деривации используются, как правило, суффиксы общенародного языка, представленные в порядке убывающей регулярности: *-к-*, *-тв-*, *-б-*, *-ениј-*, *-ниј-*, *-нј-*, *-тј-*, *-иј-*, *-в-*, *-чк-*, *-иц-*, *-ёж-*, *-ль-*, *-ух-*, *-от-*, *-ом-*, *-ств-*. Наиболее частотным оказался суффикс *-к-*, образующий девербативы как от приставочных, так и от бесприставочных глаголов: *нагон/к/а* ← *нагонять*, *сад/к/а* ← *сажать*, *засним/к/а* ← *заснимать*, *повал/к/а* ← *повалить*, *ход/к/а* ← *ходить*, *дожин/к/и* ← *дожинать*, *задорж/к/а* ← *задоржать*, *отдыш/к/а* ← *отдышаться*, *пар/к/а* ← *парить*, *разгул/к/а* ← *разгуляться*, *занач/к/а* ← *заначить*, *помож/к/а* ← *помогать* и др. Как отмечает Л.П. Крысин, аффиксы отглагольных существительных абстрактны, поскольку имеют некий обобщен-

ный смысл и не могут указывать на какой-либо конкретный предмет [Крысин, 1998, с. 26].

Об отглагольных существительных с менее продуктивным формантом *-тв-* пишет И.В. Горелова, которая отмечает, что он не был продуктивным уже в праславянском языке, она выделяет значения действия (состояния) или результата у существительных с *-тва* [Горелова, 1974, с. 26], ее наблюдения подтверждают и лексикографические данные, например репрезентация в СРГРМ существительных с аффиксами *-тв-* (*мы/тв/о* ← *мыть*, *ры/тв/о* ← *рыть*), *-итв-* (*жн/итв/о* ← *жаты*), *-ств-* (*убой/ств/о* ← *убить*), *-тств-* (*руга/тств/о* ← *ругать*).

По аналогии с общерусской словообразовательной моделью *стрель/б/а* ← *стрелять* при помощи суффикса *-б-* в диалектной среде образуются такие существительные, как *пырь/б/а* – ‘действие по глаголу пыряться’, *дель/б/а* – ‘раздел, распределение’.

В исследуемых говорах зафиксированы немногочисленные образования, при деривации которых использовались суффиксы *-ениј-*, *-ниј*, *-нј-*, *-тј-*, *-иј-*: *отдыха/ни/е* ← *отдыхать*, *воспар/ень/е* ← *воспарить*, *руга/нь/е* ← *ругать* и др. При этом в говорах происходит их стяжение в *-тье*, *-нье*.

Отмечены единичные случаи образования девербативов при помощи других аффиксов: *-в-* / *-в’-* (*добы/вь* ← *добывать*, *доби/в/а* ← *добить*), *-чк-* (*отне/чк/а* ← *отнекиваться*), *-от-* (*мешк/от/а* ← *мешкать*), *-ёж* (*кап/еж* ← *капать*), *-ом-* (*ляг/ом/о* ← *лежать*), *-ль* (*мни/ль* ← *мнить*), *-ух-* (*рассед/ух/а* ← *расседься*), *-иц-* (*жн/иц/а* ← *жаты*).

Продуктивным для диалектной системы оказалось безаффиксное словообразование на базе глагольных основ: *обор*¹ ← *обирать*, *пробой* ← *пробивать*, *убор* ← *убрать*, *уход* ← *ухаживать*, *воп* ← *вопить*, *зачин* ← *зачинать*, *помык* ← *помыкать*, *уезд* ← *уезжать*, *порубь* ← *порубить* и др. О.Ю. Галуза, исследуя отглагольные образования говоров Приамурья, также указывает на то, что безаффиксное образование существительных – «живой и продуктивный способ пополнения словарного состава» [Галуза, 2013, с. 26].

В ряде случаев в структуре диалектного девербатива можно наблюдать отличия от соотносительного глагола: присоединение при-

ставки или добавление иного префикса (ср.: *за/стой* – ‘защита, заступничество, поддержка’ и *стоять*), отличие в префиксе (ср.: *под/прек* – ‘укор, упрек’ и *упрекать*, *под/мога* – ‘помощь’ и *помогать*). Заметим, что В.В. Лопатин делит такие отглагольные существительные на две группы: 1) имена, для которых в языке вообще нет однокоренного глагола с тем же префиксом, и сюда относится небольшое количество слов; 2) имена, для которых есть глаголы с тем же префиксом, но эти префиксы не соотносятся между собой, так как в именах не выражается значение, характерное для соответствующего глагола [Лопатин, 1977].

Единичными примерами представлен префиксально-суффиксальный способ (*не/лад/ух/а* – ‘плохие взаимоотношения, ссоры’, то есть *не ладить*; *не/ужи/тк/и* – ‘плохие взаимоотношения, ссоры’, то есть *не ужиться*) и сложноссуффиксальный способ (*рук/о/би/ть/е* – ‘первое знакомство родственников жениха и невесты’, то есть *бить*, *ударить по рукам*).

Заключение

Девербативы – это синкретичные образования в грамматическом строе современного русского языка, сочетающие в себе признаки как глагола, так и имени существительного. Они представляют достаточно обширную и неоднородную в структурно-семантическом плане группу. Отглагольное происхождение обуславливает сохранение в них процессуальной семантики, имплицитное выражение характера протекания действия. Диалектные девербативы обозначают отвлеченные действия, которые совершаются живыми существами (человеком, животными, птицами), производятся предметами или происходят в окружающем мире. Наиболее многочисленна группа слов, характеризующих физические, физиологические, профессиональные действия человека, его социальные функции, эмоциональные реакции, особенности интеллектуальной деятельности и др. В говорах значение отвлеченного действия могут передавать не только девербативы, но и существительные, не имеющие соотносительного глагола: собственно лексические и лексико-семантические диалектизмы.

Девербативы представляют один из древнейших словообразовательных типов. Это проявляется, в частности, в том, что для диалектного словообразовательного строя большой продуктивностью характеризуется суффикс *-к-*, а не суффикс *-ниј*, как в литературном языке. Девербативы образуются различными способами в рамках морфологического словопроизводства по моделям, известным литературному языку. Наиболее продуктивным является морфологический способ в суффиксальной и безаффиксной разновидностях. Непродуктивными оказались префиксально-суффиксальный и сложносуффиксальный способы.

Отглагольные существительные тесно связаны с интеллектуальной деятельностью человека, его мироощущением, отношением к окружающей действительности и представляют уникальный фрагмент диалектной языковой картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азарх Ю. С., 1984. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М. : Наука. 247 с.
- Акимова Э. Н., 2006. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та. 240 с.
- Акимова Э. Н., 2011. Диалектные фразеологизмы со значением «Платки и способы их повязывания (ношения)» в русских говорах Мордовии // Десятые Поливановские чтения : сб. ст. по материалам докл. и сообщ. (Смоленск, 4–5 окт. 2011 г.). Смоленск : Маджента. С. 61–65.
- Балалыкина Э. А., 1985. Основные типы значений в именных существительных // Русское словообразование. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 184 с.
- Бастракова Е. А., 2016. Девербативы и девербативные обороты в лингводидактическом аспекте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 5–5. С. 11–13.
- Бологова Е. В., 2003. Изограмматическая деривация в сфере отглагольных существительных // Язык образования и образование в языке. Великий Новгород : Изд-во Новгор. ун-та. С. 14–15.
- Бромлей С. В., Булатова Л. Н., 1972. Очерки морфологии русских говоров. М. : Наука. 448 с.
- Булин П. В., 1970. О соотносительности имен действия с коррелятивными по виду глаголами в контексте // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 471. С. 93–100.
- Виноградов В. В., 1986. Русский язык : (Грамматическое учение о слове). М. : Высш. шк. 614 с.
- Востоков А. Х., 1831. Русская грамматика. СПб. : Тип. И. Глазунова. 449 с.
- Галуза О. Ю., 2013. Отглагольные дериваты в системе говоров Приамурья // Слово : фольклор.-диалектол. альм. : материалы науч. экспедиций. Благовещенск : Изд-во АмГУ. Вып. 10. С. 22–27.
- Горелова И. В., 1974. Отглагольные существительные с суффиксом *-тва* в древнерусском языке // Вопросы словообразования и лексикологии : сб. ст. / редкол. : Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука. С. 23–40.
- Долженко Н. Г., 2005. Имя действия в системе событийной лексики: пересеканность глагольной и именной лексики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. Вып. 2, № 11. С. 105–110.
- Егорова Е. Н., 2009. Девербативы как субстантивные формы глагола : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов. 244 с.
- Казakov В. П., 1982. О сочетаемости отглагольных существительных с относительными прилагательными // Русский язык в школе. № 4. С. 82–85.
- Колесов В. В., 1989. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 296 с.
- Крысин Л. П., 1998. Категория абстрактности и ее отражение в языке // Русский язык в школе. № 1. С. 21–27.
- Лопатин В. В., 1977. Префиксально-суффиксальные отглагольные имена и их синхронические словообразовательные связи // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. № 3. С. 45–53.
- Мочалова Т. И., 2008. Названия кушаний в русских говорах Мордовии // Материалы по русско-славянскому языкознанию : сб. ст. / редкол. : В. И. Собинникова (науч. ред.) [и др.]. Воронеж : Изд-во ВГУ. Вып. 29. С. 295–303.
- Мочалова Т. И., 2010. Наименования домашних животных в русских говорах Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб. : Нестор-История. С. 397–403.
- Петров А. В., 1983. О залоговой семантике в отглагольных существительных русского языка // Исследование лексической и грамматической семантики современного русского языка. Симферополь : Изд-во СГУ. С. 26–34.
- Пешковский А. М., 1956. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Учпедгиз. 511 с.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. В 4 т. Т. 1–2. М. : Просвещение. 536 с.

- Свердлов Л. Г., 1962. Отглагольные существительные на *-ние (-ение), -тие* в русском литературном языке XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Андиган. 24 с.
- Хохлачева В. Н., 1969. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М. : Наука. 152 с.
- Якимова Л., 1966. Из наблюдений над отглагольными существительными в современном русском языке // Русский язык в школе. № 5. С. 5–12.

ИСТОЧНИК

- СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I–II / отв. ред. Р. В. Семенкова. СПб. : Наука, 2013. 1560 с.

REFERENCES

- Azarkh Yu.S., 1984. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitelnykh v istorii russkogo yazyka* [Word-Formation and Formation of Forms of Nouns in the History of Russian]. Moscow, Nauka Publ. 247 p.
- Akimova E.N., 2006. *Realizatsiya kategorii obuslovlennosti v yazyke pamyatnikov pismennosti russkogo srednevekovya (XI–XVII vv.)* [Realization of Conditioning Category in the Language of Medieval 11th–17th c. Russian Written Manuscripts]. Saransk, Izd-vo Mordovskogo universiteta. 240 p.
- Akimova E.N., 2011. Dialektnye frazeologizmy so znacheniem «Platki i sposoby ikh povyazyvaniya (nosheniya)» v russkikh govorakh Mordovii [Dialect Phraseological Units with the Meaning “Shawls and Ways of Tying Them (Wearing)” in Russian Dialects of Mordovia]. *Desyatye Polivanovskie chteniya: sb. st. po materialam dokl. i soobshch. (Smolensk, 4–5 okt. 2011 g.)* [Tenth Polivanov Readings. Collection of Articles Based on the Proceedings (Smolensk, October 4–5, 2011)]. Smolensk, Madzhenta Publ., pp. 61–65.
- Balalykina E.A., 1985. Osnovnye tipy znacheniy v imennykh sushchestvitelnykh [The Main Types of Meaning in Naming Nouns]. *Russkoe slovoobrazovanie* [Russian Word Formation]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta. 184 p.
- Bastrakova E.A., 2016. Deverbativy i deverbativnye oboroty v lingvodidakticheskom aspekte [Deverbatives and Deverbative Structures in Lingvo-Didactic Aspect]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 5-5, pp. 11–13.
- Bolotova E.V., 2003. *Izogrammaticheskaya derivatsiya v sfere otglagolnykh sushchestvitelnykh* [Isogrammatic Derivation of Verbal Nouns]. *Yazyk obrazovaniya i obrazovanie v yazyke* [Language of Education and Education in Language]. Veliky Novgorod, Izd-vo Novgorodskogo universiteta, pp. 14–15.
- Bromley S.V., Bulatova L.N., 1972. *Ocherki morfologii russkikh govorov* [Essays on Morphology of Russian Dialects]. Moscow, Nauka Publ. 448 p.
- Bulin P.V., 1970. O sootnositelnosti imen deystviya s korrelyativnymi po vidu glagolami v kontekste [About Correlation of Action Nouns with Correlative Verbs in a Context]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena*, vol. 471, pp. 93–100.
- Vinogradov V.V., 1986. *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammar Theory of a Word)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 614 p.
- Vostokov A.Kh., 1831. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Glazunova. 449 p.
- Galuzha O.Yu., 2013. Otglagolnye derivaty v sisteme govorov Priamurya [Verbal Derivatives in Dialects of Amur River Region]. *Slovo: folklor-dialektol. alm.: materialy nauch. ekspeditsiy* [Word: Folklore-Dialectal Almanac. Materials of Scientific Expeditions]. Blagoveshchensk, Izd-vo AmGU, iss. 10, pp. 22–27.
- Gorelova I.V., 1974. Otglagolnye sushchestvitelnye s suffiksom -tva v drevnerusskom yazyke [Verbal Nouns Ending with -tva in Old Russian Language]. *Voprosy slovoobrazovaniya i leksikologii: sb. st.* [Issues of Word Formation and Lexicology: Collected Articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 23–40.
- Dolzhenko N.G., 2005. Imya deystviya v sisteme sobytynoy leksiki: peresekaemost glagolnoy i imennoy leksiki [Name of Action in a System of Event Lexics: Intercrossing of the Noun and Verb Lexics]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics], iss. 2, no. 11, pp. 105–110.
- Egorova E.N., 2009. *Deverbativy kak substantivnye formy glagola: dis. ... kand. filol. nauk* [Deverbatives as the Substantive Forms of Verbs. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov. 244 p.
- Kazakov V.P., 1982. O sochetaemosti otglagolnykh sushchestvitelnykh s otnositelnymi prilagatelnyimi [On Combination of Verbal Nouns and Relative Adjectives]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 4, pp. 82–85.

- Kolesov V.V., 1989. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta. 296 p.
- Krysin L.P., 1998. Kategoriya abstraktnosti i ee otrazhenie v yazyke [The Category of Abstractiveness and Its Reflecting in the Language]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 1, pp. 21-27.
- Lopatin V.V., 1977. Prefiksallyno-suffiksallynye otglagolnye imena i ikh sinkhronicheskie slovoobrazovatelnye svyazi [Prefix-Suffix Verbal Names in Synchronic Word Formation Links]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 3, pp. 45-53.
- Mochalova T.I., 2008. Nazvaniya kushaniy v russkikh govorakh Mordovii [Nomination of Food Dishes in Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu: sb. st.* [Materials on Russian-Slavic Linguistics. Collected Articles]. Voronezh, Izd-vo VGU, iss. 29, pp. 295-303.
- Mochalova T.I., 2010. Naimenovaniya domashnykh zhivotnykh v russkikh govorakh Respubliki Mordoviya [Nomination of Domestic Animals in Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2010* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2010]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 397-403.
- Petrov A.V., 1983. O zalogovoy semantike v otglagolnykh sushchestvitelnykh russkogo yazyka [About Voice Semantics of Verbal Nouns of the Russian Language]. *Issledovanie leksicheskoy i grammaticheskoy semantiki sovremennogo russkogo yazyka* [Research of Lexical and Grammatical Semantics of the Modern Russian Language]. Simferopol, Izd-vo SGU, pp. 26-34.
- Peshkovskiy A.M., 1956. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Aspect]. Moscow, Uchpedgiz. 511 p.
- Potebnya A.A., 1958. *Iz zapisok po russkoy grammatike. V 4 t. T. 1-2* [From the Notes on Russian Grammar. In 4 Vols. Vol. 1-2]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 536 p.
- Sverdlov A.T., 1962. *Otglagolnye sushchestvitelnye na -nie (-enie), -tie v russkom literaturnom yazyke XVIII v.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Verbal Nouns Ending with -nie (-enie), -tie in Russian Literary Language of the 18th c. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Andijan. 24 p.
- Khokhlacheva V.N., 1969. *K istorii otglagolnogo slovoobrazovaniya sushchestvitelnykh v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni* [On the History of Verbal Nouns Word Formation in Russian Literary Language of Modern Times]. Moscow, Nauka Publ. 152 p.
- Yakimova L., 1966. Iz nablyudeniya nad otglagolnymi sushchestvitelnymi v sovremennom russkom yazyke [From Observation of Verbal Nouns in Modern Russian]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 5, pp. 5-12.

SOURCE

Slovar russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya. Ch. I-II [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia. Part I-II]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013. 1560 p.

Information About the Authors

Elvira N. Akimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Cross Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Tatiana I. Mochalova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Bolshevistskaya St., 68/1, 430005 Saransk, Russia, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

Информация об авторах

Эльвира Николаевна Акимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Татьяна Ивановна Мочалова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ул. Большевикская, 68/1, 430005 г. Саранск, Россия, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.3>

UDC 811.161.1'366
LBC 81.411.2-212

Submitted: 13.01.2019
Accepted: 27.03.2020

COMBINATORIAL SET OF LEXICO-GRAMMATICAL CLASSES OF NOUNS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Mariya L. Lapteva

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Natalya V. Lukina

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Abstract. The article focuses on the changes of nouns, the lexico-grammatical features of which make it impossible to refer them to a specific lexico-grammatical class. The article is based on the assumption, that traditional methodological foundations, generally accepted in native language studies – the grammatical classification, according to which nouns belong to one of the four classes: concrete, abstract, collective or material nouns, – is rather conventional and doesn't cover many transitional phenomena observed in substantive lexis. The expansion of nominal semantic structure is often accompanied by grammatical shifts. Semantic structures of Russian substantives are described as apt to undergo six types of changes, which reflect combinatorics of lexical and grammatical categories of polysemantic nouns: concreteness – abstractness, concreteness – collectiveness, abstractness – concreteness, abstractness – collectiveness, collectiveness – abstractness, collectiveness – concreteness. The considered polysemants demonstrate different lexico-grammatical features depending on the meaning in which they are used. The applied quantitative analysis has enabled the authors to conclude that the prevalent changes occur in nominal structures of *abstraction – concreteness* type, while the changes of *collectivity – abstraction* type are less prominent in the Russian language. The article justifies the use of the term “lexical-grammatical class” in relation to a lexical-semantic variant of the word, which refers to nouns by morphological characteristics.

Key words: noun, lexico-grammatical class, combinatorial set, concrete meaning, collective meaning, abstract meaning, material meaning.

Citation. Lapteva M.L., Lukina N.V. Combinatorial Set of Lexico-Grammatical Classes of Nouns in the Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 27-37. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.3>

УДК 811.161.1'366
ББК 81.411.2-212

Дата поступления статьи: 13.01.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

КОМБИНАТОРИКА ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗЯДОВ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мария Леонидовна Лаптева

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия

Наталья Владимировна Лукина

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены изменения имен существительных, лексико-грамматические особенности которых не позволяют отнести их к определенному лексико-грамматическому разряду. Утверждается, что принятая в отечественной лингвистике классификация лексико-грамматических разрядов существительных, согласно которой субстантивы примыкают к одному из четырех классов: конкретным, отвле-

ченным, собирательным или вещественным, – носит весьма условный характер и не затрагивает многие переходные явления, наблюдающиеся в субстантивной лексике. Расширение семантической структуры того или иного имени нередко сопровождается грамматическими сдвигами. В семантических структурах русских субстантивов авторами установлено шесть моделей изменений, отражающих комбинаторику лексико-грамматических разрядов многозначных существительных: конкретность – отвлеченность, конкретность – собирательность, отвлеченность – конкретность, отвлеченность – собирательность, собирательность – отвлеченность, собирательность – конкретность. Показано, что полисеманты обнаруживают разные лексико-грамматические особенности в зависимости от того, в каком лексическом значении употребляются. На основе количественных подсчетов определено, что доминируют изменения типа «отвлеченность – конкретность», в наименьшей степени проявляются изменения типа «собирательность – отвлеченность». Обоснована целесообразность использования термина «лексико-грамматический разряд» применительно к лексико-семантическому варианту слова, относящемуся по морфологической характеристике к существительным.

Ключевые слова: имя существительное, лексико-грамматический разряд, комбинаторика, конкретное значение, собирательное значение, отвлеченное значение, вещественное значение.

Цитирование. Лаптева М. Л., Лукина Н. В. Комбинаторика лексико-грамматических разрядов имен существительных в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 27–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.3>

Введение

Традиционным в русистике является деление классов слов на разряды в соответствии с общими лексическими и грамматическими признаками. Слова одного разряда характеризуются общностью функционирования в языке, схожестью в сочетательных и синтаксических возможностях. Слово, с одной стороны, подчиняется законам, которые диктуются принадлежностью к тому или иному разряду. С другой стороны, любое слово, будучи «живой» и активно функционирующей единицей, представляет собой отражение процессов, происходящих как в языке, так и в языковом сознании его носителей, способно «реагировать» на эти процессы, «приобретая» новые смыслы или даже новые значения. Возможные семантические изменения, которые могут происходить со словом, тем не менее не выходят за рамки системы, компонентом которой оно является.

Лексико-грамматическими разрядами считаются такие группы слов, которые выделяются в пределах одной части речи и характеризуются общностью или особенностью в проявлении грамматических категорий, присущих данной части речи. Общепринято деление имен существительных русского языка на следующие лексико-грамматические разряды: конкретные, абстрактные (отвлеченные), вещественные, собирательные (см.: [Бондарко, 2005; Виноградов, 1972; Козлова, 1999; Потеня, 1968; Радзиховская, 1997; Рус-

ская грамматика, 1980; Трофимов, 1957; и др.]).

Однако, на наш взгляд, такая лексико-грамматическая классификация имен существительных недостаточна и требует выделения переходных явлений, своего рода подгрупп имен, которые могут быть отнесены к разным лексико-грамматическим разрядам в зависимости от употребления в контексте. Имеются в виду случаи перехода имени существительного из одного разряда в другой при изменении лексического значения, а также случаи использования субстантива одного лексико-грамматического разряда в значении другого при употреблении слова в переносном значении. Цель настоящей статьи – описать комбинаторику лексико-грамматических разрядов русских имен существительных, в семантической структуре которых на рубеже XX–XXI вв. произошли изменения. Такая цель обуславливает научную новизну проведенного исследования.

Материал и методы исследования

1. Методологической основой исследования послужили работы грамматистов середины и конца XX века. Ученые сходятся во мнении относительно конкретных имен существительных. Их признаки и сочетательные способности подробно описаны в работах Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова [1945], В.А. Трофимова [1957], А.А. Зализняка [1967], В.В. Виноградова [1972], Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко,

М.Ю. Сидоровой [2004], в «Русской грамматике» 1980 г. и «Русской грамматике» 1990 г. и др. Существительные, входящие в разряд конкретных, обозначают реальные предметы окружающей действительности, о чем писал еще Е. Курилович: «...если среди существительных конкретные имена нарицательные являются центральной семантической категорией, то это именно потому, что они обладают двумя способностями: значить (*signifier*) и обозначать (*designer*). У них есть определенное семантическое содержание, и в то же время они приложимы к реальным объектам» [Курилович, 1962, с. 251].

Конкретные имена существительные составляют нехарактеризованный разряд, поскольку не обнаруживают особенностей в проявлении свойственных данной части речи категорий рода, числа и падежа. В отличие от них абстрактные (отвлеченные), вещественные и собирательные имена формируют характеризованные разряды, поскольку обладают особенностями в отношении категории числа. Они либо не изменяются по числам, либо имеют форму одного из чисел – единственного или множественного. Например: *бег, ходьба, мужество, хлопоты, каникулы, выборы; сахар, сметана, мука, дрожжи, опилки, чернила; молодежь, студенчество, родня* и др. [Радзиховская, 1997, с. 82].

Распределяя существительные по лексико-грамматическим разрядам, лингвисты руководствуются именно отношением субстантивов к категории числа. По этому признаку конкретные существительные противопоставлены остальным: они способны иметь форму единственного и множественного числа без изменения семантики, оппозиция «единственное – множественное» у этих слов имеет реальные основания, чего нельзя сказать о существительных других разрядов (см. работы В.В. Виноградова [1972], В.А. Плунгяна [2011], В.К. Радзиховской [1997], А.М. Чепасовой, И.Г. Казарчук [2012], а также «Русскую грамматику» [1980] и «Русскую грамматику» [1990]).

Иной взгляд на отнесенность существительных к тому или иному лексико-грамматическому разряду находим, например, в работах В.А. Трофимова: «Под грамматической субстанцией разумеются все вещи и явления мира и вырабатываемые человеком

понятия. Сообразно с этим намечаются две основные лексико-грамматические категории имен существительных: категория конкретности и категория абстрактности. Каждая из них, естественно, распадается на ряд входящих в нее более дробных категорий... В этот же раздел имен конкретных входит категория вещественности, то есть наименования, означающие вещество... Наконец, к конкретным именам относится и категория собирательности, то есть наименования, означающие совокупность живых существ: *молодежь, студенчество, делегация, войско...*» [Трофимов, 1957, с. 14–15]. Таким образом, согласно представленной точке зрения, имена существительные можно разделить на два разряда – конкретные и абстрактные.

Несмотря на разницу в количестве лексико-грамматических разрядов имен существительных, ученые сходятся во мнении, что отнесение существительного к тому или иному разряду должно опираться на его лексическое значение. Так, Р.П. Козлова утверждает, что «определение состава того или иного разряда имен существительных должно зависеть в первую очередь от особенностей его денотата, а уж затем от грамматических категорий» [Козлова, 1999, с. 24]. Особенно это важно при анализе многозначных слов, поскольку в разных значениях слово может быть отнесено к разным разрядам. Так, в значении существительного *лес* обнаруживается собирательность (*На солнце темный лес зардел*), которая может как бы повторяться в нескольких единичных представлениях (*А там пойдут леса...*). Кроме того, обнаруживается вещественность (*торговать лесом*). Наконец, форма множественного числа *леса* применяется по отношению к строительному приспособлению, что свидетельствует о реализации значения собирательности (*дом в строительных лесах*).

В «Русской грамматике» 1980 г. говорится о случаях вариативного отнесения слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду в зависимости от его значения. Особое внимание при этом уделяется вещественным именам существительным, которые могут иметь форму множественного числа, если обозначают не вещество, а его сорт, вид, тип. К таким существительным относятся, напри-

мер, *вино – вина, вода – воды (минеральные), масло – масла, крупа – крупы, клей – клеи* и др. В этом случае вещественные существительные получают признаки конкретных существительных. Помимо этого, вещественные существительные во множественном числе могут употребляться для указания на массу, объем вещества, тогда они приобретают признаки собирательных имен существительных: *вода – воды (мирового океана), песок – пески (пустыни), снег – снега (Урала)* [Русская грамматика, 1980, т. I, с. 471].

Выделение имен существительных в разряд собирательных и абстрактных происходит не только на основании лексических и грамматических признаков, но и на основании словообразовательных формантов. Так, В.В. Виноградов и авторы «Русской грамматики» 1980 г. отмечают суффиксы абстрактных и собирательных имен существительных: *выносливость, заточка, темнота, новизна, синева, низина, разоружение, развитие, толкотня, упорство, формализм, ориентация, агентура, сырь[ь-о], родня, учительство, кустарник, ивняк, старостат* [Виноградов, 1972, с. 154; Русская грамматика, 1980, т. I, с. 459–460]. При этом мало внимания уделяется анализу вариативности этих существительных по отношению к лексико-грамматическому разряду. Об отвлеченных существительных говорится, что их семантика препятствует представлениям о счете, поэтому они имеют либо форму единственного числа, либо форму множественного числа: 1) *ход, пение, мужество, глупость, ненависть, радость* и 2) *хлопоты, выборы, каникулы, переговоры*. Некоторые из существительных первой группы могут образовывать формы множественного числа, но только в случае изменения лексического значения, когда речь идет о конкретных проявлениях отвлеченных качеств и действий. Ср.: *чувство радости и маленькие радости, радости жизни* (события, вызывающие радость); *красота девушки и красоты природы* (красивые места) [Виноградов, 1972, с. 133].

Случаи возможного образования форм множественного числа собирательных существительных встречаем только в «Русской грамматике» 1980 г., где упоминается о неко-

торых собирательных существительных, которые во множественном числе и, соответственно, в единственном числе называют устройства или конкретные множества: *аппаратура – аппаратуры* (лабораторий), *клавиатура – клавиатуры* (органа). Однако при этом не отмечается вариативность отнесения слова к другому лексико-грамматическому разряду.

2. В исследовании нами учитываются переходные явления на морфолого-семантическом уровне. В области лексико-грамматических разрядов существительных они выделены в работах В.В. Бабайцевой [2000], Ю.П. Князева [2007], В.В. Лопатина [2007], В.А. Плунгяна [2011], А.М. Чепасовой и И.Г. Казарчук [2012] и др. Синергетическая система имен существительных, неоднозначных с точки зрения лексико-грамматической отнесенности, была описана Л.В. Калининой [2009] в аспекте языковой категоризации объектов действительности. С когнитивно-семасиологической точки зрения рассматриваемая проблематика представлена в исследованиях И.А. Мельчука [1998], Е.В. Падучевой [2004], В.А. Масловой [2006], а также Дж. Лакоффа [2004], L. Talmy [2000], A. Spencer [2002].

3. В статье описаны результаты функционально-грамматического анализа группы слов, изменения в семантической структуре которых произошли на рубеже XX–XXI веков. Зафиксированные в ходе исследования языкового материала модели лексико-грамматических колебаний характеризуют не функционирование словоформы в различного рода контекстах (на что обращалось внимание ранее), а разные лексико-семантические варианты многозначного слова.

Комбинаторика лексико-грамматических разрядов напрямую связана с изменениями, которые происходят в семантической структуре отдельных имен существительных. Динамичность, открытость, неравномерность лексико-семантической системы языка обуславливают наличие асимметричных подсистем, допускающих несогласованность элементов на отдельных «участках». Одним из лексикографических изданий, авторами которого была поставлена и удачно решена задача зафиксировать языковые изменения, является, на наш взгляд, «Толковый словарь русского

языка конца XX века. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Склярёвской (далее – ТСРЯ), выбранный нами в качестве основного источника сбора языкового материала. Интенсивность семантических преобразований нашла отражение и в изменениях грамматических характеристик многих существительных.

Развитие семантической структуры слова влечет за собой изменение его лексико-грамматических категорий. В результате анализа 107 лексических единиц нами были выделены типичные переходные явления, обусловленные тем, что существительное-полисемант в разных лексико-семантических вариантах либо слова-омонимы могут быть отнесены к разным лексико-грамматическим разрядам. Контексты употребления слова в том или ином лексико-семантическом варианте извлечены из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Результаты и обсуждение

Конкретность – отвлеченность

Лексико-грамматические изменения наблюдаются в процессе употребления имени существительного *война*, которое в конкретном значении (‘вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства’) имеет форму множественного числа (*региональные войны, развязаны войны*), употребляется с количественными числительными (*прошел две войны*), а в отвлеченном значении (‘борьба, враждебные отношения с кем-чем-н.’) не обладает таким грамматическим потенциалом (*объявить войну с бездорожьем*).

Отнесенность слов к разным лексико-грамматическим разрядам нередко детерминирована и полным отсутствием семантических связей между значениями одного и того же звукоряда, то есть омонимией имен существительных. Ср.:

*Акция*¹ – ‘ценная бумага, выпускаемая обществом и дающая право на получение определенного дохода из прибылей акционерного общества’.

*Акция*² – ‘действие, предпринимаемое для достижения какой-либо цели’ (ТСРЯ, с. 45–46).

Лексическое значение второго омонима свидетельствует об отвлеченности имени, а его грамматика – о сохранении признаков конкретного существительного: оно имеет формы не только единственного, но и множественного числа (*проводить акции протеста, организовать акции милосердия* и т. п.).

По этой же модели развиваются существительные *дайджест* (ТСРЯ, с. 189), *декларация* (ТСРЯ, с. 193), *криминал* (ТСРЯ, с. 341–342), *маятник* (ТСРЯ, с. 378), *мясорубка* (ТСРЯ, с. 406), *партия* (ТСРЯ, с. 456), *потолок* (ТСРЯ, с. 483), *почта* (ТСРЯ, с. 485).

Конкретность – собирательность

Одну из регулярных моделей переноса значения в семантической структуре слова можно описать общей формулой «единичное – совокупное» и в связи с этим выделить такой вид лексико-грамматических изменений, как «конкретность – собирательность». Ср.:

Альбом – ‘1. Тетрадь из плотных листов в переплете для рисунков, каких-л. коллекций, фотографий. 2. Собрание рисунков, репродукций, чертежей. 3. Несколько объединенных одним названием музыкальных произведений одного исполнителя или одного ансамбля (группы)’ (Ожегов, с. 45–46). В данном случае представлен пример радиальной полисемии, при которой производные значения 2 и 3 развиваются на основе прямого: 1 → 2, 1 → 3. В ТСРЯ отмечается актуализация третьего значения (ТСРЯ, с. 47).

Эта модель реализуется, например, в семантической структуре существительного *аппарат*, три лексико-семантических варианта которого (‘совокупность органов, выполняющих какую-н. особую функцию организма’, ‘совокупность учреждений, обслуживающих какую-н. отрасль управления, хозяйства’, ‘совокупность сотрудников учреждения, организации какой-н. области управления’) имеют собирательное значение, образованное на базе прямого конкретного – ‘прибор, техническое устройство, приспособление’ (ТСРЯ, с. 58).

Аналогичную модель лексико-грамматических изменений наблюдаем в семантической структуре следующих слов:

Архив – ‘1. Учреждение для хранения старых, старинных документов, документаль-

ных материалов. 2. Отдел учреждения, где хранятся старые документы. 3. Собрание рукописей, писем' (Ожегов, с. 29). В ТСРЯ фиксируется еще одно значение, актуальное для области информатики, – 'данные, хранящиеся на диске в сжатом виде' (ТСРЯ, с. 61).

Банк – '1. Учреждение, осуществляющее финансовые действия с ценными бумагами и деньгами населения, предприятий, фирм; осуществляющее финансирование различных проектов, выдачу кредитов под проценты и т. п. 2. Систематизированное собрание материалов, веществ, сведений и т. п. для использования в исследовательских и практических целях' (ТСРЯ, с. 73).

Бюджет – '1. Роспись доходов и расходов государства, региона, предприятия или отдельного лица на определенный срок. 2. Чьи-н. средства к существованию, доходы и расходы' (Ожегов, с. 66).

Эта модель реализуется в структуре существительных *корзина* (*потребительская*) (ТСРЯ, с. 333–334), *кукла* (ТСРЯ, с. 346), *медь* (ТСРЯ, с. 380), аналогично: *золото*, *серебро*.

Отвлеченность – конкретность

Языковой материал показывает, что в русском языке функционируют имена существительные, семантическая структура которых позволяет отнести их в прямом значении к отвлеченным, а в производно-номинативном – к конкретным. Например:

Реклама – '1. Оповещение различными способами для создания широкой известности, привлечения потребителей, зрителей. 2. Объявление с таким оповещением' (Ожегов, с. 675).

Баланс – '1. Соотношение каких-либо показателей, данных, цифр к определенному моменту времени. 2. Сводная таблица показателей состояния денежных средств предприятия' (ТСРЯ, с. 71).

Братство – '1. То же, что содружество, то есть взаимная дружба, дружеское единение. 2. Название некоторых монашеских орденов, религиозных организаций, обществ' (Ожегов, с. 58).

Видео – '1. Отрасль культуры (науки, техники, искусства, социальных отношений).

2. Видеофильм' (ТСРЯ, с. 135). При этом во втором значении существительное активно функционирует и как собирательное (любые видеозаписи).

В основе такого рода изменений лежит метонимический перенос, в частности по формуле «действие – результат действия». Сравним: существительное *вклад*, обозначающее опредмеченное действие по глаголу *вкладывать / вложить* (*вносить / внести вклад в общее дело*), и это же имя в значении 'денежные средства, помещенные в банк'. В первом случае имя существительное употреблено в отвлеченном значении, во втором – в конкретном.

Сложные семантические преобразования происходят и в семантической структуре существительных *вывод* и *база*. Субстантив *вывод* может употребляться в отвлеченном значении опредмеченного действия по глаголу *вывести* 'весть, направить куда-н., удалить откуда-н.' (Ожегов, с. 110) (*вывод войск из Афганистана*) и в конкретном значении как дериват от этого же глагола в значении 'умозаключить, прийти к чему-н. на основе анализа' (Ожегов, с. 110) (*у сочинения удачный вывод*). Существительное *база* может выражать отвлеченное значение 'основание, основа чего-л.', конкретные значения 'опорный пункт вооруженных сил', 'учреждение, предприятие, склад, место хранения товаров' (Ожегов, с. 58) и собирательное значение 'в информатике совокупность данных, организованных в памяти компьютера по определенным правилам' (ТСРЯ, с. 68).

Эта модель реализуется в структуре существительных: *дембель* (ТСРЯ, с. 195), *запись* (ТСРЯ, с. 245), *игра* (ТСРЯ, с. 259), *идея* (ТСРЯ, с. 261), *инъекция* (ТСРЯ, с. 277), *колхоз* (ТСРЯ, с. 306), *лозунг* (ТСРЯ, с. 363), *презентация* (ТСРЯ, с. 500), *приход* (ТСРЯ, с. 510), а также *вера*, *душа*, *любовь*, *мечта*, *надежда*, *потеря*, *прием*, *призыв*, *приятность*, *радость*, *скромность*, *счастье*, *утрата*, *фантазия*.

Отвлеченность – собирательность

Такой тип лексико-грамматической вариативности обнаруживается у существительного *андеграунд* (*андерграуд*), зафиксиро-

ванного в словарях последних трех десятилетий (например, в ТСРЯ). Данное существительное вошло в язык одновременно в отвлеченном значении – ‘нелегальное, отвергаемое официальной идеологией искусство’ – и в собирательном значении – ‘для называния всех тех, кто является создателями и приверженцами данного искусства’ (ТСРЯ, с. 49). На основе формальных показателей данные значения в словарях не разграничиваются, поэтому только контекст позволяет отнести слово *андеграунд* к тому или иному лексико-грамматическому разряду. Например:

(1) – Нас называли модным словом «**андеграунд**». Но по мне – последнее дело анализировать свою музыку и стихи. Просто где-то в мире этот самый **андеграунд** был игрой, а у нас это был стиль жизни нескольких поколений (НКРЯ. Емельяненко В. Андрей Макаревич: «Если лучшие годы проходят на зоне, ты будешь от нее в восторге» // Известия. 2002. 29 сент.).

В представленном контексте слово *андеграунд* употребляется дважды: в первом случае говорящий использует его для называния определенной группы лиц, к которой примыкал и он сам, то есть в собирательном значении, во втором случае – в отвлеченном значении стиля жизни.

Подобные языковые изменения можно отметить и у существительного *архитектура*, которое имеет не только отвлеченные значения (‘искусство проектирования и строения зданий, сооружений зодчества’ и ‘стиль постройки’), но и собирательные: общеупотребительное ‘здания, сооружения’ (Ожегов, с. 30) и терминологическое ‘совокупность устройств, узлов, блоков компьютера или микропроцессора’ (ТСРЯ, с. 62).

У существительного *власть* выделяется два отвлеченных значения: ‘право и возможность распоряжаться чем-н., подчинять своей воле’ (*пользоваться властью*) и ‘политическое господство, государственное управление’ (*законодательная власть*). Можно также говорить о значении собирательности у этого существительного в случае, когда оно (преимущественно в форме множественного числа) употребляется для называния лиц, облеченных правительственными, административными полномочиями: *Власть(и) приняла(и) такое решение* (Ожегов, с. 86).

Эта модель реализуется в структуре существительных *демократура* (ТСРЯ, с. 198), *мир* (ТСРЯ, с. 391), *наличность* (ТСРЯ, с. 408), *операция* (ТСРЯ, с. 437), *план* (ТСРЯ, с. 465), *музыка (поп-музыка)* (ТСРЯ, с. 476), аналогично: *книга, театр, китч (кич)* (ТСРЯ, с. 295).

Собирательность – отвлеченность

Данную модель лексико-грамматических колебаний представляет, например, существительное *авангард*, относящееся как в прямом, так и в переносном значении к собирательным: ‘1. Часть войск (или флота), находящаяся впереди главных сил. 2. Перен. Передовая, ведущая часть какой-н. общественной группы’ (Ожегов, с. 16). Однако в ТСРЯ данное существительное отмечено в абстрактном значении – ‘то же, что и авангардизм, общее название разных течений в искусстве 20 в., отходящих от реализма и ищущих новые формы художественного выражения’ (ТСРЯ, с. 37). В НКРЯ зафиксировано большое количество контекстов употребления слова *авангард* в названном значении. Например:

(2) Краткий очерк Александра Якимовича «Русское искусство в XX веке» рассматривает революционный **авангард**, социалистический реализм и неофициальное искусство второй половины XX века в их развитии (НКРЯ. Кузин Максим. Красные пути. Об альманахе «Красные холмы» // Октябрь. 2001. № 2);

(3) Открытие Игр не оставило никаких сомнений. Это действительно был высочайший уровень: русская история не как местечковость, но как **авангард** мирового развития органично сочеталась с передовыми современными технологиями (НКРЯ. Больше чем тренировка // Эксперт. 2014. № 7 (886)).

Подобные лексико-грамматические колебания обнаруживаются в словах-омонимах *актив*¹ – ‘наиболее деятельная, передовая часть какой-л. общественной организации, коллектива’ и *актив*² – ‘часть баланса банка, предприятия, учреждения, включающая все виды материальных ценностей и денежных ресурсов’ (ТСРЯ, с. 43). Омоним *актив*² обладает признаками конкретного имени существительного, поскольку имеет соотносительные

формы единственного и множественного числа: *актив банка – активы банков* и др.

Ср. также: *вольница* – ‘1. О группе людей, игнорирующих общепринятые нормы, правила поведения и т. п., не знающих разумных пределов в чем-л. 2. Об отсутствии ограничений в чем-л., разумных пределов и т. п.’. Второе значение впервые отмечено в ТСРЯ (ТСРЯ, с. 157).

Эта модель реализуется и в структуре существительных *капитал* (ТСРЯ, с. 284–285), *право* (ТСРЯ, с. 488), *синдром* (ТСРЯ, с. 585), *модерн* (Ожегов, с. 361).

Собирательность – конкретность

Примеров такого рода лексико-грамматических колебаний, по нашим наблюдениям, не много. Они зафиксированы, например, в структуре существительное *валюта*: в собирательном значении (только в единственном числе) – ‘деньги какого-либо иностранного государства по отношению к деньгам данной страны’ (*платить валютой, купить за валюту, предпочитать валюту российским рублям* и т. п.); в конкретном значении (изменяется по числам) – ‘денежная единица какого-л. государства, лежащая в основе его денежной системы’ (*национальные валюты, валюты бывших советских республик, курсы валют* и т. п.) и ‘о том, что дорого ценится, чем можно расплачиваться вместо денег’ (*Хлеб – валюта военного времени; Золото – лучшая валюта* и т. п.) (ТСРЯ, с. 120).

Такие же лексико-грамматические колебания, на наш взгляд, можно отметить у всех имен существительных, обозначающих денежные единицы: *рубль, доллар, евро, франк,*

лира и др., в том числе и у самого существительного *деньги*. Ср.: *Копейка рубль бережет* и *За проезд нужно заплатить двадцать рублей; Зарабатывать большие деньги* и *Взять деньги на проезд*.

Эта модель лексико-грамматических колебаний реализуется и в структуре существительных *канон* (ТСРЯ, с. 284), *кодекс* (ТСРЯ, с. 301), *коллектив* (ТСРЯ, с. 303), *компания* (ТСРЯ, с. 315).

Количественные данные по описанным моделям изменений представлены в таблице.

Выводы

В статье выделены шесть моделей лексико-грамматических изменений в семантических структурах многозначных существительных русского языка: конкретность – отвлеченность, конкретность – собирательность, отвлеченность – конкретность, отвлеченность – собирательность, собирательность – отвлеченность, собирательность – конкретность.

Наличие в русском языке комбинаторики лексико-грамматических разрядов имен существительных свидетельствует о богатом функциональном потенциале субстантивов. Расширение семантической структуры того или иного имени нередко сопровождается грамматическими сдвигами, что позволяет говорить о лексико-грамматических изменениях, самой активной моделью которых является употребление отвлеченных имен существительных в конкретном значении.

Зафиксированные языковые изменения, по видимому, свидетельствуют о том, что понятие

Модели лексико-грамматических колебаний имен существительных (в порядке убывания частотности)

Models of lexical and grammatical fluctuations of nouns (in descending order of frequency)

Модель лексико-грамматического колебания	Количество единиц	Процентный показатель
Отвлеченность – конкретность	43	40
Конкретность – отвлеченность	19	18
Собирательность – конкретность	15	14
Отвлеченность – собирательность	13	12
Конкретность – собирательность	10	9
Собирательность – отвлеченность	7	7
Всего	107	100

«лексико-грамматический разряд» следует использовать применительно не к слову или словоформе, а, скорее, к лексико-семантическому варианту, поскольку взятая вне контекста языковая единица – имя существительное – не может быть однозначно квалифицирована как выражающая конкретное / отвлеченное / собирательное / вещественное значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., 1945. Очерк грамматики русского литературного языка. В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и морфология. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР. 234 с.
- Бабайцева В. В., 2000. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа. 640 с.
- Бондарко А. В., 2005. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М. : Яз. слав. культур. 624 с.
- Виноградов В. В., 1972. Русский язык : (Грамматическое учение о слове). М. : Высш. шк. 616 с.
- Зализняк А. А., 1967. Русское именное словоизменение. М. : Наука. 372 с.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю., 2004. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Наука. 544 с.
- Калинина Л. В., 2009. Лексико-грамматические разряды имен существительных как пересекающиеся классы слов: когнитивно-семасиологический анализ. Киров : ВятГУ. 225 с.
- Князев Ю. П., 2007. Грамматическая семантика : Русский язык в типологической перспективе. М. : Яз. слав. культур. 704 с.
- Козлова Р. П., 1999. Лексико-грамматические разряды имен существительных в когнитивном аспекте // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1. С. 23–29.
- Курилович Е., 1962. Очерки по лингвистике : сб. ст. М. : Изд-во иностр. лит. 456 с.
- Лакофф Дж., 2004. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Яз. слав. культуры. 793 с.
- Лопатин В. В., 2007. Многогранное русское слово : Избранные статьи по русскому языку. М. : Азбуковник. 743 с.
- Маслова В. А., 2006. Введение в когнитивную лингвистику. М. : Флинта : Наука. 296 с.
- Мельчук И. А., 1998. Курс общей морфологии. В 4 т. Т. 2, ч. 2. Морфологические значения. М. : Яз. слав. культуры ; Вена : Кошелев. 545 с.
- Падучева Е. В., 2004. Динамические модели в семантике лексики. М. : Яз. слав. культуры. 608 с.
- Плунгян В. А., 2011. Введение в грамматическую семантику : Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т. 672 с.
- Потебня А. А., 1968. Из записок по русской грамматике. В 4 т. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М. : Просвещение. 551 с.
- Радзиховская В. К., 1997. К проблеме различения явлений лексико-грамматической разрядности и собственно грамматических явлений // Психолингвистика и современная логопедия : сб. науч. тр. / под ред. Л. Б. Халиловой. М. : Экономика. 304 с.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. I, 1980 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука. 789 с.
- Русская грамматика, 1990 / В. Н. Белоусов [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М. : Рус. яз. 639 с.
- Трофимов В. А., 1957. Современный русский литературный язык : Морфология. М. : Изд-во Ленингр. ун-та. 286 с.
- Чепасова А. М., Казарчук И. Г., 2012. Существительные в современном русском языке. М. : Флинта. 272 с.
- Spencer A., 2002. Gender as an Inflectional Category // Journal of Linguistics. Vol. 38, iss. 2. P. 279–312.
- Talmy L., 2000. Toward a Cognitive Semantics. In 2 vols. Vol. 2. Concept Structuring Systems. Cambridge (Mass.) ; L. : The MIT Press. 504 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Ожегов – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 2000. 944 с.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковой. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

REFERENCES

- Avanesov R.I., Sidorov V.N., 1945. *Ocherk grammatiki russkogo literaturnogo yazyka. V 2 ch. Ch. 1. Fonetika i morfologiya* [Essay on the Russian Literary Language Grammar. In 2 Parts. Part 1. Phonetics and Morphology]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izd-vo Narkomprosa RSFSR. 234 p.
- Babaytseva V.V., 2000. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of

- Transitivity in the Grammar of the Russian Language]. Moscow, Drofa. 640 p.
- Bondarko A.V., 2005. *Teoriya morfologicheskikh kategoriy i aspektologicheskie issledovaniya* [Theory of Morphological Categories and Aspectological Studies]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 624 p.
- Vinogradov V.V., 1972. *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Theory of the Word)]. Moscow, Vysshaya shkola. 616 p.
- Zaliznyak A.A., 1967. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian Nominal Inflexion]. Moscow, Nauka Publ. 372 p.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M. Yu., 2004. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ. 544 p.
- Kalinina, L.V., 2009. *Leksiko-grammaticheskie razryady imen sushchestvitelnykh kak peresekayushchiesya klassy slov: kognitivno-semasiologicheskii analiz* [Lexical and Grammatical Categories of Nouns as Intersecting Classes of Words. Cognitive-Semasiological Analysis]. Kirov, VyatGGU, 225 p.
- Knyazev Yu.P., 2007. *Grammaticheskaya semantika: Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical Semantics: Russian Language in a Typological Perspective]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 704 p.
- Kozlova R.P., 1999. *Leksiko-grammaticheskie razryady imen sushchestvitelnykh v kognitivnom aspekte* [Lexico-Grammatical Categories of Nouns in the Cognitive Aspect]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities], iss. 1, pp. 23-29.
- Kurilovich E., 1962. *Ocherki po lingvistike: sb. st.* [Essays on Linguistics. Collection of Articles]. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury. 456 p.
- Lakoff J., 2004. *Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire and Dangerous Things: What Categories of Language Tell Us About Thinking]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 793 p.
- Lopatin V.V., 2007. *Mnogogrannoe russkoe slovo: Izbrannye statyi po russkomu yazyku* [The Many-Sided Russian Word. Selected Articles on the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ. 743 p.
- Maslova V.A., 2006. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 296 p.
- Melchuk I.A., 1998. *Kurs obshchey morfologii. V 4 t. T. 2, ch. 2. Morfologicheskie znacheniya* [Course of General Morphology. In 4 Vols. Vol. 2, Part 2. Morphological Meanings]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, Vienna, Koshelev Publ. 545 p.
- Paducheva E.V., 2004. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 608 p.
- Plungyan V.A., 2011. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of World Languages]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. 672 p.
- Potebnya A.A., 1968. *Iz zapisok po russkoy grammatike. V 4 t. T. 3. Ob izmenenii znacheniya i zamenakh sushchestvitelnogo* [From Notes on Russian Grammar. In 4 Vols. Vol. 3. On Changing the Meaning and Substitutions of the Noun]. Moscow, Prosveshchenie. 551 p.
- Radzikhovskaya V.K., 1997. *K probleme razlicheniya yavleniy leksiko-grammaticheskoy razryadnosti i sobstvenno grammaticheskikh yavleniy* [To the Problem of Distinguishing Phenomena of Lexico-Grammatical Depth and Proper Grammatical Phenomena]. *Psikholingvistika i sovremennaya logopediya: sb. nauch. tr.* [Psycholinguistics and Modern Speech and Language Pathology. Collection of Scientific Works]. Moscow, Ekonomika Publ. 304 p.
- Shvedova N.Yu., ed., 1980. *Russkaya grammatika. V 2 t. T. 1* [Russian Grammar. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ. 789 p.
- Belousov V.N., Kovtunova I.I., Kruchinina I.N., Shvedova N.Yu., Lopatin V.V., eds., 1990. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 639 p.
- Trofimov V.A., 1957. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk: Morfologiya* [Modern Russian Literary Language. Morphology]. Moscow, Izd-vo Leningradskogo universiteta. 286 p.
- Chepasova A.M., Kazarchuk I.G., 2012. *Sushchestvitelnye v sovremennom russkom yazyke* [Nouns in Modern Russian]. Moscow, Flinta Publ. 272 p.
- Spencer A., 2002. Gender as an Inflectional Category. *Journal of Linguistics*, vol. 38, iss. 2, pp. 279-312.
- Talmy L., 2000. *Toward a Cognitive Semantics. In 2 vols. Vol. 2. Concept Structuring Systems*. Cambridge (Mass.), L., The MIT Press. 504 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. 944 p.

Sklyarevskaya G.N., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Late 20th Century. Language Changes]. Saint Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 700 p.

Information About the Authors

Mariya L. Lapteva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Modern Russian, Astrakhan State University, Tatishcheva St., 20a, 414056 Astrakhan, Russia, hohlina2004@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2412-1299>

Natalya V. Lukina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Modern Russian, Astrakhan State University, Tatishcheva St., 20a, 414056 Astrakhan, Russia, lukina.71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4518-0303>

Информация об авторах

Мария Леонидовна Лаптева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Россия, hohlina2004@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2412-1299>

Наталья Владимировна Лукина, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Россия, lukina.71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4518-0303>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.4>

UDC 81'37
LBC 81.053.1

Submitted: 06.05.2019
Accepted: 28.02.2020

SEMANTIC FEATURES OF NOUNS REFERRED TO VARIOUS LEXICAL-AND-GRAMMATICAL CATEGORIES

Vadim A. Belov

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

Abstract. The paper focuses on semantic properties of concrete and abstract nouns in the aspect of their cognitive categorization. The research is based on the results of two psycholinguistic experiments carried out by the author: synonym selection and word interpretation. The data obtained are verified by comparing data from the dictionaries of synonyms and National Corpus of the Russian Language. The synonym collection experiment shows that the speakers tend to extend synonymic relations of concrete nouns by means of semantic convergence of the words, which belong to different levels of hierarchy in the semantic field. Special attention is paid to nouns denoting a person. Their synonymic ranges differ significantly in lexicographic sources and the experiment findings. The word interpretation experiment points to the frequency of a logical (componential) method for interpretation of concrete nouns meaning, and synonymic method for abstract nouns. Concrete nouns are noted to realize logical categorization due to being incorporated into hierarchical semantic relations, whilst abstract nouns may reflect logical and figurative categorization because their meanings do not have subject reference and are characterized by uncertainty. Abstract nouns have been proved to build hierarchical semantic relations within their synonymic groups on certain conditions.

Key words: cognitive categorization, noun, semantic relations, synonymy, naive interpretations, native speaker's lexicon.

Citation. Belov V.A. Semantic Features of Nouns Referred to Various Lexical-and-Grammatical Categories. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 38-48. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.4>

УДК 81'37
ББК 81.053.1

Дата поступления статьи: 06.05.2019
Дата принятия статьи: 28.02.2020

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РАЗЛИЧНЫХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ

Вадим Алексеевич Белов

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия

Аннотация. В статье характеризуются семантические свойства конкретных и абстрактных существительных в аспекте когнитивной категоризации. Исследование основано на результатах двух проведенных автором психолингвистических экспериментов – эксперимента по подбору синонимов и эксперимента по толкованию слов. Полученные данные верифицированы в ходе их сопоставления с данными словарей синонимов и Национального корпуса русского языка. Эксперимент по подбору синонимов показал, что испытуемые расширяют синонимические связи конкретных существительных посредством семантического сближения слов, находящихся на разных ступенях иерархии в семантическом поле. Особое внимание уделено существительным со значением лица. Их синонимические ряды, представленные в экспериментальных данных и лексикографических материалах, существенно отличаются. Эксперимент по толкованию слов показал, что частотным для конкретных существительных является логический (компонентный) способ толкования, а для абстрактных – синонимический. Установлено, что конкретные существительные отражают логическую категоризацию, поскольку включаются в иерархические отношения, а абстрактные существительные отра-

жают логическую и образную категоризацию, поскольку их значения не имеют предметной отнесенности и обладают неопределенностью. Выявлены условия, при которых абстрактные существительные могут включаться в иерархические отношения в пределах синонимического ряда.

Ключевые слова: когнитивная категоризация, имя существительное, семантические связи, синонимия, наивные толкования, лексикон носителя языка.

Цитирование. Белов В. А. Семантические свойства имен существительных различных лексико-грамматических разрядов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 38–48. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.4>

Введение

Категориальное значение имен существительных (далее – ИС) связывается с предметностью [Есперсен, 1958; Ревзин, 1978; Щерба, 1974]. Типичное ИС представляет физически видимый и стабильный предмет [Hopper, Thompson, 1984], выделяемый в пространстве [Langacker, 1987].

Однако это категориальное значение свойственно части ИС – конкретным существительным [Стеблин-Каменский, 1974], для многих ИС характерна синкретичность, предполагающая совмещение со значениями процессуальности и признаковости [Глисон, 1959; Пешковский, 2001; Croft, 2001]. Например, такие слова, как *бег*, *рубка*, *отдых*, реализуют одновременно значение предметности и процессуальности. Поэтому принято считать, что ИС могут обозначать абстрактные явления физического и духовного мира, «отвлеченные понятия, которые мыслятся предметно» [Жирмунский, 1968, с. 19].

В когнитивной лингвистике различия в категориальном значении объясняются особенностями когнитивной категоризации [Langacker, 1987; Кубрякова, 2004]. Определение ИС как части речи основывается на ментальном, когнитивном выделении объекта (предмета) в деятельности, что приводит к структурированию реальности: «язык находит специальные формы разграничения структур знания по тем принципам, которые характеризуют концептуальную систему человеческого сознания и которые позволяют ей проводить категоризацию опыта» [Кубрякова, 2004, с. 251].

В настоящей работе в аспекте когнитивной категоризации изучаются не ИС в целом (гетерогенный класс единиц), а отдельные лексико-грамматические разряды ИС, обладающие общими признаками и отражающие

разные способы категоризации, восприятия мира (подробнее об этом см.: [Калинина, 2007; Лакофф, 2004; Рахилина, 2008]).

С одной стороны, в основе категоризации лежит языковое осмысление явлений действительности в рамках обобщенных категорий [Болдырев, 2013; Кубрякова, 2004; Лакофф, Джонсон, 2004; Попова, Стернин, 2007; Croft, Cruse, 2004; Taylor, 2003]. Результатом категоризации становится языковая номинация предметов, которая предполагает логическое упорядочивание. Когнитивная категоризация составляет фундаментальное свойство языка: «Our ability to function in the physical and social world depends on elaborate categorization of things, processes, social relations, and other persons» [Taylor, 2003, p. 9]. С другой стороны, язык как сложный когнитивный механизм связан не только с логической, но и с нелогической (образной) составляющей сознания. Важная роль образной информации в лексиконе носителя языка отмечается в работах отечественных и зарубежных ученых (см., например: [Жинкин, 1964; Paivio, 1990]). Исходя из этого, мы толкуем категоризацию широко: существует несколько ее типов, основанных на логической и образной информации.

Цель работы – изучение семантических свойств конкретных и абстрактных ИС, являющихся результатом реализации разных типов категоризации. Как отдельная группа конкретных ИС рассмотрены существительные со значением лица. При этом учитывается, что характеристика человека может быть связана с внешними (физическими, наблюдаемыми) и внутренними (интеллектуальными, душевными) свойствами (о классификации см.: [Демина, 2004]); наименования лиц обладают «семантической двойственностью», которая обуславливает конкретность наименования и абстрактность значения: «лица всегда ассоциируются с действиями, поступками, пове-

дением и пр. Имена лиц поэтому часто употребляются в позициях, предназначенных для событийной лексики» [Арутюнова, 2003, с. 146].

Гипотезой исследования стало предположение о том, что конкретные ИС реализуют логическую категоризацию, а абстрактные ИС способны представлять как логическую, так и образную категоризацию.

Методология исследования

Исследование основывается на результатах двух психолингвистических экспериментов – эксперимента по подбору синонимов и эксперимента по толкованию слов. Экспериментальные данные позволяют избежать субъективности [Глазанова, Штерн, 1996] и установить семантические связи слов [Лебедева, 1988].

Эксперимент по подбору синонимов относится к направленным ассоциативным экспериментам, методика которых предполагает, что ассоциации испытуемых сознательно ограничиваются [Виноградова, 2013; Выговская, 2014]. В организованном нами эксперименте реакции испытуемых были ориентированы на представление семантических (а не ассоциативных) отношений.

В эксперименте приняли участие 260 человек – студенты университета разных специальностей в возрасте от 18 до 31 года. Эксперимент проходил в три этапа с использо-

ванием разных экспериментальных таблиц. Испытуемым было предложено задание: «Подобрать близкие по значению слова к словам-стимулам». В качестве слов-стимулов были избраны ИС разных разрядов (табл. 1).

Полученные в ходе эксперимента данные сравнивались с данными словарей русского языка: выявлялись различия в представлении синонимических связей. В качестве основного источника использовался «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, который, по словам В.А. Козырева и В.Д. Черняк, по сей день занимает центральное место в ряду синонимических словарей [Козырев, Черняк, 2015, с. 117], и «Словарь синонимов русского языка» под редакцией Л.Г. Бабенко.

Эксперимент по толкованию слов также является направленным ассоциативным экспериментом, однако в этом случае реакции испытуемых ограничены установкой на реакцию, которая дает возможность истолковать значение слова. Считается, что эксперимент по толкованию «позволяет проследить развитие произвольного осознания субъективного содержания значения слова» [Фрумкина, 1983, с. 48].

В эксперименте по толкованию приняли участие 166 человек – студенты университета в возрасте от 18 до 21 года. В задании анкеты испытуемых просили объяснить значение предлагаемых слов. Информация о распределении стимулов по разрядам ИС представлена в таблице 2.

Таблица 1. Распределение слов-стимулов по лексико-грамматическим разрядам (эксперимент по подбору синонимов)

Table 1. Lexico-grammatical categories of stimulus-words (experiment on the selection of synonyms)

Лексико-грамматический разряд	Количество стимулов
Абстрактные ИС	28
Конкретные ИС	17
В том числе наименования лиц	11

Таблица 2. Распределение слов-стимулов по лексико-грамматическим разрядам (эксперимент на толкование слов)

Table 2. Lexico-grammatical categories of stimulus-words (experiment on the interpretation of words)

Лексико-грамматический разряд	Количество стимулов
Абстрактные ИС	12
Конкретные ИС	16
В том числе наименования лиц	4

Для обработки результатов исследования и их обобщения применялись общенаучные методы индукции и дедукции, описания и количественных подсчетов, лингвистические методы словарных дефиниций, сопоставления употребления лексем в различных контекстах. Для верификации результатов использовались данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Результаты исследования

Описание результатов исследования разделено на две части, представляющие обработку данных каждого эксперимента.

Обработка результатов эксперимента по подбору синонимов показала, что в среднем многочисленные синонимические связи регистрируются у конкретных и абстрактных ИС, а ограниченные синонимические связи – у наименований лиц. Причем средняя длина синонимического ряда существенно различается: если синонимический ряд конкретных ИС в среднем включает 11 слов, то ряд наименований лиц – только 4 слова.

Более того, сравнение этих показателей с материалами словарей синонимов приводит к противоречивым результатам. В «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой конкретные ИС имеют ограниченные синонимические ряды, а абстрактные ИС и наименования лиц – многочисленные (табл. 3).

Таким образом, эксперимент показал, что испытуемые расширяют синонимические связи прежде всего конкретных ИС. Расширение происходит за счет создания семантической близости со словами, находящимися на разных ступенях семантической иерархии. Так, синонимический ряд с доминантой *рука* представлен в словарях следующими синонимами: *ручка, лапа* (разг.), *лапка* (разг.), *длань* (Евгеньева, с. 383); *кисть, пясть, десница* (трад.-поэт.),

длань (трад.-поэт.), *шуйца* (трад.-поэт.), *клешня* (разг., шутол.), *краб* (разг., шутол.), *лапа* (разг.) (Бабенко, с. 55). Однако испытуемые в качестве синонимов определяют гиперонимы (*конечность, часть тела, тело*) и гипонимы (*ладонь, кисть, клешня*). Для стимула *лодка* испытуемые выбирали реакции *корабль, судно, катер, плот, иллюбка, яхта, корыто*; для стимула *бабочка* – реакции *насекомое, птица, моль, махаон*. Все представленные реакции находятся на разных ступенях семантической иерархии. Конкретные ИС выстраиваются в иерархию внутри семантического поля, поскольку в ее основе лежит логическая таксономия предметов.

Абстрактные ИС не способны формировать такие четкие иерархические связи, что можно объяснить особенностями их категориального значения. Оно не имеет предметной отнесенности, поэтому диффузно и неопределенно. Ср.: конкретные ИС имеют четкую предметную отнесенность – носитель языка ясно представляет, чем *рука* отличается от *пальца*. Данная особенность абстрактных существительных приводит к ограниченности синонимических отношений конкретных ИС, что и отражено в ограниченных синонимических рядах, зафиксированных в словарях синонимов. В сфере абстрактных ИС некоторые понятия сложно дифференцировать. Синонимами с высокой степенью неопределенности являются слова, выражающие чувства и эмоции, например: *грусть, тоска, печаль*. При этом неопределенность значения способствует развитию синонимических отношений, что отражено в словарях и лексиконе носителя языка. Приведем примеры реакций, полученных в результате эксперимента, и их сопоставления с данными словарей синонимов.

Синонимический ряд с доминантой *тишина*: *безмолвие, молчание, тишь, затишье* (Евгеньева, с. 545), *молчание, безмолвие* (Бабенко, с. 201); испытуемые добавляют такие синонимы, как *беззвучие, покой, глушь*.

Таблица 3. Средняя длина синонимических рядов

Table 3. The average length of synonymic chains

Лексико-грамматический разряд	Средняя длина синонимического ряда	
	Словарь синонимов	Данные эксперимента
Абстрактные ИС	3,5	10
Конкретные ИС	2,6	11
В том числе наименования лиц	3,5	4

Синонимический ряд слова *привычка* в двух словарях синонимов представлен следующим образом: *привычка, обыкновение, обычай, манера, мода*; испытуемые предлагают словарные синонимы (*обычай, обыкновение*) и несловарные синонимы (*привязанность, пристрастие, зависимость*).

Отметим, что не все полученные реакции можно считать синонимами (проблема синонимичности таких реакций рассмотрена в: [Белов, 2017]). Например, для стимула *рука* получены реакции *конечность, тело, ладонь*, которые значительно различаются с точки зрения денотативного значения, поэтому их замена в высказывании может привести к серьезному изменению смысла и ситуации высказывания:

(1) Победительница женской гонки на 5 км свободным ходом (самой стремительной за спринтами) эстонка Кристина Шмигун плакала на пьедестале не от радости, а от боли – отморозила пальцы на руках [***конечности, теле, ладони**] (НКРЯ. Митьков А. Мороз по коже... // Известия. 2003. 1 авг.);

(2) Я, например, для внучки настегаала своими **руками** [***конечностями, телом, ладонями**] лоскутное одеяло, зная, что оно будет ее оберегать, давать ей энергию (НКРЯ. Народный костюм: архаика или современность? // Народное творчество. 2004);

(3) «Мам! – Сын схватил меня за **руку** [***конечность, тело, ладонь**]. – Смотри, какие белые зубы! Как у папы!» (НКРЯ. Орлова Е. Такой же хороший, как ты // Даша. 2004).

Наименования лиц характеризуются совпадением словарных и предложенных испытуемыми синонимов: они обладают ограниченными, но стабильными синонимическими связями. Например, в словаре синонимов представлен ряд *друг, товарищ, приятель, дружок* (разг.); в эксперименте наиболее частотными реакциями на стимул *друг* стали словарные синонимы *товарищ* (68 реакций, 42 %), *приятель* (39 реакция, 24 %).

Реакции, полученные в результате эксперимента по толкованию слов, были классифицированы на основе разработанной нами типологии способов толкования. Для ее построения использовались представленные в научной литературе классификации наивных толкований (см.: [Голев, 2009; Кузнецова, 2012; Левенталь, 2014; Ростова, 2000]), а также спо-

собы словарных толкований (см.: [Арбатский, 1970; Денисов, 1980; Скляревская, 2007]). Кроме того, привлекались материалы «Словаря обыденных толкований русских слов» под редакцией Н.Д. Голева. Выделено 6 способов наивного толкования на основе семантических отношений между стимулом и толкованием. Ниже представим их краткую характеристику:

1. Синонимический способ – использование синонимов для пояснения значения стимула. Такой способ отражен в реакциях *хворь, болезнь, заболевания* для стимула *недуг*.

2. Гиперонимический способ – использование отсылки к гиперониму, к слову с более общим значением. Такой способ отражен в реакции *человек* на стимулы *друг, приятель*; в реакции *желание* на стимул *причуда*; в реакции *человек* на стимулы *кроха, ребенок*.

3. Описательный способ – использование анафорического местоимения в функции номинативного элемента. Такой способ отражен в реакции *то, что едят* для стимула *пища*; в реакции *то, что суждено человеку в будущем* для стимула *судьба*.

4. Логический (компонентный) способ – использование логических операций, предполагающих компонентное выделение значения. Такой способ отражен в реакции *самая горячая часть огня* для стимула *пламя*; в реакции *мелкий водоем природного происхождения* для стимула *родник*.

5. Семантический способ – использование отсылки к семантически связанному слову, принадлежащему к одному семантическому полю, при этом реакции не относятся к синонимам, гиперонимам. Такой способ отражен в реакциях *потомство, семья* для стимула *ребенок*.

6. Ассоциативный способ – использование реакции, которая семантически не связана со стимулом. Ассоциативная связь объясняется совместной сочетаемостью стимула и реакции в речи. Примеры реализации такого способа единичны: для стимула *земля* дана реакция *в иллюминаторе видна*.

В таблице 4 представлены результаты эксперимента. Они демонстрируют основную закономерность, касающуюся распространенности способов толкования конкретных и абстрактных ИС. Для конкретных ИС наиболее

частотным способом становится логический (компонентный) способ: он представлен в 764 случаях (43 %), у абстрактных ИС доминирует синонимический способ (383 реакции, 54 %), а логический способ представлен незначительно (83 реакции, 12 %). Среди абстрактных ИС можно выделить часть стимулов, для которых характерно толкование посредством доминанты. Так, испытуемые чаще всего толкуют стимулы *недуг* и *хворь* через отсылку к доминанте: на стимул *хворь* 56 реакций (93 % от общего количества) – доминанта *болезнь*; 31 реакция (50 % от общего количество реакций) на стимул *недуг* – доминанта *болезнь*. К таким стимулам в эксперименте относятся *вранье*, *фортуна*, *восторг*.

Полученные результаты объясняются тем, что у конкретных ИС, как уже отмечалось в лингвистических работах (см., например: [Покровская, 1999; Черняк, 2010]), синонимические отношения развиты недостаточно, поэтому носителю языка сложно подобрать синоним, который адекватно передавал бы значение стимула. Абстрактные ИС обладают более неопределенным значением, что приводит, с одной стороны, к развитости их синонимических отношений, а с другой – к затруднениям при использовании логического способа толкования: для носителя языка легче подобрать синоним, чем составлять логическое толкование.

По этим же причинам синонимический способ толкования часто используется для пояснения слов – наименований лиц. Данная особенность показывает, что по семантическим свойствам наименования лиц отличаются от конкретных ИС и сближаются с абстрактными ИС.

Обсуждение результатов

Обнаруженные в результате двух экспериментов особенности конкретных и абстрактных имен существительных являются выражением общих принципов их когнитивной организации. Семантические особенности конкретных и абстрактных ИС отражают разные типы категоризации.

Конкретные ИС выстраивают иерархические отношения, основанные на таксономической классификации предметов действительности. Данный тип категоризации можно назвать логической. Она приводит, во-первых, к расширению синонимических рядов за счет гиперонимов и гипонимов, а во-вторых, к распространению логического способа толкования. Таким образом, конкретное ИС всегда оказывается в системе единиц, находящихся на разных ступенях семантической иерархии. По словам Ю. Найды, логическая (компонентная) категоризация предполагает вертикальный анализ семантических единиц, то есть обращение к понятию более высокого ранга и последующее выявление отличительных и общих признаков [Найда, 1983].

При этом наименования лиц представляют собой отдельную категорию: они не обладают семантическими свойствами, связанными с реализацией логической категоризации. На семантико-когнитивную организацию наименований лиц в большей мере влияет нелогическое (образное) восприятие.

Абстрактные ИС не выстраивают четких иерархических отношений. Расширение синонимических связей происходит на основе нелогических принципов. Логическая категоризация для абстрактных ИС затруднена из-за

Таблица 4. Реализация способов толкования слов в эксперименте

Table 4. Ways of interpreting words in an experiment

Способ толкования	Разряды ИС						Всего	
	Абстрактные		Конкретные		Наименования лиц			
	Кол-во реакций	%	Кол-во реакций	%	Кол-во реакций	%	Кол-во реакций	%
Синонимический	383	54	408	22	115	41	906	33
Гиперонимический	115	16	290	16	123	44	528	19
Описательный	101	14	104	6	6	2	211	8
Логический	83	12	764	43	20	7	867	31
Семантический	5	1	131	8	8	3	144	5
Ассоциативный	15	2	64	4	8	3	87	3
Отказ от толкования	5	1	21	1	0	0	26	1
Итого	707	100	1 782	100	280	100	2 769	100

неопределенности значения, которая делает невозможным четкую логическую таксономию. Такая категоризация нами названа образной.

Итак, для прототипических (наиболее типичных) случаев характерна реализация логической категоризации для конкретных ИС и реализация логической и образной категоризации для абстрактных ИС. Однако в лексиконе возможны переходные и сложные синонимические ряды и для конкретных, и для абстрактных ИС.

Конкретные ИС, как показывает С. Ульманн, могут утрачивать логическую категоризацию по причине отсутствия четких границ между вещами, недостаточной осведомленности носителей языка об этих вещах [Ullmann, 1967]. Например, в синонимическом ряду *метель, метелица, вьюга, пурга, буря* члены ряда нечетко дифференцируются в речевых употреблениях и словарных описаниях. В НКРЯ обнаруживается большое количество примеров совместных употреблений синонимов, когда говорящий не может точно определить, какое природное явление наблюдает (см. пример 4). Встречаются неединичные примеры создания сложной номинации *метель-вьюга (вьюга-метель)*, что связано с трудностями дифференциации понятий (см. пример 5), а также наблюдаются случаи взаимозаменяемости слов в тексте (см. пример 6):

(4) Жестоко мерзли казаки и их лошади на постах в зимнюю стужу, во время вьюги и метели (НКРЯ. Краснов П. Н. Атаманская памятка. 1898);

(5) И когда над лесной сторожкой волчьим воем поет, надывается метель-вьюга или трещит, лютует в бору мороз, мы с лесником Демьяном долго беседуем, включив радиоприемник, слушаем последние известия и только потом ложимся в постель (НКРЯ. Вести с опушки // Юный натуралист. 1975);

(6) За окном была вьюга, сквозь которую я увидел, что через метель пробивается автомобиль (НКРЯ. Шульгин В. В. [Разрозненные воспоминания]. 1967–1974).

Данный ряд можно отнести к нецентрированным рядам, свойствами которых является отсутствие доминанты и иерархической семантической организации (подробнее о таких рядах см.: [Белов, 2016]).

К нарушению логической категоризации может привести нераспространенность предметов в современной жизни. Так, в наивной картине мира дифференциация между словами *родник* и *источник* не прослеживается, хотя в научной картине мира понятия различаются (слово *источник* является гиперонимом для слов *родник* и *ключ*). Нечеткая дифференциация слов допускает замены слов в контекстах:

(7) Табличка при источнике [***роднике**] гласит: «Родник [***источник**] – это бесценный дар природы (НКРЯ. Соколова К., Олейник Т. Полная опись московских родников // Столица. 1997. 1 июля).

Некоторые абстрактные ИС могут включаться в иерархические отношения, о чем свидетельствует частотное использование семантического толкования посредством доминанты синонимического ряда. Упорядоченность в таком случае оказывается размытой в силу неопределенности категориального значения. Поэтому можно говорить о том, что абстрактные ИС, обладая широким значением, способны выражать логическую категоризацию, но только в определенных случаях и в пределах синонимического ряда.

Заключение

Обращение к экспериментальным и корпусным данным позволило выявить реализацию разных типов категоризации разрядов ИС, обуславливающих их семантические свойства. Выдвинутая в нашей работе гипотеза о том, что конкретным ИС свойственна реализация логической категоризации, а абстрактные ИС способны представлять логическую и образную категоризацию, в целом подтвердилась. Однако в лексиконе носителя языка отмечаются сложные, нетипичные случаи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбатский Д. И., 1970. Основные способы толкования значения слов // Русский язык. № 3. С. 26–31.
 Арутюнова Н. Д., 2003. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: УРСС. 384 с.
 Белов В. А., 2016. Об иерархическом и неиерархическом строении синонимических рядов

- // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 5–10.
- Белов В. А., 2017. Синонимические отношения в языке и высказывании // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Т. 7, № 6. С. 263–280.
- Болдырев Н. Н., 2013. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (034). С. 5–13.
- Виноградова О. Е., 2013. Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 161. С. 67–73.
- Выговская Д. Г., 2014. Ассоциативный эксперимент как один из методов в психолингвистике // Наука Южно-Уральского государственного университета : материалы 66-й науч. конф. (Челябинск, 15–17 апр. 2014 г.). Челябинск : ЮУрГУ. С. 1157–1164.
- Глазанова Е. В., Штерн А. С., 1996. Градуальное измерение вербальной лексики // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 4. Семантика и коммуникация / под ред. Л. В. Сахарного. СПб. : СПбГУ. С. 177–189.
- Глисон Г., 1959. Введение в дескриптивную лингвистику. М. : Изд-во иностр. лит. 486 с.
- Голев Н. Д., 2009. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологом») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты Ч. 1 : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 7–41.
- Демина Е. И., 2004. Новые наименования лиц в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Самара. 229 с.
- Денисов П. Н., 1980. Лексика русского языка и принципы ее описания. М. : Рус. яз. 253 с.
- Есперсен О., 1958. Философия грамматики. М. : Изд-во иностр. лит. 407 с.
- Жинкин Н. И., 1964. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. № 6. С. 26–38.
- Жирмунский В. М., 1968. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи : На материале языков различных типов : сб. ст. / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Сунник. Л. : Наука. С. 7–32.
- Калинина Л. В., 2007. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных // Вопросы языкознания. № 3. С. 55–70.
- Козырев В. А., Черняк В. Д., 2015. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 631 с.
- Кубрякова Е. С., 2004. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Яз. слав. культуры. 560 с.
- Кузнецова Т. Ю., 2012. Стратегии семантизации слов носителями русского языка (экспериментальное исследование вариативности толкований) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово. 28 с.
- Лакофф Д., 2004. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Яз. слав. культуры. 792 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М., 2004. Метафоры, которыми мы живем. М. : URSS. 256 с.
- Лебедева С. В., 1988. Два подхода к исследованию лексической синонимии // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста : межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинин : КГУ. С. 68–73.
- Левенталь И. В., 2014. Лингвистическая типология слов в одноязычном учебном словаре русского языка для иностранцев : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 256 с.
- Найда Ю. А., 1983. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии / общ. ред. и вступ. ст. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс. С. 61–74.
- Пешковский А. М., 2001. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Яз. слав. культуры. 510 с.
- Покровская Е. А. 1999. Лексическая синонимия в количественно-системном аспекте (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. М. 170 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А., 2007. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад. 314 с.
- Рахилина Е. В., 2008. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Рус. слов. 416 с.
- Ревзин И. И., 1978. Структура языка как моделирующей системы. М. : Наука. 287 с.
- Ростова А. Н., 2000. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания : (На материале русских говоров Сибири). Томск : Изд-во Том. ун-та. 193 с.
- Склярская Г. Н., 2007. «Нормативный толковый словарь живого русского языка»: основные постулаты и типологические признаки // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности : сб. ст. / под ред. Г. Н. Склярской. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. С. 17–41.

- Стеблин-Каменский М. И., 1974. Спорное в языкознании. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 142 с.
- Фрумкина Р. М., 1983. Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики / отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. М. : Наука. С. 46–85.
- Черняк В. Д., 2010. Синонимия в русском языке. М. : Академия. 128 с.
- Щерба Л. В., 1974. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука. 428 с.
- Croft W., 2001. Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford : Oxford University Press. 417 p.
- Croft W., Cruse A., 2004. Cognitive Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press. 237 p.
- Hopper P., Thompson S., 1984. The Discourse Basis for Lexical Categories in Universal Grammar // *Language*. Vol. 60, № 4. P. 703–752.
- Langacker R., 1987. Noun and Verb // *Language*. Vol. 63, № 1. P. 53–94.
- Paivio A., 1990. Mental Representations: A Dual Coding Approach. Oxford : Oxford University Press. 322 p.
- Taylor J. R., 2003. Cognitive Grammar. Oxford : Oxford University Press. 621 p.
- Ullmann S., 1967. Semantics: An Introduction to the Science of Meaning, Oxford : Basil Blackwell. 278 p.
- Belov V.A., 2016. Ob ierarkhicheskom i neierarkhicheskom stroenii sinonimicheskikh ryadov [On Hierarchic and Non-Hierarchic Structure of Synonymic Chains]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 5-10.
- Belov V.A., 2017. Sinonimicheskie otnosheniya v yazyke i vyskazyvanii [Synonymic Relations in Language and Utterance]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], vol. 7, no. 6, pp. 263-280.
- Boldyrev N.N., 2013. Aktualnye zadachi kognitivnoy lingvistiki na sovremennom etape [On the Integrative Theory of Linguistic Representation of Knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 1 (034), pp. 5-13.
- Vinogradova O.E., 2013. Napravlennyy assotsiativnyy eksperiment v opisaniі semantiki slova [Directed Associative Experiment for Describing Word Semantics]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 161, pp. 67-73.
- Vygovskaya D. G., 2014. Assotsiativnyy eksperiment kak odin iz metodov v psikholingvistike [Associative Experiment as One of the Methods in Psycholinguistics]. *Nauka Yuzhno-uralskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy 66-y nauch. konf. (Chelyabinsk, 15–17 apr. 2014 g.)*. Chelyabinsk, YuUrGU, pp. 1157-1164.
- Glazanova E.V., Shtern A.S., 1996. Gradualnoe izmerenie verbalnoy leksiki [Gradual Dimension of Verbal Vocabulary]. Sakharnyy L.V., ed. *Problemy sovremennogo teoreticheskogo i sinkhronno-opisatel'nogo yazykoznanija. Vyp. 4 Semantika i kommunikatsiya* [Problems of Modern Theoretical and Synchronous-Descriptive Linguistics. Issue 4. Semantics and Communication]. Saint Petersburg, SPbGU, pp. 177-189.
- Glison G., 1959. *Vvedenie v deskriptivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Descriptive Linguistics], Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury, 486 p.
- Golev N.D., 2009. Obydennoe metazykovoe soznanie kak ontologicheskii i gnoseologicheskii fenomen (k poiskam «lingvognoseologem») [Ordinary Metalinguistic Consciousness as an Ontological and Epistemological Phenomenon (To the Search for “Linguo-Epistemological Units”)]. Golev N.D., ed. *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskije i gnoseologicheskije aspekty*.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Бабенко – Словарь синонимов русского языка : более 5000 синонимических рядов : ок. 30 000 слов-синонимов / под общей ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ : Астрель, 2011. 829 с.
- Евгеньева – Словарь синонимов русского языка. В 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Астрель : АСТ, 2003. Т. 1. 680 с.; Т. 2. 856 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Словарь обыденных толкований русских слов : Лексика природы. В 2 т. Т. 1. А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово : Изд-во Кемер. ун-та, 2011. 500 с.

REFERENCES

- Arbatskiy D. I., 1970. Osnovnye sposoby tolkovaniya znacheniya slov [The Main Ways of Interpreting the Meaning of Words]. *Russkiy yazyk*, no. 3, pp. 26-31.
- Arutyunova N.D., 2003. *Predlozhenie i ego smysl (logiko-semanticheskie problemy)* [The Sentence and Its Meaning (Logical and Semantic Problems)]. Moscow, URSS Publ. 384 p.

- Ch. 1: *kollektiv. monogr.* [Ordinary Metalanguage Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects. Part 1. Collective Monograph]. Kemerovo, Barnaul, Izd-vo Altayskogo universiteta, pp. 7-41.
- Demina E.I., 2004. *Novye naimenovaniya lits v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [New Names of Persons in Modern Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Samara. 229 p.
- Denisov P. N., 1980. *Leksika russkogo yazyka i printsipy ee opisaniya* [Russian vocabulary and principles of its description]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 253 p.
- Jespersen O., 1958. *Filosofiya grammatiki* [The Philosophy of Grammar]. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury. 407 p.
- Zhinkin N.I., 1964. O kodovykh perekhodakh vo vnutrenney rechi [About Code Transitions in Internal Speech]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 26-38.
- Zhirmunskiy V.M., 1968. O prirode chastey rechi i ikh klassifikatsii [On the Nature of Parts of Speech and Their Classification]. Zhirmunskiy V.M., Sunik O.P., eds. *Voprosy teorii chastey rechi: Na materiale yazykov razlichnykh tipov: sb. st.* [Issues of the Theory of Parts of Speech. Based on Languages of Various Types. Collected Articles]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 7-32.
- Kalinina L.V., 2007. K voprosu o kriteriyakh vydeleniya i otlichitelnykh primetakh leksiko-grammaticheskikh razryadov imen sushchestvitelnykh [On the Criteria of Determining Lexico-Grammatical Classes of Nouns and Their Distinguishing Marks]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 55-70.
- Kozyrev V.A., Chernyak V.D., 2015. *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [Russian Lexicography: Present Century and Past Century]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena. 631 p.
- Kubryakova E.S., 2004. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasty rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge About the Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 560 p.
- Kuznetsova, T. YU., 2012. *Strategii semantizatsii slov nositelyami russkogo yazyka (eksperimentalnoe issledovanie variativnosti tolkovaniy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Strategies for the Semantization of Words by Speakers of the Russian Language (An Experimental Study of the Variability of Interpretations). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Kemerovo. 28 p.
- Lakoff G., 2004. *Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire and Dangerous Things. What Categories of Language Tell Us About Thinking]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 792 p.
- Lakoff G., Johnson M., 2004 *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, URSS. 256 p.
- Lebedeva S.V., 1988. Dva podkhoda k issledovaniyu leksicheskoy sinonimii [Two Approaches to the Study of Lexical Synonymy]. *Psikholingvisticheskie issledovaniya znacheniya slova i ponimaniya teksta: mezhvuz. temat. sb. nauch. tr.* [Psycholinguistic Studies of Word Meaning and Text Understanding. Interuniversity Thematic Collection of Scientific Papers]. Kalinin, KGU, pp. 68-73.
- Levental I.V., 2014. *Lingvisticheskaya tipologiya slov v odnoyazychnom uchebnom slovare russkogo yazyka dlya inostrantsev: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Typology of Words in the Monolingual Educational Dictionary of the Russian Language for Foreigners. Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 256 p.
- Nayda Y.A., 1983. Protsedury analiza komponentnoy struktury referentsionnogo znacheniya [Procedures for Analyzing the Component Structure of the Reference Value]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 14. Problemy i metody leksikografii* [New in Foreign Linguistics. Iss. 14. Problems and Methods of Lexicography]. Moscow, Progress Publ., pp. 61-74.
- Peshkovskiy A.M., 2001. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 510 p.
- Pokrovskaya E.A., 1999. *Leksicheskaya sinonimiya v kvantitativno-sistemnom aspekte (na materiale russkogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical Synonymy in the Quantitative-Systemic Aspect (Based on the Material of the Russian Language). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 170 p.
- Popova Z.D., Sternin I.A., 2007. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ. 314 p.
- Rakhilina E.V., 2008. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetnost* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Compatibility]. Moscow, Russkie slovari Publ. 416 p.
- Revzin I.I., 1978. *Struktura yazyka kak modeliruyushchey sistemy* [The Structure of the Language as a Modeling System]. Moscow, Nauka Publ. 287 p.
- Rostova A.N., 2000. *Metatekst kak forma eksplyatsii metayazykovogo soznaniya: (Na materiale*

- russskikh govorov Sibiri*) [Metatext as a Form of Explication of Metalanguage Consciousness: (On the Material of the Russian Dialects of Siberia)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 193 p.
- Sklyarevskaya G.N., 2007. «Normativnyy tolkovyy slovar zhivogo russkogo yazyka»: osnovnyye postulyaty i tipologicheskie priznaki [“Regulatory Explanatory Dictionary of the Living Russian Language”: Basic Postulates and Typological Signs]. *Normativnyy tolkovyy slovar zhivogo russkogo yazyka: teoreticheskie problemy i prakticheskie trudnosti: sb. st.* [Normative Explanatory Dictionary of the Living Russian Language: Theoretical Problems and Practical Difficulties. Collected Articles]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakultet SPbGU, pp. 17-41.
- Steblin-Kamenskiy M.I., 1974. *Spornoe v yazykoznanii* [Controversial in Linguistics], Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta. 142 p.
- Frumkina R.M., 1983. Psikholingvisticheskie metody izucheniya semantiki [Psycholinguistic Methods of Studying Semantics]. *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic Issues of Semantics]. Moscow, Nauka Publ., pp. 46-85.
- Chernyak V.D., 2010. *Sinonimiya v russkom yazyke* [Synonymy in Russian]. Moscow, Akademiya Publ. 128 p.
- Shcherba L.V., 1974. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ. 428 p.
- Croft W., 2001. *Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford, Oxford University Press. 417 p.
- Croft W., Cruse A., 2004. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press. 237 p.
- Hopper P., Thompson S., 1984. The Discourse Basis for Lexical Categories in Universal Grammar. *Language*, vol. 60, no. 4, pp. 703-752.
- Langacker R., 1987. Noun and Verb. *Language*, vol. 63, no. 1, pp. 53-94.
- Paivio A., 1990. *Mental Representations: A Dual Coding Approach*. Oxford, Oxford University Press. 322 p.
- Taylor J., 2003. *Cognitive Grammar*. Oxford, Oxford University Press. 621 p.
- Ullmann S., 1967. *Semantics: An Introduction to the Science of Meaning*. Oxford, Basil Blackwell. 278 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Babenco L.G., ed. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: bolee 5000 sinonimicheskikh ryadov: ok. 30 000 slov-sinonimov* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. More than 5000 Synonymic Chains. About 30,000 Words-Synonyms]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2011. 829 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar sinonimov russkogo yazyka. V 2 t.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. In 2 Vols]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2003, vol. 1. 680 p.; vol. 2. 856 p.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Golev N.D., ed. *Slovar obydennykh tolkovaniy russskikh slov: Leksika prirody. V 2 t. T. 1. A-M (ABRIKOS – MURAVEY) (478 slov-stimulov)* [Dictionary of Native Interpretations of Russian Words: Nature's Vocabulary. In 2 Vols. Vol. 1. A-M (APRICOT-ANT)]. Kemerovo, Izd-vo Kemerovskogo universiteta, 2011. 500 p.

Information About the Author

Vadim A. Belov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of German Philology and International Communication, Cherepovets State University, Prosp. Lunacharskogo, 5, 162600 Cherepovets, Russia, belov.vadim.a@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4173-2000>

Информация об авторе

Вадим Алексеевич Белов, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет, просп. Луначарского, 5, 162600 г. Череповец, Россия, belov.vadim.a@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4173-2000>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.5>

UDC 811.161.1'27
LBC 81.411.2

Submitted: 23.12.2019
Accepted: 27.03.2020

PRAGMATIC MARKERS IN THE ASPECT OF COMMUNICATIVE ALIGNMENT¹

Ekaterina V. Troshchenkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Olga V. Blinova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article presents a model of communicative alignment in pragmatic markers (PM) use in Russian everyday dialogical communication. The main objectives are to check whether speakers coordinate their linguistic behavior not just with the use of lexemes or grammar forms or constructions, but also with PMs and how this actually works. We suppose that the use of PM by one of the speakers in the dialogue may increase the chances that the same PM will be used by the other speaker. In a Russian speech corpus “One Day of Speech” there were found 57 macro-episodes of communication where the PM *korochе / korochе govoryа* was used by multiple speakers (46 episodes with 2 speakers using the PM, 11 – with 3 speakers). The analysis of PM use applying the system of quantitative parameters, worked out by the authors, has enabled them to note, that medium frequency of PM use rises when the number of speakers increases. PM used by speaker 1 is repeated by speaker 2, thus inducing speaker 3 to use the same PM, which influences the speech of the first two speakers respectively. The data analysis allows us to conclude that the original hypothesis of alignment in PMs has been proved for the marker we studied.

Key words: pragmatic markers, communication, communicative alignment, Russian everyday speech, dialogue, spontaneous dialogue, Russian language.

Citation. Troshchenkova E. V., Blinova O. V. Pragmatic Markers in the Aspect of Communicative Alignment. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 49-58. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.5>

УДК 811.161.1'27
ББК 81.411.2

Дата поступления статьи: 23.12.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНОГО ВЫРАВНИВАНИЯ¹

Екатерина Владимировна Трощенко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Ольга Владимировна Блинова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье описана модель коммуникативной координации в употреблении прагматических маркеров в русском повседневном диалогическом общении. Цель исследования состоит в проверке гипотезы, согласно которой коммуникативные механизмы выравнивания влияют на выбор участниками диалога лексических единиц, грамматических форм, конструкций прагматических маркеров: использование определенного прагматического маркера первым собеседником увеличивает вероятность использования этого же маркера вторым собеседником. На материале корпуса русского повседневного общения «Один речевой день» рассмотрено употребление частотного прагматического маркера *короче / короче*

говоря в 57 макроэпизодах коммуникации общей продолжительностью 18 ч 48 мин., в которых этот маркер используется в речи двух (46 эпизодов) или трех (11 эпизодов) участников диалога. В результате анализа употребления прагматического маркера в соответствии с разработанной авторами системой количественных параметров установлено, что средняя частота использования прагматического маркера увеличивается с увеличением количества собеседников. Прагматический маркер, используемый говорящим-1, повторяется говорящим-2, и это побуждает говорящего-3 использовать тот же прагматический маркер, что в свою очередь влияет на речь двух первых говорящих. Полученные данные предварительно подтверждают выдвинутую гипотезу.

Ключевые слова: прагматические маркеры, коммуникация, коммуникативное выравнивание, русская повседневная речь, диалог, спонтанный диалог, русский язык.

Цитирование. Троценкова Е. В., Блинова О. В. Прагматические маркеры в аспекте коммуникативного выравнивания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 49–58. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.5>

1. Introduction

Corpus-based research of pragmatic markers (hereafter PMs) in Russian has been so far focused on theoretical issues concerning defining PMs as a specific class of linguistic units, creating methodology for their annotation and their typology, describing different classes from a functional point of view as well as statistically in terms of the frequency of their use. This research, being grounded on the previous results in this sphere, however, introduces a slightly different view, as it is interested not in individual uses of a PM by a single speaker, but considers usages of the same PM by two or more interlocutors in a coherent dialogue.

We suppose that – similarly to other kinds of linguistic units – there can be coordination at the level of PMs use in the speech of different interlocutors. Thus, the purpose of this study is to check a hypothesis that communicative alignment mechanisms affect not only the use of notional lexemes, grammatical forms or constructions by speakers, but also the use of pragmatic markers.

The article describes a methodology for analyzing communicative alignment in PMs as applied to spontaneous Russian oral dialogical discourse. The developed methods were applied to the research of one Russian pragmatic marker, that of *koroche / koroche govorya* (in short / briefly speaking) and an initial quantitative analysis of the dialogues was performed, so that the general fact of alignment could be verified and the specific aspects of the phenomenon could be discussed.

2. Basic concepts of the research

2.1. Communicative alignment

Concentrating on the problem of the conversational dialogue integrity, scholars turn to the concept of speech behaviour coordination that occurs among the participants in dialogical interactions [Borisova, 2009]. In the English-language research tradition it is customary to talk about *communicative alignment*, often with an emphasis on the embeddedness of such coordinated verbal behaviour in more general activity models, where mental models of interacting participants and their bodily experience are also being gradually harmonized as the dialogue develops. The interlocutors involved in the dialogue spontaneously align their linguistic behavior to each other at various levels from prosody to syntax, thereby enhancing coordination in attention (joint attention), actions and conceptualizations; a significant role in the mechanisms of this process the researchers assign to priming effects [Fusaroli, Rączaszek-Leonardi, Tylén, 2014; Pickering, Garrod, 2004; Pickering, Ferreira, 2008].

It is emphasized that the presence of such alignment in cooperative dialogues is associated with the successful solution of the tasks faced by the interlocutors [Pickering, Garrod, 2006], “interactive alignment process greatly simplifies language processing in dialogue” [Pickering, Garrod, 2004, p. 170]. Thus, the interactive adjustment of speech behavior can go beyond the mere imitation of the interlocutor’s actions and create the effect of complementarity of the joint

action, leading to behavioral coupling of the interlocutors [Fusaroli, Tylén, 2016]. These views are often developed in the Maturanian tradition that suggests treating cognitive processes as distributed in our brain, bodies and, in some cases, the social and physical worlds [Clark, Chalmers, 1998; Hutchins, 1995; Cowley, Kravchenko, 2006]. Thus, alignment can be considered a manifestation of a dialogically extended mind and interpersonal synergies arising from socially shared and distributed cognition.

The phenomenon of communicative alignment was quite thoroughly studied on experimental and corpus material in relation to notional words, some grammatical categories and constructions, as well as in relation to the coordination of interlocutors' mental models and their stancetaking [Du Bois, 2007; Pickering, Garrod, 2004]. M.J. Pickering, S. Garrod claim that "alignment of situation models is largely the result of alignment at other levels of representation. In fact, interlocutors tend to produce words they have just heard, to assume that ambiguous words have meanings that they have recently given to those words, to use grammatical constructions they have recently used, and so on" [Pickering, Garrod, 2006, p. 204]. John W. Du Bois considers alignment as continuously variable, the matter of degree, achieved as a result of two opposing tendencies towards convergence and divergence in interlocutors' views and evaluation of the situation [Du Bois, 2007, p. 162].

Based on Dubois's idea of stance relations as a way of building socio-cognitive intersubjective relationships [Du Bois, 2007], a study of the discursive marker "well" in American English was carried out [Sakita, 2013], where this discursive marker is considered as a resource for managing relations between positions of interlocutors (management of relationships among stances). However, it should be emphasized that, in general, discursive markers of various types have so far been studied insufficiently, especially on Russian material. Hence, it would be important to study such indispensable elements of oral communication as pragmatic markers that function as speech automatisms, quite uncontrolled by the speaker, and, though being devoid of their own meaning, have a significant influence on communication.

As it was mentioned, the alignment itself is mostly viewed as an automatic process, subject to priming effects. As put it, "alignment of situation models is achieved by a primitive and resource-free priming mechanism" and "the same priming mechanism produces alignment at other levels of representation, such as the lexical and syntactic" [Pickering, Garrod, 2004, p. 172]. For instance, J.K. Bock, studying syntactic repetition effect, argued that "sentence formulation processes are somewhat inertial and subject to such probabilistic factors as the frequency or recency of use of particular structural form" [Bock, 1986, p. 355]. Her own experiments with the use of active / passive sentences while describing pictures showed evidence that effects of priming were specific features of sentence form, independent of sentence content. H.P. Branigan et al. found the same priming effects when the pairs of interlocutors, who were respondents in their experiment, were to describe ditransitive actions, choosing between a) the X verbing the Y to the Z and b) the X verbing the Z the Y [Branigan, Pickering, Cleland, 2000]. This leads us to the supposition that the use of a certain pragmatic marker by the first interlocutor in the dialogue should increase the chances that the same marker will be used by the second interlocutor, and that harmonious cooperative communication is thus promoted.

2.2. Pragmatic markers

By "pragmatic markers" after [Brinton, 2017, p. 9] we mean discourse units that have a number of characteristics, among which are always or often: they are short, susceptible to phonological reduction, able to form separate tone groups, have a tendency to be placed at the borders of clauses, they are optional from a grammatical point of view, able to perform important pragmatic functions, have low ability / inability to encode propositional content, multifunctional, frequent in oral discourse and are stylistically stigmatized.

The term "pragmatic marker" was introduced in [Fraser, 1996]. B. Fraser created a multidivisional classification of units by which he understands encoded hints that tell about potential intentions of the speaker [Fraser, 1996]. According to him, this functional class of linguistic units can be found in any language.

Fraser distinguishes 4 type of PMs:

1) **basic markers** that “represent information which signals... the force of the direct basic message of the sentence”;

2) **commentary markers**, “lexical expressions which have both a representational meaning specifying an entire message, and a procedural meaning signaling that this message is to function as a comment on some aspect of the basic message”;

3) **parallel markers**, “whose function is to signal an entire message in addition to the basic message”;

4) **discourse markers**, this type “signals the relationship of the basic message to the foregoing discourse” ([Fraser, 1996]).

In Fraser terminology *koroche* / *koroche govorya* should be viewed as a commentary marker.

2.3. “Koroche” as a pragmatic marker

To check the hypothesis of communicative alignment encompassing the use of PMs in oral dialogues one pragmatic marker *koroche* / *koroche govorya* was chosen for an initial step in the research.

According to [Bogdanova-Beglarian et al., 2019b] this pragmatic marker is included into class 2) boundary markers. The class includes markers that function as starters, finalizers and navigational tools in discourse (*vot*, *koroche*, etc.). In [Bogdanova-Beglarian et al., 2018b] this marker is classified as a rhythm-forming: PMs that are used as a sort of “pacemakers” to make spoken text rhythmical (*vot*, *tam*, *koroche*, *tak*).

There are several reasons for choosing this particular marker for beginning a study of communicative coordination concerning PMs in

general. The first one is the fact that **it is quite frequent in Russian dialogues** (Table 1).

Being relatively important in oral dialogical discourse (it is also mentioned both in separate frequency lists for both female and male speakers), *koroche*, at the same time, has advantages before even more frequent PMs for this study. Some of its features make it more convenient for preliminary checking of the general hypothesis. Firstly, it does not occur in multiple forms. In [Bogdanova-Beglarian et al., 2019b] in the discussion of the main structural types of PMs in spoken Russian, *koroche* is mentioned with only one correspondent variant *koroche govorya*. Compare it with some other PMs: *vot* (109 variants), *eto* (30 variants) *znaesh* (17 variants). Thus, it is easy to find in the corpus and the cases of notional use of *koroche* (comparative degree from the adjective *korotkiy*) can be quickly discarded.

Secondly, one has to take into account that one form of PM can be multifunctional. Concerning dialogical speech [Bogdanova-Beglarian et al., 2019], mentions the rhythm-forming class among the polyfunctional PMs. However, *koroche* / *koroche govorya* does not seem to have a wide range of functions, so this factor – that in principle should be paid attention to while studying communicative alignment – for the time being may be ignored, which would not have been possible with many other frequent PMs.

3. Study design, material and method

3.1. “One Day of Speech” corpus

The research is based on the material of a sound corpus of Russian everyday speech “One

Table 1. The most frequent PMs in Russian dialogue speech, according to [Bogdanova-Beglarian et al., 2019b]

Rank	PM	Abs. number	The share (%) of PM among the other PMs	ipm
1	<i>vot</i>	149	14.06	2483
2	<i>tam</i>	117	11.04	1950
3	<i>da</i>	82	7.74	1367
4	<i>govorit</i>	70	6.60	1167
5	<i>kak by</i>	60	5.66	1000
6	<i>eto</i>	44	4.15	733
7	<i>eto samoe</i>	43	4.06	717
8	<i>znaesh</i>	41	3.87	683
9	<i>koroche</i>	38	3.58	633

Day of Speech". It has been created and enlarged since 2007 at the Philological Faculty of Saint Petersburg State University. Its aim is to study Russian spoken language, everyday and professional communication. The recordings of the corpus are obtained in the conditions that are maximum close to natural: the method of continuous 24-hour recording of all speech produced by the informant was used, for more detail see [Bogdanova-Beglaryan et al., 2018a]. Now the corpus contains approximately 1250 hours of sound recordings, which is more than 2800 communicative macro-episodes. It includes the speech of 128 informants (68 male, 60 female speakers whose age ranges from 18 to 83 years old) plus more than 1000 of the basic speakers they communicate to during their speech day. The amount of transcripts from the corpus is more than 1 million tokens. More information about the corpus can be found in [Bogdanova-Beglaryan et al., 2019a].

3.2. Communicative macro-episodes in the corpus

We have analyzed 182 communicative macro-episodes with a total duration of 56 h 55 min, containing a PM *koroche / koroche govorya*. A communicative macro-episode is considered to be a fragment of the informant's "speech day", realized in a particular place, under certain conditions and having a particular set of participants, see [Sherstinova, 2009]. From the total number of macro-episodes, 125 contain the PM used by only one interlocutor (of which 121 episodes can indeed be considered as not containing communicative alignment, while 4 episodes are records of telephone conversations, thus, one cannot judge about the presence of communicative alignment in them).

There were identified 57 macro-episodes (with a total duration of 18 hours, 48 minutes) in which *koroche / koroche govorya* is used in the speech of two (46 episodes) or three (11 episodes) speakers.

The following main parameters were involved in the analysis:

- the duration of the communicative macro-episode, the total number of PMs;
- the number of PMs in the S1 contribution;
- the number of PMs in the S2 or S3 contributions (S – Speaker. – E. T., O. B.);

- the number of PM uses in the S1 speech, observed before the first appearance of the PM in the S2 speech;

- the moments of PM's appearance in speaking;

- "distance" between utterances with PM.

To model the process of communicative alignment, it was necessary to analyze the linear arrangement of interlocutors' utterances, containing PM, consider the development of the dialogue in time, calculating the distance between the utterances of the first speaker who used the PM and the utterances of the second or third speaker who used the same PM. Let us give as an example of the following short fragment of the dialogue [ordS79-13] (see Table 2).

Repetition of the PM by the second speaker (in this case – I79) we consider to be the initial evidence of the presence of communicative alignment in the dialogue. The "distance" between the utterances in which communicative alignment is observed is the time interval in ms between the end of the utterance with the first PM and the beginning of the utterance with the second PM. In this case, utterances by M1 and I79 are separated only by an absolute pause of 309 ms in length.

In a corpus study of spoken British English concerning the use of ditransitive construction alternations [Gries, 2005] it was shown that there were often many intervening sentences between the two utterances, and – what is important – priming was stronger when the sentences were closer together. We maintain, following [Reinemann, ed., 2014, p. 559], that the priming effect of the utterance containing PM can fade with time: in connection with this it is noted that most of the (psychologically oriented) priming studies involve a maximum temporal delay between the presentation of the prime and the collection of the target variable of 15 to 20 minutes. We would like to further model this fading of the priming. Accordingly, the analysis involved macro-episodes as a whole, that is, the distance between the utterances can vary within the limits of total duration of the macro-episode.

4. Results of corpus analysis

The median average duration of a macro-episode is 1178171 ms (approximately 19 minutes).

Table 2. Fragment of a macro-episode containing *koroche* use by two speakers with timing

<i>t</i> of the beginning	<i>t</i> of the end	Utterances of the speakers	Speaker code
00:14:28.343	00:14:29.689	<i>так / пойдём / короче / двигать //</i> <i>well / let's go / in short / leave //</i>	M1
00:14:29.689	00:14:29.998	*П <i>pause</i>	–
00:14:29.998	00:14:31.839	<i>короче / я бы не рисковал // # ну / не надо //</i> <i>in short / I wouldn't take the risk / #well / we shouldn't</i>	I79#M1

Let us look separately at the macro-episodes where the PM was used by two speakers (Macro-Episodes₂) and those where the PM is used by three speakers (Macro-Episodes₃)

In Macro-Episodes₂ the time distances between the utterances are as follows (Table 3).

Thus, S1 has time to say *koroche / koroche govorya* sometimes several times before S2 joins him / her in using the PM. There are 77 uses of the PM by S1 before S2 for 46 macro-episodes, so on average S1 uses the PM 1,7 times before S2 joins.

In Macro-Episodes₃ one has to look both at the distances in relation to S2 and S3 joining the PM use (Table 4).

In this case, compared to Macro-Episodes₂, S2 joins S1 in the PM use even later, both concerning the initial PM use and the last time S1 uses *koroche / koroche govorya* before S2 starts. One has to check if S1 contributions tend to be long monologous narratives in these cases.

As far as S3 is concerned, quite expectedly (s)he joins much later from the first PM use by S1. What is of interest here for further discussion is the time distance between the last PM use of S1 / S2 and the first time S3 uses the PM: not

only does it happen much faster than for S2 joining in Macro-Episodes₃, it is about twice as short as S2 joining in Macro-Episodes₂.

If one looks at the number of PM uses, S1 manages to say *koroche / koroche govorya* on average 2,3 times before S2 joins (25 times for 11 macro-episodes). This is slightly more than in Macro-Episodes₂, which leads to idea that longer time distances here are explained by the quality of contribution by S1 – monologous narratives that go practically uninterrupted at first by the other interlocutors (see the qualificative analysis below).

If we now look at the situation with S3, we shall see that the first two speakers say *koroche / koroche govorya* before S3 joins 69 times for 11 macro-episodes, i.e. on average 6,3 times. Thus, S3 hears the PM used much more than S2 both in Macro-Episodes₂ and Macro-Episodes₃. If one pays attention to the abovementioned fact that the time distance from the last PM use by S1 / S2 to S3 joining is significantly shorter than the same distance for S2 joining, one can make a supposition about the influence of communicative alignment.

To check what kind of speech contributions precede S3 use of *koroche / koroche govorya*

Table 3. Average time distances for Macro-Episodes₂

Type of the distance	Arithmetic average	Median
From the first PM use of S1 to the first PM use of S2	331,77 s (5,5 min)	244,34 s (4,1 min)
From the last time S1 uses the PM before the first PM use of S2	266,21 s (4,4 min)	147,91 s (2,5 min)

Table 4. Average time distances for Macro-Episodes₃

Type of the distance	Arithmetic average	Median
From the first PM use of S1 to the first PM use of S2	614,45 s (10 min)	702,07 s (11,7 min)
From the last time S1 uses the PM before the first PM use of S2	330,32 s (5,5 min)	309,07 s (5,1 min)
From the first PM use of S1 to the first PM use of S3	955,55 s (15,9 min)	974,78 s (16,2 min)
From the last time S1 or S2 uses the PM before the first PM use of S3	169,3 s (2,8 min)	65,12 s (1,1 min)

we turned to qualificative analysis of the macro-episodes where S1 and S2 use the PM most often before S3 joins in: macro-episode ordS15-05 – 16 times; ordS105-18 – 13 times; ordS15-09 – 8 times; ordS105-17 – 6 times; ordS89-14 and ordS30-15 – 5 times each.

If one ranks the Macro-Episodes₃ according to the time distances between the first PM use by S1 and the first PM use by S2, episodes ordS89-14, ordS30-15, ordS105-18, ordS15-09 are also (together with ordS123-05) among those five with longest distances, which makes them interesting for the analysis from the point of view of our supposition above that it may explain relatively late onset time for the first PM use by S2 compared to Macro-Episodes₂.

In most cases S3, though present in the dialogue, is not initially as active as a contributor to it as S1 or S2. S1 / S2 in these macro-episodes would be telling stories from their own life experience, book or film plot narrations, while S3 for some time only participates by showing interest to what is being told. S3 uses other pragmatic markers and clarification questions to emphasize he pays attention to the stories of S1 / S2.

Here is example 1 from ordS15-05 S3 (M2) mentions a book and S1 elaborates upon it:

00:06:23.290	<i>блин я у тебя книжку нашел</i>	<i>прикинь / массовое са-тебя книжку нашел</i>
*Н #		<i>моубийство целой ро-ты //</i>
M2		M3

The story does not go as a full-fledged uninterrupted monologue, but S3 (M2) utterances are very short and aim at supporting the stories development, for instance:

Onset times	S3 utterances
00:07:19.308	<i>да / да да да //</i>
00:07:44.670	<i>кто тратит //</i>

In the macro-episode ordS15-09 (example 2) S1 and S2 also tell stories, about a film with vampires and a telephone application, while S3 only adds short comments about these stories.

The macro-episode ordS105-18 (example 3) shows well how S3 (I105) only interrupts S2 (M2) monologue with encouraging questions, “up-huh”

and “cool” (lines with timing for pauses are deleted):

Onset times	S2 & S3 utterances	Speaker
00:14:56.078	<i>я понял / пацанам короче / ну / подрабатывал (...)</i> <i>на заводе // пацанам по-могал / короче / знаешь / какие короче / стеллажи / которые вот в Ике...\$ / вот этих / как его / Ме-гах\$ ст... () у этих / б**дь (...)</i> в(:) ... в Океях\$ <i>стоят / в Лентах\$ //</i>	M2
00:15:06.413	угу //	I105
00:15:07.375	<i>двенадцатиметровая</i> <i>вот эта х**ня / бакалина / б**дь прикинь // о... (...)</i> один её подымаешь <i>так потихонечку нах*й / тык тык тык тык тык / вот так вот // тык тык тык / потом хоп // и стоишь её держишь / а они блин двенадцать метров / она вот так вот *В ё(-)-моё / вот так страшно было пер-вое время // они говорят / нах*я ты ссышь / гово-рят / нормально упрись в неё / е**ть / сейчас () *Н поставим // вот лини-ля(?) не застегнут нах*й / она такая конструкция вся б**дь // *В // думаешь / как п*зданётся б**дь // двенадцать метров ё**ных / у... четыре этажа / прикинь такая высота е**ть / ох*еть //</i>	M2
00:15:39.820	круто //	I105
00:15:49.880	и как ты одну её(-) удержишь вообще / это же нереально ?	I105
00:15:52.860	<i>ну вот так стоишь / *Н его(?) (...)</i> между ног // <i>вот так // вприсядочку // и стоишь её держишь / *Н (на...) // у неё () у неё пятки то более менее широкие такие //</i>	M2
00:16:01.647	угу //	I105

But when finally S3 (I105) more actively gains the initiative and summarizes the S2 story, he also uses *korochе* as the other two speakers before:

Onset times	S2 & S3 utterances	Speaker
00:19:18.779	<i>они такие типа / них*я дорого / короче / там б**дь им получается / сколько точек / раз / два / три (...) четыре / пять () ше... () шесть точек короче //</i>	M2
00:19:25.683	*П	—
00:19:26.492	<i>жадин ты решил на(:)... (э-э) наказать / короче говоря //</i>	П05

Let us also look closer at the data for Macro-Episodes₂ and Macro-Episodes₃ concerning overall use of the PM compared to the Macro-episodes where only one speaker uses *koroche / koroche govorya*. It is important that comparison of the relative frequencies of the PM in the three samples shows a significant difference between the values obtained. Thus, the frequency mean values, calculated relative to the total length of the episodes in seconds:

- for the sample of the episodes where the PM was used by only one speaker equals 0.0007;
- for that where the PM was used by two speakers – 0.005;
- for that where the PM was used by three speakers – 0.012 (Figure 1).

5. Discussion

The results concerning Fmean in the use of *koroche / koroche govorya* for the macro-episodes where it is only used by one speaker compared with those where this PM is used by two or three speakers show that the frequency increases with the number of interlocutors including it in their utterances. Theoretically, there

is no reason why this should be so, unless there is a kind of triggering: the fact that the PM used by S1 was repeated by S2 encourages S3 to use it as well, which in its turn encourages the other two continue using the PM.

In our data together speakers tend to use *koroche / koroche govorya* more often than in Macro-Episodes₁. This leads to the idea that the frequency of the PM use may be rooted not only in the individual preferences of a particular speaker or the way it suits a particular situation in speaking, fulfilling its pragmatic marker functions, but is also influenced by alignment effects with the speakers tuning their contributions with regards to PM use to each other.

Thus, on the basis of the data obtained, the assumption that communicative alignment mechanisms influence the use the PM by the interlocutors can be considered provisionally confirmed.

It should be also noted that Macro-Episodes₃ where this effect is most visible are cases when the speakers are well-familiar with each other and communicate on a regular basis. These are not occasional communications with unknown people in the services sphere, public transport and so on. Hence, they have an opportunity for coordinating their speech activity not just in the macro-episodes in question but also beyond the corpus data. How this can influence priming effect, perhaps, adding to its stability and strength, is an issue to be further studied.

What is of interest here is that one can see that the time when S3 first uses *koroche / koroche govorya*, having heard it much more than S2, is significantly shorter than the time the first PM use by S2 occurs. This we interpret as manifestation of alignment, the situation when already existing amount of alignment between S1

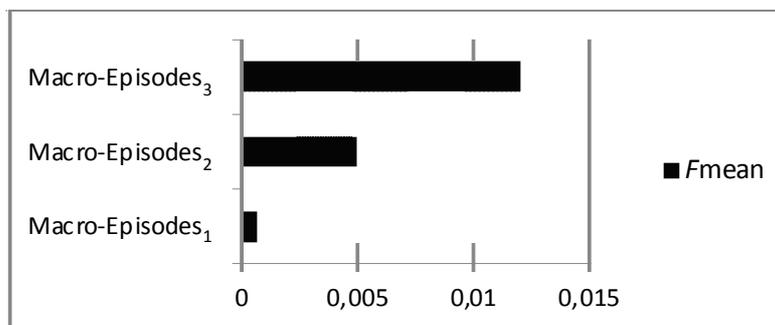

Fig. 1. The frequency of the PM use in macro-episodes of different type

and S2 encourages S3 to more actively use the same PM in his / her utterances.

On the other hand, one should also note that out of the total of macro-episodes (excluding the four telephone talks that cannot be analyzed in terms of alignment presence), only slightly less than a half manifest the use of the PM by the two or more speakers. This means that, even if one claims that alignment is a factor in the PM use, *koroche / koroche govorya* is not excessively “contagious”.

6. Conclusions and further research

However, one needs to further study communicative alignment from the point of view of other factors that can support or interfere with priming, such as maintaining one topic, the length of the speakers’ utterances, the number of previous uses of the same marker by S1, individual preferences of the speakers and their general history of previous interactions. Finally, it is important to consider the type of PM. In particular, the PM is *koroche / koroche govorya* in a significant number of cases is used as part of monologue passages within the dialogues, which affects the characteristics studied in research.

One of the ways to further study pragmatic marker alignment in Russian everyday speech is to look at some other types of PM, according to Fraser classification. It would be interesting to check for alignment signs with these other PMs and to compare with *koroche* to see if the functional type can have some influence on the degree of speakers coordination with each other or if there are any specific coordinational features. Thus, we plan to analyze *kak by* which can be classified as a basic marker in Fraser’s terms.

NOTE

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation (RSF), project № 18-18-00242 “Pragmatic Markers in Russian Everyday Speech”.

REFERENCES

- Bock J.K., 1986. Syntactic Persistence in Language Production. *Cognitive Psychology*, vol. 18, no. 3, pp. 355-387. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(86\)90004-6](https://doi.org/10.1016/0010-0285(86)90004-6).
- Bogdanova-Beglaryan N.V., Sherstinova T.Ju., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ja., 2018a. Korpus «Odin rechevoj den'» v issledovanijah sociolingvističeskoj variativnosti russkoj razgovornoj reči [Corpus “One Speech Day” for Studying Sociolinguistic Variation of Everyday Speech]. *Analiz razgovornoj russkoj reči (AR3-2017): Trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminarā [Analysis of Russian Spoken Language (AR3-2017): Papers of the 7th International Interdisciplinary Seminar]*. D. A. Kocharov, P. A. Skrelin (eds.). SPb.: Politehnika-print. pp. 14–20.
- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G., Baeva E., 2018b. Towards a Description of Pragmatic Markers in Russian Everyday Speech. *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)*, vol. 11096: Speech and Computer. 20th International Conference, SPECOM2018, Leipzig, Germany, September 18–22, 2018, Proceedings. Springer Publishing Company, pp. 42-48. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-99579-3_5.
- Bogdanova-Beglaryan N.V., Sherstinova T.Yu., Blinova O.V., Martynenko G.Ya., 2019a. Korpus russkogo yazyka povsednevnogo obshčeniya «Odin rechevoj den'»: tekushčeye sostoyaniye i perspektivy [Russian everyday speech corpus “One Day of Speech”: current state and perspectives]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]*, vol. 21, pp. 101-110.
- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G., 2019b. Pragmatic Markers Distribution in Russian Everyday Speech: Frequency Lists and Other Statistics for Discourse Modeling. *Lecture notes in computer science*. 11658 LNAI. Heidelberg, Springer-Verlag GmbH, pp. 433-443. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-26061-3_44.
- Borisova I.N., 2009. *Russkiy razgovornyy dialog: Struktura i dinamika [Russian Spoken Dialogue: Structure and Dynamics]*. Moscow, LIBROKOM Publ. 320 p.
- Branigan H.P., Pickering M.J., Cleland A.A., 2000. Syntactic Co-ordination in Dialogue. *Cognition*, vol. 75, iss. 2, pp. B13-B25. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0010-0277\(99\)00081-5](https://doi.org/10.1016/s0010-0277(99)00081-5).
- Brinton L.J., 2017. *The Evolution of Pragmatic Markers in English: Pathways of Change*. Cambridge University Press. 344 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316416013>.

- Clark A., Chalmers D.J., 1998. The Extended Mind. *Analysis*, vol. 58, no. 1, pp. 7-19. DOI: <https://doi.org/10.1093/analysis/58.1.7>.
- Cowley S.D., Kravchenko A.V., 2006. Dinamika kognitivnykh protsessov i nauki o yazyke [Dynamics of Cognitive Processes and Language Sciences]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 133-140.
- Du Bois J.W., 2007. The Stance Triangle. Englebretson R., ed. *Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, pp. 139-182. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.164.07du>.
- Fraser B., 1996. Pragmatic Markers. *Pragmatics*, vol. 6, no. 2, pp. 167-190. DOI: <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>.
- Fusaroli R., Rączaszek-Leonardi J., Tylén K., 2014. Dialogue as interpersonal synergy. *New Ideas in Psychology*, vol. 32, pp. 147-157. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2013.03.005>.
- Fusaroli R., Tylén K., 2016. Investigating Conversational Dynamics: Interactive Alignment, Interpersonal Synergy, and Collective Task Performance. *Cognitive Science*, vol. 40, no. 1, pp. 145-171. DOI: <https://doi.org/10.1111/cogs.12251>.
- Gries S.T., 2005. Syntactic Priming: A Corpus-Based Approach. *Journal of Psycholinguistic Research*, no. 34, pp. 365-399. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-005-6139-3>.
- Hutchins E., 1995. *Cognition in the Wild*, MIT Press. 381 p.
- Pickering M.J., Ferreira V.S., 2008. Structural Priming: A Critical Review. *Psychological Bulletin*, vol. 134, no. 3, pp. 427-459. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.3.427>.
- Pickering M.J., Garrod S., 2004. Toward a Mechanistic Psychology of Dialogue. *Behavioral and Brain Sciences*, no. 27, pp. 169-225. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0140525X04000056>.
- Pickering M.J., Garrod S., 2006. Alignment as the Basis for Successful Communication. *Research on Language and Computation*, vol. 4, no. 2, pp. 203-228. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11168-006-9004-0>.
- Reinemann C., ed., 2014. *Political Communication*. Berlin, Mouton de Gruyter. 659 p.
- Sakita T.I., 2013. Discourse Markers as Stance Markers: Well in Stance Alignment in Conversational Interaction. *Pragmatics and Cognition*, vol. 21, no. 1, pp. 81-116.
- Sherstinova T.Yu., 2009. The Structure of the ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication. Matoušek V. and Mautner P., eds. *12th International Conference, TSD 2009: Text, Speech and Dialogue, Pilsen, Czech Republic, September 13-17, 2009. Proceedings*. Pilsen, Springer, pp. 258-265. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-04208-9_37.

Information About the Authors

Ekaterina V. Troshchenkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Language and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russia, e.troschenkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2498-3086>

Olga V. Blinova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russia, o.blinova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5665-3495>

Информация об авторах

Екатерина Владимировна Трощенко, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, e.troschenkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2498-3086>

Ольга Владимировна Блинова, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, o.blinova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5665-3495>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.6>

UDC 81'255.4
LBC 81.18

Submitted: 19.09.2019
Accepted: 27.03.2020

COGNITIVE BASIS OF MAKING CREATIVE DECISIONS IN TRANSLATION ACTIVITIES

Anastasia V. Kolmogorova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Elena V. Chistova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The purpose of the paper is to model the cognitive mechanism of generating creative elements in translation activities that are increasingly relevant in the context of modern requirements for the translator's work. The authors systematize, refine and supplement the available theoretical knowledge about translation creativity. The authors describe the available results of searching for creativity in target texts. The paper provides a cognitive mechanism scheme that launches creative ideas in translation activities. It works by constructing a cognitive focus – a sort of conscious reasonable integration of cognitive orientations, translation strategies and mental operations, actualizing weak associative links between mental representations available in the information field of the translation subject, in most cases leads to making creative translation decisions that require high efforts. The results of the study showed that translation creativity goes beyond the limits of linguistic creativity, and is realized both with the help of linguistic (ready-made speech word forms or new word-formations), and paralinguistic (color gamut, etc.). The examples considered in the article show that modulation and “thinking transcription” are the most productive mental operations of generating creative translation decisions. Strategies for domestication and transcreation also contribute most to the development of translation creativity.

Key words: cognitive linguistics, cognitive translation studies, creative linguistics, divergent thinking, cognitive modelling, creativity, linguistic creativity.

Citation. Kolmogorova A. V., Chistova E. V. Cognitive Basis of Making Creative Decisions in Translation Activities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 59-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.6>

УДК 81'255.4
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 19.09.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ КРЕАТИВНЫХ РЕШЕНИЙ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анастасия Владимировна Колмогорова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

Елена Викторовна Чистова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

Аннотация. Статья посвящена моделированию когнитивного механизма создания креативных элементов в переводческой деятельности, все более актуальных в контексте современных требований к работе переводчика. Проводится систематизация, уточнение и дополнение имеющихся теоретических знаний о креативности в переводе. Посредством метода когнитивного моделирования реконструируется когнитивный механизм, актуализирующий порождение креативных идей в переводческой деятельности. Он моделируется в результате построения когнитивной проекции – осознанной интеграции когнитивных установок, стратегий перевода и ментальных операций, которая в большинстве случаев приводит к выработке креативных переводческих решений, требующих больших трудозатрат. Показано, что переводческая креативность выходит за пределы лингвокреативности, реализуясь разными средствами: лингвистическими (готовые речевые словоформы или новые образования) и паралингвистическими (цветовая гамма и др.). Приведенные в статье примеры убеждают, что модуляция и «думающие транскрипции» представляют собой продуктивные ментальные операции порождения креативных решений в переводе. Стратегии доместикации, «золотой середины» и транскреации создают условия для актуализации и переводческой креативности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивное переводоведение, лингвистика креатива, дивергентное мышление, когнитивное моделирование, креативность, лингвокреативность.

Цитирование. Колмогорова А. В., Чистова Е. В. Когнитивный механизм порождения креативных решений в переводческой деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 59–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.6>

Введение

Креативность в контексте потребностей современного общества воспринимается как один из катализаторов научного и социального прогресса. Она ассоциируется с такими способностями и качествами человека, как воображение, интеллектуальное любопытство, способность к принятию решений и критическому анализу. Оказавшись в центре внимания академического и профессионального сообществ, креативность стала рассматриваться как мощный инструмент для решения профессиональных задач, в том числе в области перевода. «Креативные» переводчики востребованы на рынке труда. Однако вопрос о когнитивных механизмах креативности в деятельности переводчика остается открытым в предметном дискурсе когнитивного переводоведения.

Цель данной статьи состоит в моделировании когнитивного механизма порождения креативного решения в переводческой деятельности и выявлении эвристического потенциала данной модели на примере использования лингвистических и паралингвистических средств создания креативности в переводе.

Материал и методы исследования

Для достижения поставленной цели используются следующие методы: оценочно-критический анализ теоретической литературы, метод когнитивного моделирования (под-

робнее о нем см.: [Lakoff, 1987]), метод TAPs (think-aloud protocols), или метод озвучивания процессов мышления (стенограммы мыслительных процессов – СМП), а также метод воссоздания и ретроспекции продукта перевода (подробнее о нем см.: [Hansen, 2006]). В ходе работы были интервьюированы два переводчика, владеющие английским и китайским языками, и сделаны записи их саморефлексий, а также записи размышлений двух экспертов в соответствующей области перевода. В результате расшифровки данных мы получили 4 стенограммы общим объемом 128 193 знака. Материалом исследования также послужили научные публикации и веб-сайты, содержащие выявленные креативы (общим объемом 93 374 знака).

Результаты и обсуждение

Траектории изучения креативности в переводческой деятельности

В отношении феномена креативности в переводоведении можно наблюдать четыре основных траектории движения исследовательской мысли: изучение влияния креативности на характер переводческих преобразований, на динамику протекания переводческого процесса, на характеристики и специфику когнитивной деятельности субъекта перевода, на успешность обучения навыкам и компетенциям в области переводческой деятель-

ности (лингводидактика перевода). При этом в основу определения креативности положены разные параметры, а для ее изучения применяются разные методы.

Так, в исследованиях переводческих преобразований креативность анализируется в рамках текстоцентрического подхода, фокусирующегося на тексте как продукте перевода, и рассматривается как отклонение от буквального перевода [Поздняков, 2016; Baker, 1996; Bayer-Hohenwarter, 2011; Dancette, Audet, Laurence, 2007; Quillard, 1998; Ubozhenko, 2016; Valdés, 2008]. При изучении перевода как процесса креативность становится неотъемлемым компонентом применяемых переводчиком стратегий [Фесенко, 2005; Bayer-Hohenwarter, 2010; Mednick, 1962; Riccardi, 1998; Rojo, 2017; Rojo, Ramos, 2016] и исследуется эмпирическими и экспериментальными методами. В работах, где в центре внимания оказывается субъект перевода, креативность трактуется как фундированная в его личностных качествах основа выбора способов и средств перевода [Урубкова, 2003; Збанц, 2018; Batey, Furnham, 2006; Mackenzie, 1998]. В лингводидактике перевода при рассмотрении креативности применяются методы изучения личности, а при рассмотрении креативности как компетенции, которая должна быть сформирована при обучении переводу, – процессуально ориентированные методы [Куковская, 2014; Нефедова, Ремхе, 2015; Убоженко, 2016; Gran, 1988].

Прежде чем внедрять определенную методику в учебный процесс, необходимо освоить механизм порождения тех или иных переводческих решений, выявить который возможно в результате исследования процессуальной работы практикующих переводчиков, имплантирующих креативные элементы в тексты перевода.

Процессуально ориентированные исследования креативности

В первой половине XX в. креативность изучалась в контексте текстоцентрического подхода на материале художественных текстов: анализировались, как показано А. Рохо, креативные элементы, создаваемые в ходе заполнения безэквивалентных лакун на уров-

не стилистики текста [Rojo, 2017]. Во второй половине XX в. признание перевода видом деятельности, связанной с решением проблем (problem solving), как констатирует С.А. Медник, привело к осознанию необходимости изучения механизмов мышления, актуализирующих переводческую креативность [Mednick, 1962]. Таким образом, произошел поворот в сторону процессуально ориентированных исследований, заключающихся в определении когнитивных установок, которые способствуют проявлению данного феномена в процессе перевода. По словам Р. Макензи, основной научной предпосылкой стала гипотеза о том, что многие проблемы перевода носят открытый характер и, не имея заранее определенного решения, требуют применения стратегий креативности [Mackenzie, 1998]. С того момента, когда перевод стал рассматриваться как постоянное генерирование и оценка альтернатив, как форма игры с открытой информацией, как тип творческого процесса в непрерывных изменениях и инновациях, креативность получила статус необходимого переводческого умения.

По мнению А. Рохо, росту исследовательского интереса к проблеме креативности в переводе способствовала и разработка ряда когнитивных методов, облегчавших наблюдение за формированием и проявлением стратегий креативности: think-aloud protocols, или TAPs, – «стенограммы мыслительных процессов», keylogging – логгинг-метод и т. д. [Rojo, 2017].

Так, экспериментальные данные, полученные Т. Хайденом с применением логгинг-метода, свидетельствуют о том, что большинство креативных решений, формируясь на этапах восприятия и воспроизведения, затем консолидируются на этапе контроля осуществленного перевода [Heiden, 2005]. В устном переводе, когда времени для принятия переводческого решения значительно меньше, чем при создании письменного перевода, креативность чаще проявляется на этапе восприятия исходной информации, на стадии языковой компрессии. Если генерализация смысла считается результатом хорошо спланированной стратегии, то языковая компрессия является, по мнению Л. Грана, более креативным процессом [Gran, 1988].

Краткий обзор научной литературы показывает, что переводческая креативность изучается довольно активно и всесторонне, однако до сих пор открытыми остаются вопросы о механизме порождения креативных решений и когнитивных установках их создания.

**Когнитивный механизм,
актуализирующий поиск
креативного решения в переводе**

Для понимания содержания процесса порождения креативных решений в профессиональной деятельности переводчика охарактеризуем когнитивный механизм, актуализирующий поиск таких решений, с применением метода когнитивного моделирования, позволяющего структурировать когнитивные модели человеческого мышления и его функций.

Принято считать [Sarcevic, 2000], что восприятие, обработка информации, воспроизведение и контроль переводческого решения, то есть все этапы когнитивной деятельности, происходят в пространстве, которое называется «черным ящиком» переводчика и которое мы определяем как **когнитивное пространство субъекта перевода**. Его структура представлена на рисунке 1. В это пространство входит **информационное поле субъекта перевода**, то есть все множество нейронных связей, которые образуются у переводчика в процессе жизнедеятельности и

при освоении ментальных репрезентаций из различных областей знания (музыка, танец, художественное искусство, техника, литература, этнопсихология, лингвистика, теория перевода и т. д.). Получение технического задания на перевод формирует в когнитивном пространстве субъекта область **коммуникативной ситуации** (КС), в которой заданы форма выполнения перевода (устно / письменно), вид перевода (последовательный / синхронный; художественный / отраслевой и т. д.), целевая аудитория (дети / взрослые; специалисты / любители; национальность; архетип и т. д.), сроки выполнения (срочно / долгосрочно) и другие условия, влияющие на формирование **когнитивных установок** субъекта перевода (КУ) – автоматически определяемых ориентаций на формирование заданного социально-политического и культурно-коммуникативного контекста. Исходя из установленных условий, субъект выбирает генеральную **переводческую стратегию** (ПС) или гармоничное сочетание стратегий, то есть осознанно конструирует алгоритм своих действий. Стратегии перевода влияют на комбинацию **ментальных операций** (МО), производимых субъектом перевода в процессе установления ассоциативных связей между имеющимися в его информационном поле ментальными репрезентациями.

Согласно структурно-активационной теории мышления (подробно о ней см.: [Овчинников, 2008]), между этими репрезентациями

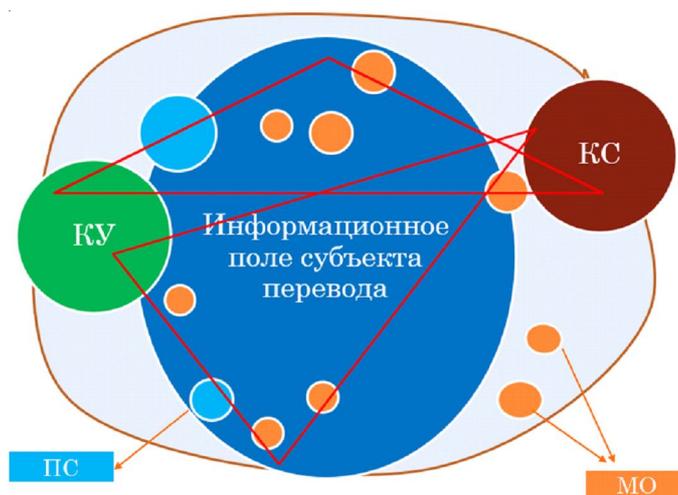

Рис. 1. Когнитивное пространство субъекта перевода
Fig. 1. The cognitive space of the translation actor

существуют сильные и слабые ассоциативные связи. При выполнении рутинных заданий переводчик с легкостью насыщает текст перевода имеющимися идиоматичными выражениями, то есть оказывается в ситуации «низких усилий» (малых трудозатрат), выбирая при этом репрезентации с сильными связями (ограниченный набор стереотипных вариаций). В случае же сложного переводческого задания, требующего больших трудозатрат в поиске переводческих решений, происходит активация слабых (глубинных, пассивных, не тривиальных) связей, в результате которой возможны сингулярные образования новых ассоциативных комбинаций между ментальными репрезентациями, принимаемые впоследствии за креативный продукт.

Контролирующим ориентиром субъекта в синтезе имеющегося переводческого арсенала выступает **когнитивная проекция** (отмечена красными линиями на рисунке 1) – осознанная когнитивная операция по выбору необходимых компонентов из множества элементов когнитивного пространства субъекта перевода для реализации переводческого задания в предложенных условиях. Когнитивная проекция настраивается на этапе предпереводческого анализа и корректируется на протяжении всего процесса выполнения перевода, также участвуя в контроле готового текста, верификации степени его соответствия всем требованиям технического задания и прогнозе ожидаемой реакции реципиента на предложенный перевод.

Проиллюстрируем возможности данной модели для выявления когнитивного механизма порождения креативных решений в переводе на практическом материале.

Лингвистические и паралингвистические средства реализации переводческой креативности

Переводческая креативность реализуется как лингвистическими (лингвокреативность), так и паралингвистическими средствами (креативность). Лингвокреативность, как показано О.А. Никитиной, представлена двумя основными видами креативной деятельности языковой личности: словотворчеством, то есть созданием новых единиц языка, и реали-

зацией лингвокреативной идеи в коммуникативных целях путем использования уже готовых единиц языка [Никитина, 2015, с. 48]. Смоделируем процесс реализации переводческой лингвокреативности первого вида.

Пример 1. Моделируя когнитивную проекцию, зададим компоненты когнитивного пространства при переводе относительно нового в англоязычной лингвистике термина *languaging* («a complex of speech acts (speaking, listening, writing, reading, i.e. semiotically notional acts with language signs) integrated in the process of mutual coordination of behaviour of two or more cognitive agents aiming to build mutual understanding» [Cowley, 2016; Love, 2017]):

1) субъект перевода – ученый-когнитолог, имеющий научную степень, владеющий английским языком на уровне Intermediate;

2) информационное поле субъекта перевода – большой объем фоновых знаний в различных областях;

3) коммуникативная ситуация – письменный перевод научной статьи, предназначенный для русскоязычных ученых-когнитологов; термин не имеет аналогов в отечественном научном пространстве;

4) когнитивные установки – новизна, адекватность, приемлемость, гибкость: ...*Казалось бы такое простое слово на первый взгляд... но за ним стоит... в нем заложены серьезные смыслы... Было трудно, но хотелось сделать его понятным, доступным... Чтобы термин закрепился в нашей научной практике* (стенограмма 4);

5) стратегия перевода – доместикация;

6) ментальные операции – модуляции методом построения логических цепочек: *Решила отталкиваться от определения... там сразу бросилось в глаза... ключевое... речь, взаимная поведенческая координация... это какое-то взаимодействие... речь... жизнь... и важно понять друг друга ... ну вот так ... и отсюда стало выстраиваться...* (стенограмма 4). На основе дальнейшей записи реконструируем логическую цепочку, приведшую к креативному решению: *languaging* – совокупность различных действий (слушание, говорение и т. д.), включенных в деятельность, направленную на понимание, которая строится на предыдущем опы-

те и заданном контексте → достижение взаимодействия в речевой деятельности → речевая деятельность в конкретной жизненной ситуации с целью взаимопонимания → *речежизненное взаимодействие*;

7) контроль когнитивной проекции – креатема адекватно передает смысл исходного термина, обладает новизной, естественным звучанием на русском языке, приемлемым объемом, гибкими парадигмальными связями: *Стала далее применять в тексте... очень гармонично встраивается... не громоздкий... легко оперировать...* (стенограмма 4).

Итак, выявленная модель иллюстрирует мыслительный процесс порождения креативного решения с применением стратегии доместикации.

Пример 2. Построим когнитивную проекцию процесса перевода имени главного героя китайской сказки «Ленивец кушает лепешку» на русский язык:

1) субъект перевода – бакалавр лингвистики со знанием китайского языка на уровне HSK 4 (из шести возможных), мама троих детей;

2) информационное поле субъекта перевода – базовый объем знаний в области переводоведения, большой объем фоновых знаний в области детской литературы и особенностей восприятия сказок детьми от года до 7 лет;

3) коммуникативная ситуация – письменный перевод китайской сказки с адаптацией для русскоязычных детей;

4) когнитивные установки – гибкость и аттрактивность для русскоязычного ребенка. Приведем фрагмент записи-саморефлексии переводчика: *Когда я читала своему ребенку эту китайскую сказку в имеющемся переводе... мне приходилось, ну, как-бы каждый раз пояснять, почему так главный герой поступал... почему с ним другие так обходились. Очень, конечно, чувствовался недостаток говорящего имени... без пояснений не обойтись каждый раз...* (стенограмма 2);

5) стратегия перевода – доместикация и форенизация;

6) ментальные операции – с целью транспонирования смысла имени главного героя 兰东 (*lǎn dòng* – лень двигаться; в переводе транскрипцией – *Ланьдун*) и сохранения колорита его китайского звучания переводчик прибегает к использованию «думающей транскрип-

ции», представив вариант *по имени Лень-дун* (перевод зафиксирован в бакалаврской работе: [Кудреватых, 2018, с. 39]);

7) контроль когнитивной проекции – креатема *Лень-дун* адекватно передает смысл говорящего имени главного героя китайской сказки, имплицитно представленного в значении каждого иероглифа и креативно воссозданного на графическом (*a* → *e*) и, соответственно, фонологическом уровнях русского языка, что отвечает когнитивным установкам на гибкость и аттрактивность для русскоязычного ребенка: *Мои знакомые мамочки читали эту сказку своим детям именно в моем переводе... интерес проявлялся уже с первых предложений... вопросы задавались уже не по причинам действий главного героя, а по их следствиям... интереснее шел процесс... сказка ведь очень поучительная, надо понимать, почему он так или иначе поступал... своему я уже не читала, потому что все объяснила на том переводе... ну, уже не тот эффект новизны... Прочитаю позже, спустя больше времени, чтобы забыл* (стенограмма 2).

Итак, в данном примере показано, как креативные решения создаются переводчиком в процессе применения стратегии «золотой середины» – гармоничного сочетания доместикации (китайское *Лань* трансформируется в «говорящее» *Лень*) и форенизации (*дун*) для сохранения колорита китайского имени. С одной стороны, ребенок понимает значение имени, а соответственно, и характер героя, а с другой – знакомится с фонетическим обликом китайских имен собственных.

Далее рассмотрим пример второго вида лингвокреативности, а именно использования уже готовых единиц языка. В данном случае мы использовали метод воссоздания и ретроспекции продукта перевода, эксплицирующий мыслительный процесс принятия переводческих решений и последующий анализ их эффективности. Этот метод ориентирован на распознавание переводческих стратегий и их ратификацию как самими создателями, так и экспертами.

Пример 3. Рассмотрим когнитивный механизм локализации названий художественных произведений русских авторов в переводе на японский язык. Так, название произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка» было

переведено Текасу Харусуке (1883 г.) довольно экстравагантно: «Сердце цветка и думы бабочки. Удивительные вести из России» (обратный перевод с японского языка) (Кандель), а название романа Л.Н. Толстого «Война и мир» в переводе Ёнэкава Масао (1946 г.) звучало как «Плач цветов и скорбящие ивы, последний прах кровавых битв в Северной Европе» (Злыгостев). Когнитивная проекция процесса перевода названия такова:

1) субъект перевода (в данном случае не сам переводчик, а эксперт) – ученый-японист, имеющий ученую степень и владеющий японским языком на уровне N1 (профессиональный);

2) информационное поле субъекта перевода – большой объем фоновых знаний в области литературных традиций Японии;

3) коммуникативная ситуация – письменный перевод названий художественных произведений на японский язык: *Поскольку в XIX в. Япония находилась в политической и экономической изоляции, то межкультурные контакты были ограничены, тем не менее переводческая деятельность была востребована, но имела свои особенности* (стенограмма 1, иллюстрирующая размышления эксперта);

4) когнитивные установки – приверженность новизне и аттрактивность для японских читателей: *Находясь в изоляции, японские переводчики должны были учитывать особенности восприятия чужеродных культур, поэтому, конечно, доместикация была доминирующей стратегией в переводе... иногда она «имела» свои экстремальные проявления, например, в стилистической адаптации к японской лингвокультуре... местами очень смешно получалось* (стенограмма 1);

5) стратегия перевода – экстремальная доместикация;

6) ментальные операции – модуляции методом построения логических цепочек: *Перевод названий произведений получался исходя из основной тональности текста, например романтическая (сердце цветка и думы бабочки. – А. К., Е. Ч.), драматическая или трагическая (плач цветов и скорбящие ивы), с учетом имеющейся на тот момент времени японской литературной традицией (очень поэтичные названия ...*

длинные... из нескольких предложений) и географического положения (удивительные вести из России, последний прах кровавых битв в Северной Европе) (стенограмма 1);

7) контроль когнитивной проекции – креатемы локализованных названий русских произведений *были адекватно восприняты японскими читателями и сделали их известными* (стенограмма 1).

Итак, использование уже готовых единиц языка также приемлемо при создании успешных креативных решений, однако лишь на уровне языковых средств. Следует заметить, что переводческая креативность выходит за пределы лингвокреативности и проявляется также на уровне коммуникативной ситуации, включающей экстралингвистические факторы. Построение когнитивной проекции позволяет сформировать разумный экокognитивный баланс [Колмогорова, 2016], то есть осознание всех поставленных задач на макроуровне, что приводит к ментальным операциям по принятию грамотных и креативных переводческих решений. Так, с целью успешного трансфера культурно опосредованных идей и создания аттрактивного для принимающей культуры текста при переводе используются паралингвистические средства.

Пример 4. Рассмотрим когнитивную проекцию локализации веб-сайтов китайских вузов на англоязычные платформы:

1) субъект перевода (в данном случае эксперт) – переводчик-локализатор, специализирующийся на продвижении китайских сайтов в европейском пространстве;

2) информационное поле субъекта перевода – большой объем необходимых фоновых знаний;

3) коммуникативная ситуация – маркетинговый перевод с учетом лингвокультурологической адаптации;

4) когнитивные установки – новизна, адекватность, аттрактивность, приемлемость;

5) стратегия перевода – транскреация (подробнее о ней см.: [Соколова, 2019]);

6) ментальные операции: *При локализации веб-сайтов переводчики... прежде чем перейти к переводу самого текста, сначала решают проблему цветового и графического оформления сайта. Это очень важно для целевой аудитории. В китайской*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

культуре широко используется красный цвет, он считается символом процветания, соотносится с идеями почтительного и возвышенного. Мы видим, что значительная часть цветовой графики веб-сайтов китайских университетов, ориентированных на китайских реципиентов, полностью выполнена в красной гамме (Шанхайский

университет (рис. 2), Пекинский университет) или частично красной (Научно-технический университет Китая, Уханьский университет). Однако большинство локализованных версий китайских вузов, предназначенных для англоязычной аудитории, сделано в синих тонах (рис. 3). ...В западной культуре это символизирует доверие

Рис. 2. Главная страница официального сайта Шанхайского университета, предназначенная для китайских реципиентов

Fig. 2. Home page of the official website of Shanghai University, intended for the Chinese-speaking recipients

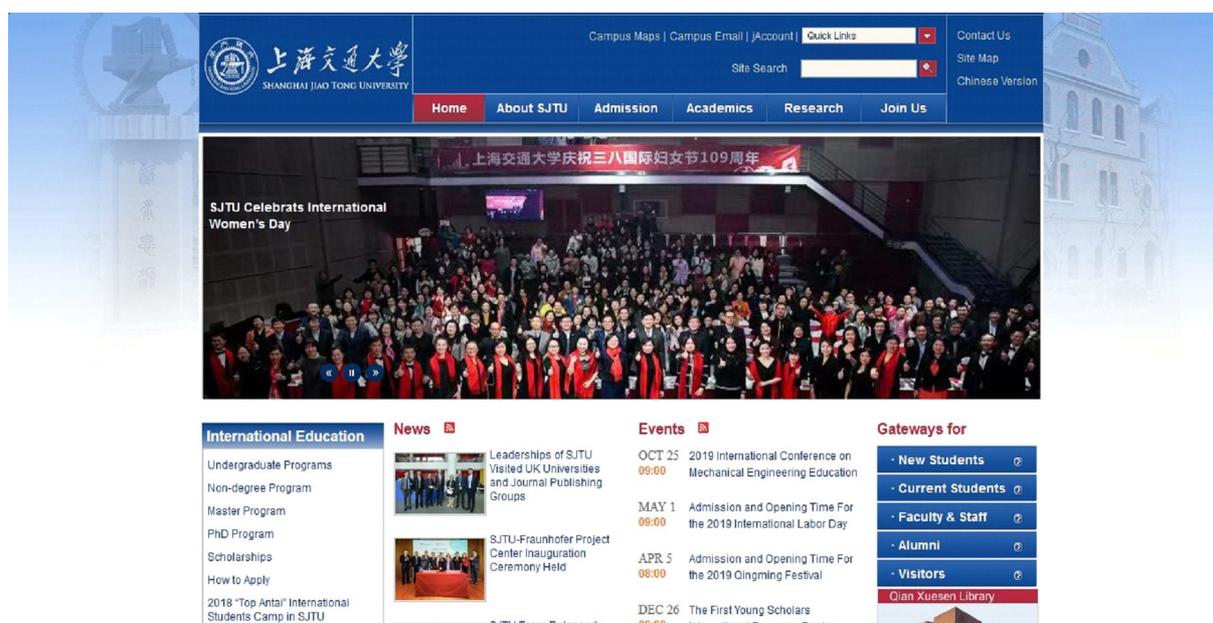

Рис. 3. Главная страница официального сайта Шанхайского университета, предназначенная для англоязычных реципиентов

Fig. 3. Home page of the official website of Shanghai University, intended for the English-speaking recipients

и авторитет. Синий для англоговорящих ассоциируется с образовательным или научным контентом в отличие от красного. ...Этот цвет символизирует страсть и опасность (стенограмма 3);

7) контроль когнитивной проекции – креативное цветовое решение является адекватным для реципиентов культуры-акцептора и позволяет привлечь внимание целевой аудитории.

Установленный когнитивный механизм показывает, насколько важно учитывать паралингвистические средства для создания аттрактивного переводческого контента, при котором целевая аудитория проявляет интерес к предложенной информации еще до ознакомления с текстом. Помимо цветовой гаммы при переводе мультимодальных текстов, к которым относятся, например, веб-сайты, креативные решения также могут создаваться на уровне графических неологизмов, человеческих образов, шрифтов и т. д.

Выводы

Переводческая креативность – это способность субъекта перевода к деавтоматизированному принятию разумных сингулярных решений посредством актуализации нестандартной когнитивной проекции с установкой на адекватность, гибкость, приемлемость и аттрактивность результата перевода.

Когнитивный механизм, позволяющий реализовать переводческую креативность, заключается в построении когнитивной проекции – деавтоматизированной интеграции необходимых элементов, находящихся в когнитивном пространстве субъекта перевода, с целью принятия креативного переводческого решения. Посредством когнитивной проекции гармонично интегрируются, во-первых, когнитивные установки, автоматически задаваемые благодаря сформированной переводческой компетенции и имеющимся в информационном поле переводчика знаниям, во-вторых, стратегии перевода, осознанно выбираемые в соответствии с коммуникативной ситуацией и активацией сильных и слабых связей между ментальными репрезентациями, в-третьих, ментальные операции в преломлении к заданной коммуникативной ситуации, создавая при

этом разумный экокognитивный баланс в процессе принятия креативных переводческих решений.

Чем эффективнее настроена когнитивная проекция, тем большей аттрактивностью и адекватностью обладает результат перевода. Чем больше слабых ассоциативных связей активизируется в заданной проекции, тем трудозатратнее процесс перевода для его субъекта и тем выше вероятность выявления в нем креативных элементов.

Переводческая креативность реализуется разными средствами: лингвистическими (готовыми речевыми словоформами или новыми образованиями) и паралингвистическими (цветовой гаммой и т. д.). Продуктивными ментальными операциями в случае порождения креативных решений в переводе становятся «думающие транскрипции» и модуляция (смысловое развитие). Рассмотренные примеры реализации креативности в переводе указывают на тот факт, что стратегии доместикации, «золотой середины» и транскреации в наибольшей степени способствуют проявлению переводческой креативности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Збанц Л. П., 2018. Автор / авторы уровней креативности в переводе // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук : сб. ст. X Междунар. науч.-метод. конф. (г. Москва, 16 марта 2018 г.). М. : РУДН. С. 76–96.
- Колмогорова А. В., 2016. Когнитивная автономия, гетерономия и экология: взгляд лингвиста // Когнитивные исследования языка. Вып. 27. С. 61–68.
- Кудреватых И. Е., 2018. Проблема переводческой адаптации китайских сказок на русский язык : вып. квалификац. работа бакалавра. Красноярск. 109 с. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/73164>.
- Куковская А. В., 2014. Стратегия перевода и креативность: из опыта обучения профессионально ориентированному переводу с английского на русский язык студентов нелингвистических специальностей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Педагогические науки. № 700. С. 97–106.
- Нефедова Л. А., Ремхе И. Н., 2015. Креативность в переводе как один из когнитивных критериев компетентности (на основе материалов специализи-

- рованного перевода) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 1, № 2. С. 70–77.
- Никитина О. А., 2015. Словотворчество как проявление лингвокреативности современной немецкой языковой личности // Филология и человек. № 1. С. 47–57.
- Овчинников Н. Ф., 2008. Новый взгляд на мышление. Ростов н/Д : Рост-Издат. 158 с. URL: <https://metodolog.ru/01471/01471.html>.
- Поздняков М. В., 2016. Языковая креативность в русских переводах Мартина Хайдеггера // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. Т. 7. С. 241–253.
- Соколова Д. Б., 2019. Транскреация китайских образовательных веб-сайтов на национальных и локализованных площадках : вып. квалификация. работа бакалавра. Красноярск. 70 с.
- Убоженко И. В., 2016. О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. Т. 3, № 4. С. 122–141.
- Урубкова Л. М., 2003. Креативность и перевод // Интеграция образования. № 3. С. 174–180.
- Фесенко Т. А., 2005. Креативность и проблемы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 1. С. 49–54.
- Baker M., 1996. Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead // Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering in Honour of Juan C. Sager. Amsterdam : John Benjamins. P. 175–185. DOI: <https://doi.org/10.1075/btl.18.17bak>.
- Batey M., Furnham A., 2006. Creativity, Intelligence, and Personality: A Critical Review of the Scattered Literature // Genetic, Social, and General Psychology Monographs. Vol. 132, № 4. P. 355–429.
- Bayer-Hohenwarter G., 2010. Comparing Translational Creativity Scores of Students and Professionals: Flexible Problem-Solving and/or Fluent Routine Behaviour? // New Approaches in Translation Process Research P. 83–111. (Copenhagen Studies in Language ; vol. 39).
- Bayer-Hohenwarter G., 2011. “Creative Shifts” as a Means of Measuring and Promoting Creativity // Meta. Vol. 56, iss. 3. P. 663–692. DOI: <https://doi.org/10.7202/1008339ar>.
- Cowley S., 2016. Changing the Idea of Language: Nigel Love’s Perspective // Language Sciences. Vol. 61. P. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2016.09.008>.
- Dancette J., Audet L., Laurence J., 2007. Axis and Criteria of Creativity in Translation // Meta. Vol. 52, iss. 1. P. 108–122.
- Gran L., 1988. In-Training Development of Interpreting Studies and Creativity // Translator’s Strategies and Creativity. Amsterdam : Benjamins. P. 145–162.
- Hansen G., 2006. Retrospection Methods in Translator Training and Translation Research // Journal of Specialised Translation. Vol. 5. P. 2–40.
- Heiden T., 2005. Blick in die Black Box // Meta. Vol. 50, iss. 2. P. 448–472.
- Lakoff G., 1987. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind. Chicago ; L. : The University of Chicago Press. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9c85/d2dd7e6d924a1078fb93cac9baaa8a850d3e.pdf>.
- Love N., 2017. On Languageing and Languages // Language Sciences. Vol. 61. P. 113–147.
- Mackenzie R., 1998. Creative Problem-Solving and Translator Training // Translator’s Strategies and Creativity. Amsterdam ; Philadelphia, PA : Benjamins. P. 201–206.
- Mednick S. A., 1962. The Associative Basis of the Creative Process // Psychological Review. Vol. 69, № 3. P. 220–232.
- Quillard G., 1998. Translating Advertisements and Creativity // Translator’s Strategies and Creativity. Amsterdam ; Philadelphia, PA : Benjamins. P. 23–32.
- Riccardi A., 1998. Interpreting Strategies and Creativity // Translator’s Strategies and Creativity. Amsterdam ; Philadelphia, PA : Benjamins. P. 171–179.
- Rojo A., 2017. The Role of Creativity // The Handbook of Translation and Cognition. Hoboken : John Wiley & Sons Inc. P. 350–369. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119241485.ch19>.
- Rojo A., Ramos M., 2016. Can Emotion Stir Translation Skill? Defining the Impact of Positive and Negative Emotions on Translation Performance // Reembedding Translation Process Research. Amsterdam ; Philadelphia, PA : Benjamins. P. 107–130.
- Sarcevic S., 2000. Creativity in Legal Translation: How Much is Too Much? // Translation in Context. Amsterdam ; Philadelphia, PA : Benjamins. P. 281–290. DOI: <https://doi.org/10.1075/btl.39.31sar>.
- Ubozhenko I. V., 2016. On Creative Occasionalisms in Teaching Translation // Professionally Oriented Translation: Reality and Prospects : Collection of Scientific Papers of the 11th International Scientific and Methodological Internet Conference. P. 279–287.
- Valdés C., 2008. Creativity in Advertising Translation // Special Issue on Creative Translation. № 13. P. 37–56. URL: <https://www.academia.edu/10353991>.

ИСТОЧНИКИ

- Злыгостев – Злыгостев А. С. Лев Толстой и проблемы современного японского романа // Рехо, К. Русская классика и японская литература. М. : Худож. лит., 1987. URL: <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000019/st010.shtml>.
- Кандель – Кандель Б. Л. Указатель переводов романа «Капитанская дочка» на иностранные языки // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. С. 297–317. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/kdo/kdo-297-.htm>.

REFERENCES

- Zbants L.P., 2018, Avtor / avtory urovney kreativnosti v perevode [Author / Authors of Creativity Levels in Translation]. *Aktualnye problemy sovremennoy lingvistiki i gumanitarnykh nauk: sb. st. X Mezhdunar. nauch.-metod. konf. (g. Moskva, 16 marta 2018 g.)* [Actual Problems in Modern Linguistics and the Humanities: Proceedings of the 10th International Conference on Research and Methodology (g. Moscow, March 16, 2018)]. Moscow, RUDN, pp. 76-96.
- Kolmogorova A.V., 2016. Kognitivnaya avtonomiya, geteronomiya i ekologiya: vzglyad lingvista [Cognitive Autonomy, Heteronomy and Ecology: A Linguist's Point of View]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], iss. 27, pp. 61-68.
- Kudrevatykh, I. E., 2018. *Problema perevodcheskoy adaptatsii kitayskikh skazok na russkiy yazyk: vyp. kvalifikats. rabota bakalavra* [The Problem of Translation Adaptation of Chinese Tales into Russian. Bachelor Graduation Thesis]. Krasnoyarsk. 109 p. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/73164>.
- Kukovskaya A.V., 2014. Strategiya perevoda i kreativnost: iz opyta obucheniya professionalno orientirovannomu perevodu s angliyskogo na russkiy yazyk studentov nelingvisticheskikh spetsialnostey [Translation Strategy and Thinking Outside the Box: A Case Study in Teaching Non-Linguistic Students to Translate Professionally Oriented Texts from English into Russian]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Pedagogical Studies], no. 700, pp. 97-106.
- Nefedova L.A., Remkhe I.N., 2015. Kreativnost' v perevode kak odin iz kognitivnykh kriteriev kompetentnosti (na osnove materialov spetsializirovannogo perevoda) [Creativity in Translation as One of the Cognitive Criteria of Translation Competence (Based on the Materials of Translation for Special Purposes)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates], vol. 1, no. 2, pp. 70-77.
- Nikitina O.A., 2015. Slovtvorchestvo kak proyavlenie lingvokreativnosti sovremennoy nemetskoj yazykovoy lichnosti [The Word Creation as a Manifestation of Linguistic Creativity of Modern German Language Personality]. *Filologiya i chelovek*, no. 1, pp. 47-57.
- Ovchinnikov N.F., 2008. *Novyy vzglyad na myshlenie* [A New Way of Thinking]. Rostov-on-Don, Rost-Izdat. 158 p. URL: <https://metodolog.ru/01471/01471.html>.
- Pozdnyakov M.V., 2016. Yazykovaya kreativnost v russkikh perevodakh Martina Khaydeggera [Linguistic Creativity in the Russian Translations of Martin Heidegger]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], vol. 7, pp. 241-253.
- Sokolova D.B., 2018. *Transkreatsiya kitayskikh obrazovatelnykh veb-saytov na natsionalnykh i lokalizovannykh ploshchadkakh: vyp. kvalifikats. rabota bakalavra* [Transcreation of Chinese Educational Websites at National and Localized Sites. Bachelor Graduation Thesis]. Krasnoyarsk. 70 p.
- Ubozhenko I.V., 2016. O kognitivnom modelirovanii intuitsii i tvorchestva v perevode: interpretativno-semioticheskiy podkhod [On Cognitive Modeling of Intuition and Creativity in Translation: Interpretative and Semiotic Approaches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philology. Oriental Studies. Journalism], vol. 13, no. 4, pp. 122-141.
- Urubkova L.M., 2003. Kreativnost i perevod [Creativity and Translation]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education], no. 3, pp. 174-180.
- Fesenko T.A., 2005. Kreativnost i problemy perevoda [Creativity and Problems of Translation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], iss. 1, pp. 49-54.
- Baker M., 1996. Corpus-Based Translation Studies: The Challenges that Lie Ahead. *Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering in Honour of Juan C. Sager*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 175-185. URL: <https://doi.org/10.1075/btl.18.17bak>.

- Batey M., Furnham A., 2006. Creativity, Intelligence, and Personality: A Critical Review of the Scattered Literature. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*, vol. 132, no. 4, pp. 355-429.
- Bayer-Hohenwarter G., 2010. Comparing Translational Creativity Scores of Students and Professionals: Flexible Problem-Solving and/or Fluent Routine Behaviour? *New Approaches in Translation Process Research*, pp. 83-111. (Copenhagen Studies in Language; vol. 39).
- Bayer-Hohenwarter G., 2011. "Creative Shifts" as a Means of Measuring and Promoting Creativity. *Meta*, vol. 56, iss. 3, pp. 663-692. DOI: <https://doi.org/10.7202/1008339ar>.
- Cowley S., 2016. Changing the Idea of Language: Nigel Love's Perspective. *Language Sciences*, vol. 61, pp. 43-55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2016.09.008>.
- Dancette J., Audet L., Laurence J., 2007. Axis and Criteria of Creativity in Translation. *Meta*, vol. 52, iss. 1, pp. 108-122.
- Gran L., 1988. In-Training Development of Interpreting Studies and Creativity. *Translator's Strategies and Creativity*. Amsterdam, Benjamins, pp. 145-162.
- Hansen G., 2006. Retrospection Methods in Translator Training and Translation Research. *Journal of Specialised Translation*, vol. 5, pp. 2-40.
- Heiden T., 2005. Blick in Die Black Box. *Meta*, vol. 50, iss. 2, pp. 448-472.
- Lakoff G., 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind*. Chicago, The University of Chicago Press. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9c85/d2dd7e6d924a1078fb93cac9baaa8a850d3e.pdf>.
- Love N., 2017. On Linguaging and Languages. *Language Sciences*, vol. 61, pp. 113-147.
- Mackenzie R., 1998. Creative Problem-Solving and Translator Training. *Translator's Strategies and Creativity*. Amsterdam, Benjamins, pp. 201-206.
- Mednick S.A., 1962. The Associative Basis of the Creative Process. *Psychological Review*, vol. 69, no. 3, pp. 220-232.
- Quillard G., 1998. Translating Advertisements and Creativity. *Translator's Strategies and Creativity*. Amsterdam, Benjamins, pp. 23-32.
- Riccardi A., 1998. Interpreting Strategies and Creativity. *Translator's Strategies and Creativity*. Amsterdam, Benjamins, pp. 171-179.
- Rojo A., 2017. The Role of Creativity. *The Handbook of Translation and Cognition*. Hoboken, John Wiley & Sons Inc., pp. 350-369. URL: <https://doi.org/10.1002/9781119241485.ch19>.
- Rojo A., Ramos M., 2016. Can Emotion Stir Translation Skill? Defining the Impact of Positive and Negative Emotions on Translation Performance. *Reembedding Translation Process Research*. Amsterdam, Benjamins, pp. 107-130.
- Sarcevic S., 2000. Creativity in Legal Translation: How Much Is Too Much? *Translation in Context*. Amsterdam, Benjamins, pp. 281-290. DOI: <https://doi.org/10.1075/btl.39.31sar>.
- Ubozhenko I. V., 2016. On Creative Occasionalisms in Teaching Translation. *Professionally Oriented Translation: Reality and Prospects: Collection of Scientific Papers of the 11th International Scientific and Methodological Internet Conference*, pp. 279-287.
- Valdés C., 2008. Creativity in Advertising Translation. *Special Issue on Creative Translation*, no. 13, pp. 37-56. URL: <https://www.academia.edu/10353991>.

SOURCES

- Zlygostev A.S. Lev Tolstoy i problemy sovremennogo yaponskogo romana [Leo Tolstoy and the Problems of the Modern Japanese Novel]. Rekho K. *Russkaya klassika i yaponskaya literature* [Russian Classics and Japanese Literature]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1987. URL: <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000019/st010.shtml>.
- Kandel B.L. Ukazatel perevodov romana «Kapitanskaya dochka» na inostrannye yazyki [Index of Translations of the Novel "The Captain's Daughter" into Foreign Languages]. Pushkin A.S. *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoe otdelenie, 1984, pp. 297-317. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/kdo/kdo-297-.htm>.

Information About the Authors

Anastasia V. Kolmogorova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Roman Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University, Prosp. Svobodnyy, 82a, 660041 Krasnoyarsk, Russia, nastiakol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

Elena V. Chistova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Oriental Languages, Siberian Federal University, Prosp. Svobodnyy, 82a, 660041 Krasnoyarsk, Russia, kovelena82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4016-7935>

Информация об авторах

Анастасия Владимировна Колмогорова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет, просп. Свободный, 82а, 660041 г. Красноярск, Россия, nastiakol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

Елена Викторовна Чистова, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой восточных языков, Сибирский федеральный университет, просп. Свободный, 82а, 660041 г. Красноярск, Россия, kovelena82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4016-7935>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.7>

UDC 811.161.1'255.2:821.112.2
LBC 81.411.2-7

Submitted: 29.08.2019
Accepted: 28.02.2020

**APPROXIMATING OR DISTANCING?
THE USE OF DEIXIS, ANAPHORA AND HISTORIC PRESENT
IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF “THE ADVENTURES OF TOM SAWYER”**

Anastasia V. Urzha

Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The research presented in the article focuses on the factors, which determine deictic and anaphoric shifts in Russian translated narratives. The phenomenon of systematic change of proximals (*here, now, this house*) to distals (*there, then, that house*) or vice versa, as well as omitting or adding these elements, has been explored in contemporary researches using translated texts corpora. Approximating or distancing trends have been revealed within a corpus of translations or individual translated versions. The article aims to determine the factors influencing deictic and anaphoric shifts in Russian translations of “The Adventures of Tom Sawyer” by Mark Twain. The analysis undertaken helped to reveal the following factors: the language factor (translators may use the deictic or anaphoric shifts to avoid incorrect constructions), the stylistic factor (translators prefer the elements that are widespread within a literary tradition), the strategic factor (a translator may apply an individual strategy to highlight the author’s authentic style). In Russian translations of the novel about Tom Sawyer the approximating trend is dominating: the deictic centre of the narrative gets closer to the reader. This effect is achieved by condensing the deictic proximals, substituting past verb forms by historic present and adding anaphoric proximals in the focalized fragments. These changes intensify the author’s original approximating strategy of the focalized narrative.

Key words: translation, deixis, anaphora, historic present, focalization, Mark Twain.

Citation. Urzha A. V. Approximating or Distancing? The Use of Deixis, Anaphora and Historic Present in Russian Translations of “The Adventures of Tom Sawyer”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 72-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.7>

УДК 811.161.1'255.2:821.112.2
ББК 81.411.2-7

Дата поступления статьи: 29.08.2019
Дата принятия статьи: 28.02.2020

**ПРИБЛИЖЕНИЕ ИЛИ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ?
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕЙКСИСА, АНАФОРЫ
И НАСТОЯЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
«ПРИКЛЮЧЕНИЙ ТОМА СОЙЕРА»**

Анастасия Викторовна Уржа

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. В фокусе исследования – факторы, обуславливающие интерпретацию дейктических и анафорических элементов в переводном нарративе. Показано, что современные исследования обнаруживают в корпусах переводных текстов последовательные замены «приближающих» дейктиков и анафорических единиц на «дистанцирующие» или наоборот, а также вставки или изъятия соответствующих элементов; выдвигаются гипотезы о существовании тенденций к приближению или дистанцированию перспективы повествования по отношению к читателю (в пределах корпуса или отдельного перевода). Статья посвящена выявлению причин подобных изменений. С опорой на результаты анализа русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера» установлены три фактора, взаимодействие которых создает набор дейктиков и анафор в каждом из текстов: языковой фактор, побуждающий переводчиков к заменам элементов во избежание некорректных конструкций; лингвостилистический фактор, под влиянием которого предпочтение отда-

ется элементам, распространенным в данной нарративной традиции; фактор применения индивидуальной стратегии, акцентирующей особенности оригинала. В русских переводах романа о Томе Сойере перечисленные условия формируют ряд тенденций, среди которых доминирует приближение дейктического центра повествования к читателю. Оно реализуется посредством конденсации «приближающих» дейктиков, замены форм прошедшего нарративного формами настоящего исторического и добавления «приближающих» анафор в фокализированных фрагментах повествования. Эти изменения интенсифицируют авторские приемы организации субъективированного нарратива.

Ключевые слова: перевод, дейксис, анафора, настоящее историческое, субъективизация, Марк Твен.

Цитирование. Уржа А. В. Приближение или дистанцирование? Использование дейксиса, анафоры и настоящего исторического в русских переводах «Приключений Тома Сойера» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 72–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.7>

Введение

Системные исследования функционирования дейктических и анафорических элементов в переводных нарративах, совмещающие методы корпусного изучения материала и традиционного лингвостилистического анализа текстов, появились в первом десятилетии XXI в. и поставили ряд новых вопросов перед лингвистами и переводоведами. Каковы причины добавления и опущения дейктиков и анафорических элементов в переводе? Можно ли объяснить закономерности в этой сфере только различием языковых систем или основания нужно искать в различных традициях оформления нарратива? Насколько важную роль в изменениях дейктиков может сыграть осознанный выбор переводчиком определенной стратегии и его ориентация на конкретную целевую аудиторию? В данной статье с учетом гипотез, высказанных в новейших исследованиях в этой области, представлены ответы на каждый из перечисленных вопросов, основанные на результатах анализа русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера».

Материал и методы исследования

Кратко охарактеризуем теоретические основания, на которые опираются исследователи дейксиса и анафоры в переводах нарративных текстов, а также гипотезы, предложенные ими для проверки. Дейктические элементы (темпоральные, локативные и персональные) напрямую связаны с позицией говорящего или другого носителя точки зрения: в нарративе таким субъектом является повествова-

тель (к его позиции отсылает аукториальный дейксис: *Здесь я должен закончить свой рассказ*) или фокальный персонаж (на локализацию его точки зрения указывают элементы персонажного дейксиса: *Петя понял, что здесь ему не рады*). Любые дейктические элементы в нарративе выполняют важную прагматическую функцию – они актуализируют для читателя так называемый «дейктический центр» повествования (подробнее об этом см.: [Levinson, 1983, p. 64]), позволяя приблизиться к точке зрения того или иного текстового субъекта¹. Персонажный дейксис, введенный в третьеличное повествование, усиливает субъективизацию нарратива – сближение позиции нарратора и героя [Виноградов, 1971, с. 189]. Дейктические элементы традиционно противопоставляют анафорическим, отмечая, что последние лишь устанавливают связи внутри текста, отсылая к упомянутому ранее лицу, месту, явлению и т. п. (*Он уехал в деревню и там женился*), при этом в различных контекстах слова с указательным значением могут выполнять и дейктическую, и анафорическую функции [Падучева, 2018, с. 78–79]. Однако как среди дейктических, так и среди анафорических элементов выделяются слова с семантикой приближения или отдаления от говорящего (в зарубежной традиции используются термины «proximals» и «distals» соответственно). Хотя обе группы слов, как мы отметили выше, актуализируют точку зрения героя для читателя (то есть способствуют фокализации нарратива), далее их функции в тексте различаются: дейктики и анафоры первого типа приближают события к носителю точки зрения (*тут был стол, этот кувшин треснул*), тогда как слова вто-

рого типа дистанцируют описываемые факты и предметы от того, кто их воспринимает (*там был сад, тот дом перестроили*). То, что дейктические и анафорические элементы при переводе текста на другой язык могут различным образом изменяться, неоднократно отмечалось в классических трудах переводоведов и типологов (Дж. Кэтфорд, А.В. Федоров, У. Чейф, Т. Гивон, Я.И. Рецкер, В.Н. Ярцева и др.), а первое объемное корпусное исследование в этой сфере продемонстрировало распространенность таких изменений. Результаты этого исследования были опубликованы Я. Мейсоном и А. Шербан в статье “Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English” [Mason, Şerban, 2004]. На материале корпуса нарративных текстов (11 повестей и рассказов XX в.), переведенных с румынского языка на английский, авторы выявили и охарактеризовали последовательные изменения дейктических показателей, сопряженные с дистанцированием точки зрения на события. Основным предметом исследования стали указательные местоимения (*this / that, these / those* и их румынские эквиваленты), а также наречия (*here / there, now / then* и их румынские эквиваленты), формирующие оппозицию, обозначенную в статье как «приближающие / дистанцирующие дейктические элементы». На фоне этой оппозиции изучались также замены настоящего исторического на прошедшее нарративное в английских переводах румынских текстов.

Я. Мейсон и А. Шербан применили к выбранному материалу и методы корпусных исследований, и традиционный лингвостилистический анализ. В 11 выбранных ими типовых фрагментах текстов была обнаружена устойчивая тенденция к замене «приближающих» дейктических элементов на «дистанцирующие» (*this* на *that, now* на *then*, настоящее историческое на прошедшее нарративное и т. п.), опущению «приближающих» и добавлению «дистанцирующих» элементов². Авторы подчеркнули, что все обнаруженные замены не обусловлены расхождением языковых систем, переводчик в каждом случае мог сделать и другой выбор, но предпочел именно это решение. Результаты, полученные Я. Мейсоном и А. Шербан, имеют большой научный

потенциал, хотя некоторые аспекты использованной ими методики анализа представляются спорными: тексты переведены на английский язык румынскими переводчиками, то есть язык перевода был для них неродным; слова типа *then, that* имеют в английском языке целый ряд недейктических омонимов, что затрудняет интерпретацию статистических замеров; в работе нет четкого разграничения вторичного дейксиса и анафоры; опущение элемента может сопровождаться передачей смысла при помощи другого средства (артикуля, конструкции), что не учтено в анализе. Однако исследователи впервые объединили разные типы анализа дейктиков, проверяя статистические подсчеты разбором фрагментов текста, рассмотрели не только магистральные, но и противоположные тенденции в переводах, подчеркивая, что выбор дейктика – результат сложного процесса интерпретации перспективы оригинального текста переводчиком. Общий вывод Я. Мейсона и А. Шербан сводится к постулированию дистанцирующей тенденции, охватывающей все изученные переводы, но обусловленной не расхождением грамматических систем языков, а особенностями интерпретации нарратива при переводе с румынского на английский. По мнению авторов, предпочтение «дистанцирующих» элементов может быть связано с их большей распространенностью в нарративной традиции, немаркированностью [Mason, Şerban, 2004, p. 270, 274].

Опыт Я. Мейсона и А. Шербан был учтен другими исследователями. Опираясь на корпус голландских текстов и их испанских переводов, П. Гуталс и Дж. Де Вилде отметили, что этот материал не демонстрирует столь явной тенденции к дистанцированию (или, напротив, приближению) точки зрения на события. Однако для каждого из выбранных произведений авторы смогли обнаружить определенные закономерности в передаче дейктических смыслов, связанные с особенностями перспективы оригинального текста и переводческими приемами ее воссоздания [Goethals, De Wilde, 2009, p. 791–792]. Авторы выдвинули гипотезу о том, что важным фактором формирования «приближающей / дистанцирующей» тенденции может стать манера переводчика, его «прочтение» оригина-

ла, обусловленное спецификой перспективы произведения.

В современных отечественных исследованиях дейксиса и анафоры в переводных нарративах можно выделить два направления: это работы, в которых авторы фокусируются на проявлениях языковых различий при функционировании соответствующих элементов в текстах (О.Л. Муковский, Д.О. Добровольский и др.), и труды, в которых авторы обращаются к нюансам использования дейктиков и анафорических единиц в рамках конкретных оригинальных произведений и их переводов (О.Г. Мельник, В.А. Немкова и др.).

Основываясь на опыте проведенных исследований и на выдвинутых в них гипотезах, можно выделить три фактора, обуславливающие изменения дейктиков и анафорических элементов в переводах повествовательных текстов:

– расхождение языковых систем (невозможность использовать эквивалентный элемент в конкретном фрагменте текста);

– различие в лингвостилистических традициях оформления нарратива (эквивалент нельзя ввести ввиду его стилистической маркированности, нераспространенности и т. п.);

– реализация индивидуальной переводческой стратегии, основывающейся на интерпретации оригинального текста (ср.: [Мельник, 2017, с. 40–41]) и ориентирующей переводной текст на определенную (например, детскую) целевую аудиторию.

Эти факторы находятся в тесном взаимодействии, и их соотношение при создании конкретных переводных текстов недостаточно изучено. В данной статье представлены результаты сопоставительного анализа тринадцати русских переводов и оригинального текста романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера». В работе использован метод сопоставительного функционально-семантического анализа англоязычного текста и его переводов, при котором материал рассматривается в ракурсе интерпретации смыслов, заложенных автором текста, и функций, реализуемых задействованными им языковыми средствами. В исследовании комбинируются методики количественного и лингвостилистического анализа функционирования дейктиков и анафорических элементов.

Результаты и обсуждение

Специфика организации повествовательной перспективы в оригинальном тексте романа

Роман Марка Твена «Приключения Тома Сойера» не является третьеличным повествованием «в чистом виде»: значительная часть произведения представляет собой субъективированный нарратив, в котором изложение повествователя «охватывается личной точкой зрения» (выражение В.В. Виноградова) кого-то из персонажей: Тома, Гека, тети Полли, учителя воскресной школы, Бекки и др. Сюжетные коллизии, описания природы и быта подаются сквозь призму особенностей восприятия, эмоций, оценок, догадок и открытий героев. Такие смыслы реализуются при помощи целого спектра эгоцентрических средств языка (термин, введенный в русскую научную традицию Е.В. Падучевой [Падучева, 2018]), в том числе и дейктиков. Приведем пример из анализируемого романа:

(1) His soul was at peace, **now** that he had settled with Sid for calling attention to his black thread and getting him into trouble³. – **Теперь**, когда он рассчитался с предателем Сидом, указавшим тете Полли на черную нитку, в душе у него воцарился покой (пер. Н. Дарузес⁴).

Помимо субъективированных фрагментов третьеличного нарратива, в романе есть целый ряд вкраплений свободного косвенного дискурса, где реализуется тип ситуаций, которые описаны Е.В. Падучевой следующим образом: «персонаж “узурпирует” эгоцентрический пласт языка – как дейктическую, так и экспрессивно-диалогическую области», а на месте повествователя «возникает особая фигура ... 3-е лицо, которое обладает всеми правами 1-го» [Падучева, 2010, с. 337]. К такого типа ситуациям можно отнести, например, размышления Тома после ссоры с Бекки:

(2) Yes, it was settled; his career was determined. He would run away from home and enter upon it. <...> Therefore he must **now** begin to get ready. – Да, решено; он избрал свой жизненный путь. Он бежит из дому и начнет новую жизнь. <...> Значит, готовиться надо уже **сейчас** (пер. Н. Дарузес).

Наряду с персонажным дейксисом, активно используемым во фрагментах субъективированного нарратива и свободного косвенного дискурса, в романе есть и аукториальный дейксис, отсылающий к позиции создателя текста. При этом если персонажные дейктики наделены функцией приближения точки зрения героев к читателю, приобщения его к их мыслям и впечатлениям, то аукториальный дейксис, напротив, подчеркивает дистанцированность событий сюжета от момента повествования:

(3) For ten yellow tickets the superintendent gave a very plainly bound Bible (worth forty cents **in those easy times**) to the pupil. – А за десять желтых директор давал ученику Библию в простеньком переплете (стоившую сорок центов **в те блаженные времена**) (пер. М. Энгельгардта).

Дистанцированность эта не только временная, но и концептуальная – автор изредка напоминает читателю о фикциональности, условности повествования, создаваемого по воле фантазии:

(4) **We** will leave them to smoke and chatter and brag, since **we** have no further use for them **at present**. – Что же, оставим их ненадолго – пусть себе курят, болтают и хвастаются, **нам** они **пока** не нужны (пер. С. Ильина).

Итак, повествовательная перспектива романа довольно сложна: нарратив «расцветается» субъективными смыслами, связанными с персонажами, и читатель то оказывается невольным свидетелем событий сюжета, то узнает о сокровенных мыслях и эмоциях героев, то «слышит» обращенные к нему сентенции повествователя, который делится с ним воспоминаниями о прошлом и приглашает следовать далее по страницам романа. Зарубежные исследователи произведения привлекают для описания его перспективы представление о полифонии и концепцию двуголового слова М.М. Бахтина (см., например: [Lynch, 2006]), изучают специфические приемы представления точек зрения персонажей в контексте авторского изложения. Мощные тенденции к субъективизации текста влияют на прочтение романа переводчиками – они регистрируют этот авторский прием и стремятся воспроизвести его. Однако контекст

воспоминания, обращения к прошлому, наличие повествовательной рамки в романе тоже требуют полноценного отображения. Рассмотрим, как особенности оригинального текста воплотились в русских переводах.

Интерпретация аукториального и персонажного дейксиса в переводах романа

Приведенные выше русские переводы некоторых фрагментов оригинала показывают, что система языка представляет переводчикам полноценный репертуар средств, эквивалентных дейктикам оригинала. Однако, последовательно сопоставляя исходный текст с его русскоязычными версиями, исследователь заметит, что дейктические элементы могут как сохраняться, так и изменяться при интерпретации романа. Рассмотрим, в каких случаях происходят изменения и какие причины за ними стоят.

Тенденции, обнаруженные нами в переводах, различаются для аукториального и персонажного дейксиса. Аукториальные дейктики легко опознаются и адекватно интерпретируются переводчиками: эти элементы играют важную роль в конструировании нарративной рамки. Подчеркнем, однако, что они немногочисленны, поскольку повествование ведется от третьего, а не от первого лица. Персональный аукториальный дейксис (*I, me, us*) реализован всего в 7 контекстах, темпоральный (*at present, now – in those times, in those days, in that day, ago*) – в 11 контекстах. Русские переводчики не меняют значения этих элементов, «дистанцирующих» описываемые события от времени повествования о них, например:

(5) There was once a church choir that was not ill-bred, but **I** have forgotten where it was, **now**. It was a great many years **ago**, and **I** can scarcely remember anything about it, but **I** think it was in some foreign country. – **Я** видел однажды более благовоспитанный церковный хор, однако **теперь** уж забыл – где именно. С **той поры** столько лет прошло, что **я** почти ничего и не помню, – по-моему, это случилось **со мной** в какой-то чужеземной стране (пер. С. Ильина).

Зона персонажного дейксиса в романе гораздо более объемна (135 контекстов). Она

конструируется при помощи ограниченного, но весьма частотного набора средств, среди которых выделяются слова *here, now, tonight, at present*. Дейктики появляются во фрагментах, призванных привлечь наше особое внимание: это напряженно переживаемые героями значимые моменты сюжета. Функция таких элементов – повышение субъективизации повествования и приближение точки зрения фокального персонажа к читателю. В русских переводах соответствующих фрагментов количество «приближающих» дейктиков сохраняется либо увеличивается, переводчики «конденсируют» их, подчеркивая авторский прием:

(6) Bringing water from the town pump had always been hateful work in Tom's eyes, before, but **now** it did not strike him so. – **До сей поры** таскание воды от городского насоса неизменно представлялось Тому занятием пренеприятным, **теперь** же он увидел оное совсем в ином свете (пер. С. Ильина);

(7) This new interest was a valued novelty in whistling, which he had **just** acquired from a negro, and he was suffering to practise it un-disturbed. – **Сейчас** такой новинкой была особая манера свистеть, которую он **только что** перенял у одного чернокожего, и **теперь** было самое время без помех поупражняться в этом искусстве (пер. А. Климова).

Даже если фрагмент фокализован за счет других эгоцентрических средств (эмотивной и оценочной лексики, слов и конструкций, предполагающих наличие наблюдателя, и т. п.), переводчики регулярно добавляют в него дейктические элементы со значением приближения, подчеркивая и усиливая субъективизацию нарратива:

(8) She went to the open door and stood in it and looked out among the tomato vines and "jimpson" weeds that constituted the garden. No Tom. – Подойдя к открытой настежь двери, она остановилась на

пороге и обвела взглядом свой огород – грядки помидоров, заросшие дурманом. Тома не было и **здесь** (пер. Н. Дарузес);

(9) Tom chased the traitor home, and thus found out where he lived. He then held a position at the gate for some time, daring the enemy to come outside. – Том гнался за ним до самого дома и таким образом узнал, где он живет. **Тут** он постоял некоторое время у ворот, приглашая врага выйти (пер. М. Энгельгардта);

(10) Tom did play hookey, and he had a very good time. – Том и в самом деле не ходил **нынче** в школу и очень весело провел время (пер. К. Чуковского).

Вставка «приближающих» дейктиков в фокализированных фрагментах повествования обнаружена во всех русских переводах романа, однако частотность таких вставок различается: наиболее активно их используют К. Чуковский, С. Ильин и А. Климов. Общее количество основных дейктических элементов в их переводах превышает аналогичные показатели в других русскоязычных версиях (для подсчета были взяты 5 полных оцифрованных переводов романа) (табл. 1).

Фактором повышения количества «приближающих» дейктиков в версиях К. Чуковского, С. Ильина и А. Климова становится выбранная ими переводческая стратегия воссоздания перспективы романа: яркий авторский прием субъективизации, сообщающий повествованию дополнительную увлекательность, акцентируется, чтобы читатель испытал ощущение «погружения» в хронотоп повествования. Именно в упомянутых переводах романа мы наблюдаем и неоднократные замены «дистанцирующих» дейктических показателей на «приближающие»:

(11) Then Tom marched out of the house and over the hills and far away, to return to school no more **that day**. – Том, громко топая, покинул класс и на-

Таблица 1. Количество основных дейктиков в русских переводах романа

Table 1. The number of common deictic words in the Russian translations of the novel

Автор перевода	Дейктики							Итого
	Сегодня	Сейчас	Нынче	Теперь	Здесь	Тут	Вот	
Воскресенская С.	0	2	0	57	22	46	13	140
Дарузес Н.	1	9	3	62	11	32	20	138
Чуковский К.	4	10	4	65	10	41	32	166
Ильин С.	4	17	0	57	14	33	36	161
Климов А.	6	14	0	54	18	68	14	174

правился к холмам, а там и за них, решив, что в школу **сегодня** не вернется (пер. С. Ильина);

(12) In fact, everything seemed to be drifting just in the right direction, now; the treasure must be still in No. 2, the men would be captured and jailed **that day**, and he and Tom could seize the gold **that night** without any trouble or any fear of interruption. – Да, дела как будто складываются очень неплохо: сундучок, должно быть, до сих пор остается в номере втором, обоих негодяев поймут **сегодня** же и посадят в тюрьму, а **нынче ночью** он и Том без хлопот, никого не боясь, пойдут и захватят все золото (пер. К. Чуковского).

Слово *сегодня* является, по мнению Е.В. Падучевой, «первичным эгоцентриком», а значит, может появиться в третьеличном нарративе только в рамках свободного косвенного дискурса [Падучева, 2018, с. 47]. В оригинале исследуемого романа слово *today* в качестве персонажного дейктика не задействовано. Таким образом, именно зона свободного косвенного дискурса расширяется при переводческих изменениях.

Итак, аукториальный и персонажный дейкис воспроизводится в русских переводах романа по-разному. На наш взгляд, это различие связано с теми функциями, которые выполняют в романе слова, относимые к двум сферам: немногочисленные «дистанцирующие» аукториальные дейктики, связанные с ретроспективной рамкой повествования-воспоминания, воспроизводятся без изменений, тогда как «приближающие» персонажные дейктики возрастают в количестве, что может быть объяснено влиянием оригинального приема субъективизации, воссоздавая который ряд переводчиков конденсирует соответствующие средства в русских текстах. Увеличение количества дейктиков, замена «дистанцирующих» показателей на «приближающие», расширение зоны свободного косвенного дискурса в переводах становится частью индивидуальных переводческих стратегий.

Появление форм настоящего исторического в русских переводах романа

Повествование в романе ведется в прошедшем времени: задействованы английские формы Past Simple, Past Continuous и Past

Perfect. При этом и контексты свободного косвенного дискурса содержат только формы прошедшего времени или формы Future in the Past (эта нормативная характеристика, как отмечено Е.В. Падучевой, отличает англоязычный свободный косвенный дискурс от русской несобственно прямой речи, включающей формы презенса [Падучева, 2010, с. 343–350]). Обращаясь к истории развития английского нарратива, можно заметить, что использование настоящего исторического допускалось в повествовательных текстах и в XIX в., и в XX в., однако было ограничено по сравнению с русской стилистической традицией (F. Bjarling, R. Huddleston, G.K. Pullum). В конце XIX в. в русской литературе уже появлялись тексты, полностью или почти полностью оформленные в нарративном презенсе (например, «Шуточка» А.П. Чехова), тогда как в английской литературе эта форма оставалась ярким средством, «жирным шрифтом», чрезмерного использования которого советовали избегать [Royster, Thompson, 1919] (неслучайно и К. Гарнетт, и М. Фелл в начале XX в. перевели «Шуточку» на английский язык при помощи форм прошедшего времени [Urzha, 2016]). Различия лингвостилистических традиций оформления нарратива можно считать одним из факторов, обусловивших распространение презенсных форм в русских переводах романа М. Твена. Настоящее историческое в них появляется, конкурируя с прошедшим нарративным, в первую очередь в кульминационных фрагментах текста. Так, в версии Л. Гольдмерштейна формы презенса представлены в переводе фрагмента, где Том пытается скрыть от тети Полли, что он прогулял школу:

(13) Томъ **начинает** что-то **подозрѣвать** и **чувствует** себя не совсѣм ловко. Онъ **всматривается** въ лицо тети Полли, но оно ему ничего не **говорит**. Онъ **отвѣчает**... (пер. Л. Гольдмерштейна).

В переводе В. Исполатова при помощи форм настоящего исторического выделен момент неожиданного получения Томом награды в присутствии жителей всего городка:

(14) Въ тотъ самый моментъ, когда, казалось, была потеряна всякая надежда увѣнчать достойнымъ образомъ такое событіе... вдругъ **выступа-**

еть впередь Томъ Соьеръ, держа въ рукѣхъ девять желтыхъ, столько же красныхъ и десять синихъ билетовъ и **требуетъ** библию (пер. В. Исполатова).

Наиболее ярко тенденция к субъективизации посредством настоящего исторического проявляется в переводе К. Чуковского, при этом в процессе редактирования (с 1935 по 1958 г.) количество соответствующих форм в его варианте увеличилось. Приведем часть фрагмента в финальной редакции К. Чуковского, сопоставляя с вариантом М. Энгельгардта, использовавшего, как в оригинале, прошедшее время:

(15) The new boy **took** two broad coppers out of his pocket and **held** them **out** with derision. Tom **struck** them to the ground. In an instant both boys were rolling and tumbling in the dirt, gripped together like cats. <...> Presently the confusion **took form**, and through the fog of battle Tom **appeared**, seated astride the new boy, and pounding him with his fists. "Holler 'nuff!" **said** he.

Незнакомый мальчик **вынул** из кармана два медяка и насмешливо **протянул** их. Том **бросил** их на землю. В следующее мгновение оба мальчика катались и барахтались в пыли, сцепившись, как кошки. <...> Затем схватка **приняла** более определенный характер; в тумане сражения **выделилась** фигура Тома, который **сидел** верхом на своем противнике и **тузил** его кулаками. «Живота или смерти?» – **спрашивал** он (пер. М. Энгельгардта);

Чужой мальчик **вынимает** из кармана два больших медяка и с усмешкой **протягивает** Тому. Том **ударяет** его по руке, и медяки **летят** на землю. Через минуту оба мальчика **катаются** в пыли, сцепившись, как два кота. <...> Наконец неопределенная масса **принимает** отчетливые очертания, и в дыму сражения **становится видно**, что Том **сидит** верхом на враге и **молотит** его кулаками. «Проси пощады!» – **требует** он (пер. К. Чуковского).

Знакомство Тома с мальчиком-франтом и последующая драка – наглядные, динамичные сценки, представленные то с точки зрения Тома, то с позиции сопresentствующего наблюдателя, перемежаемые диалогами, которые читатель словно «слышит» вместе с персонажами. Вариант К. Чуковского «вовлекает» читателя в описываемую ситуацию, приближает к нему дейктический центр нарратива. Решение К. Чуковского не уникально, сцену драки «украсили» формами настоящего исторического Е. Кудашева и Н. Дарузес:

(16) Скоро неразбериха прояснилась, и сквозь дым сражения стало видно, что Том оседлал нового мальчика и **молотит** его кулаками (пер. Н. Дарузес);

Кричи «довольно!» – а тумачи так и **сыпятся** (пер. Е. Кудашевой).

Однако для К. Чуковского использование Praesens Historicum стало частью последовательной стратегии. Влияние на нее могли оказать, на наш взгляд, безглагольные «рemarkи», соседствующие в оригинале с диалогами и «прочитываемые» в презенсе (как известно, роман начинается с них: “Tom!” – *No answer*. – “Tom!” – *No answer*). Частотность использования форм настоящего исторического и безглагольных конструкций в первой главе романа (исключая диалоги) представлена в таблице 2.

На фоне других выделяются переводы Л. Гольдмерштейна и С. Ильина, однако даже первая версия К. Чуковского превосходит их по количеству конструкций в презенсе почти вдвое. В 1958 г. общее количество таких элементов в первой главе романа в переводе К. Чуковского выросло в два раза: настоящее историческое тесно взаимодействует с персонажными дейктиками и создает яркие «картины» событий: читатель становится зрителем, почти участником игр, потасовок, проказ Тома.

Напротив, среди ранних переводов романа есть несколько таких, в которых установка на использование прошедшего времени при описании событий сюжета охватывает и интерпретацию некоторых безглагольных «рemarkок» оригинала (см. табл. 2), например:

(17) Том! Ответа **не было**. Том! Ответа опять **не было** (анонимный перевод, 1918).

В этом случае можно говорить о дистанцировании дейктического центра повествования при переводе. Такие явления связаны с индивидуальными решениями переводчиков, обусловленными, на наш взгляд, представлением о традиционном нарративе в прошедшем времени (безглагольные «рemarkи», драматизирующие повествование у М. Твена, выступают на фоне такой традиции экспериментальным приемом). Однако подобные решения немногочисленны. Именно стремление большинства переводчиков воспроизвести специ-

фику авторских приемов субъективизации и драматизации нарратива приводит к появлению в русских версиях романа настоящего исторического – формы, входящей в нормативный репертуар средств, «приближающих» читателя к хронотопу повествования.

**Опущения и вставки
анафорических элементов
в русских переводах**

В нарративе слова *this / that – э́том / то́м* реализуют преимущественно анафорическую функцию, отсылая к уже упомянутым объектам и явлениям. Рассмотрим переводы романа в контексте указанной Я. Мейсоном и А. Шербан возможности предпочтения «приближающего» (*э́том*) или «дистанцирующего» (*то́м*) показателя. Сплошной подсчет соответствующих местоимений в оригинальном тексте М. Твена подтверждает наши наблюдения о субъективированном характере повествования: в речи нарратора «приближающие» указательные местоимения преобладают (соотношение 3 : 2, в частности 181 *this* при 127 *that*). Тенденции, обнаруженные в русских переводах, связаны как с языковыми, так и с текстовыми условиями. Регулярная передача слова *this* как *э́то* (*э́том*, *э́та*) наблюдается у переводчиков,

склонных к калькированию конструкций оригинала (например, у С. Воскресенской, М. Энгельгардта), в то время как создатели более свободных версий перевода (К. Чуковский, Н. Дарузес, С. Ильин, А. Климов) интерпретируют соответствующие смыслы с опорой на контекст, нередко опуская слово *э́том* в конкретном сочетании, но добавляя его в ближнем окружении предложения. Действительно, слова *э́том / то́м* далеко не всегда являются наиболее точными русскими коррелятами указательных английских местоимений. Как показано О.Л. Муковским, семантика соответствующих элементов может передаваться при помощи порядка слов, других лексем [Муковский, 2015, с. 51]. Слова *э́том* и *то́м* могут добавляться переводчиками там, где контекст предполагает такую возможность. Количественная характеристика использования указательных местоимений в оригинале и переводах первой главы романа представлена в таблице 3.

В таблице показано взаимодействие языкового и текстового факторов интерпретации сочетаний с указательными местоимениями: с одной стороны, переводчики опускают их или используют альтернативные возможности русского языка для передачи значений оригинальных сочетаний (например, при помощи

Таблица 2. Представленность форм настоящего исторического и конструкций с нулевой связкой в оригинале и переводах первой главы романа

Table 2. The number of the verbs in historic present and sentences with zero copula in the original and in the translations of the 1st chapter of the novel

Источник	Глагольные формы в Praesens Historicum и номинативные предложения с нулевой связкой
Оригинал	5 (только конструкции с нулевой связкой)
Воскресенская С., 1896	6
Гольдмерштейн Л., 1898	9
Николаева М., 1901	2
Исполатов В., 1904	3
Анонимный перевод, 1907	2
Кудашева Е., 1911	6
Энгельгардт М., 1911	4
Анонимный перевод, 1918	0
Журавская З., 1919	5
Чуковский К., 1935	19
Чуковский К., 1958	39
Дарузес Н., 1948	6
Ильин С., 2011	12
Климов А., 2012	7

местоимения *такой*), с другой стороны, они добавляют в свой текст преимущественно «приближающие» указательные местоимения, следуя общей тенденции к вовлечению читателя в события повествования, причем более активно изменяют текст К. Чуковский, Н. Дарузес, С. Ильин и А. Климов. Проиллюстрируем вышеприведенную статистику несколькими примерами. М. Энгельгардт воспроизводит конструкцию с анафорическим местоимением практически дословно, тогда как К. Чуковский перестраивает ее:

(18) **This new interest** was a valued novelty in whistling, which he had just acquired from a negro. –

Это новое увлечение относилось к интереснейшему способу свиста, которому научил его один негр (пер. М. Энгельгардта);

Том в настоящее время увлекся одной драгоценной новинкой: у знакомого негра он перенял особую манеру свистеть (пер. К. Чуковского)⁵.

Вставки слова *этот* обнаруживаются в переводах там, где наиболее интенсивно проявляется внутренняя фокализация, например:

(19) Чем дальше разглядывал он **это дивное диво**, чем выше задирает нос перед его франтовством, тем более и более убогим представлялось Тому собственное облачение (пер. С. Ильина).

Таким образом, если языковой фактор обуславливает пропуск «приближающих» местоимений, то фактор текстовый побуждает переводчиков этот пропуск компенсировать. В итоге в русских переводах романа изобилуют не только дейктики, но и «приближающие» указательные местоимения в анафорической функции.

Выводы

Результаты текстового и количественного анализа русских переводов романа М. Твена «Приключения Тома Сойера» позволяют подтвердить действие трех факторов, обуславливающих интерпретацию дейктических и анафорических элементов. Это языковой фактор, позволяющий переводчикам задействовать репертуар дейктиков и анафорических единиц, а также заменять эти элементы другими средствами, избегая некорректных или калькирующих конструкций. Это лингвостилистический фактор, способствующий выбору определенных средств в случае их распространенности в рамках литературной традиции. Это текстовый фактор, детерминирующий применение определенной переводческой стратегии для того, чтобы раскрыть, акцентировать осо-

Таблица 3. Вставки и опущения анафорических указательных местоимений в переводах первой главы романа

Table 3. Added and omitted anaphoric demonstrative pronouns in the translations of the 1st chapter of the novel

Источник	<i>This</i>	<i>That</i>	Нет в оригинале, добавлены в переводе
Оригинал	4 <i>this</i>	4 <i>that</i>	–
Воскресенская С.	3 <i>этот</i> 1 опущено	3 <i>этот</i> 1 переведено иначе	3 <i>этот</i>
Энгельгардт М.	3 <i>этот</i> 1 опущено	2 <i>этот</i> 2 опущены	2 <i>этот</i>
Чуковский К.	4 опущены	3 опущены 1 переведено иначе	6 <i>этот</i> 3 <i>тот</i>
Дарузес Н.	1 <i>этот</i> 2 опущены 1 переведено иначе	3 опущены 1 переведено иначе	7 <i>этот</i> 4 <i>тот</i>
Ильин С.	2 <i>этот</i> 2 опущены	3 опущены 1 переведено иначе	4 <i>этот</i> 2 <i>тот</i>
Климов А.	2 <i>этот</i> 2 опущены	4 опущены	2 <i>этот</i> 4 <i>тот</i>

Примечание. Обозначения *этот* / *тот* в таблице указывают на использование соответствующего указательного местоимения в форме любого рода, числа, падежа.

бенности оригинального текста и донести их до новой аудитории. Перечисленные факторы в совокупности влияют на формирование набора тенденций, среди которых доминирует приближение дейктического центра повествования к читателю в русских переводах. Оно осуществляется посредством конденсации «приближающих» дейктиков (*здесь, сейчас, сегодня, нынче* и т. п.), замены ряда форм прошедшего нарративного в повествовании формами настоящего исторического и добавления «приближающих» анафорических элементов *это (этой, эта, эти)* в фокализованных контекстах повествования. Все эти переводческие решения актуализируют авторские приемы организации субъективированного нарратива, заключающиеся в активном использовании персонажных дейктиков, в снабжении диалогов безглагольными «ремарками» в презенсе и в целом в широком привлечении разнообразных эгоцентриков, «приближающих» точку зрения повествователя к позиции фокальных персонажей. Сопоставляя русские переводы романа друг с другом, можно выявить версии, где установка на акцентирование авторских приемов порождает продуманную переводческую стратегию, последовательно реализуемую в тексте. Оставляя за рамками научного анализа критические оценки переводов, отметим, что эти версии снижали популярность среди незрелых читателей. Расширяя контекст исследования, подчеркнем, что тенденции к «приближению» дейктического центра регистрируются и на материале русских интерпретаций других англоязычных нарративов (переводов книг П. Трэверс, К.С. Льюиса и др. [Urzha, 2016]), однако это явление во всех случаях оказывается результатом сложного взаимодействия ряда перечисленных факторов и требует дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В русской научной традиции это явление нередко называют вторичным дейксисом (в сопоставлении с дейксисом речевого общения) [Апресян, 1986].

² Я. Мейсон и А. Шербан отмечают, что в 11 типовых фрагментах по 4500 слов обнаружено 136 «дистанцирующих» изменений указательных

местоимений при 55 «приближающих» изменениях. Исходное количество дистанцирующих элементов в переводе на английский удвоилось, тогда как 25 % исходных «приближающих» дейктиков оказалось заменено «дистанцирующими», а 15 % – опущено [Mason, Şerban, 2004, p. 277–279].

³ Оригинальный текст цитируется по первому авторизованному изданию: *The Adventures of Tom Sawyer*. Chicago, Ohio: The American Publishing Company, 1876. 298 p.

⁴ Данные о тринадцати русских переводах романа «Приключения Тома Сойера» и четырех редакциях перевода, выполненных К.И. Чуковским, размещены на исследовательском сайте А.В. Уржи (URL: http://urzha.ru/?page_id=1649).

⁵ Редактируя текст, К. Чуковский последовательно избавлялся от калькирующих конструкций. Если в версии 1945 г. мы еще встречаем фразу *Он ушел, но уходя, сказал, что будет бродить поблизости и подстеречь того мальчика* (ср. *that boy*), то в редакции 1958 г. она изменяется: *Том ушел, но уходя, пригрозил, что будет бродить поблизости и задаст ее сыночку как следует*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1986. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. С. 5–33.
- Виноградов В. В., 1971. О теории художественной речи. М.: Высш. шк. 240 с.
- Мельник О. Г., 2017. Роль дейксиса в интерпретации художественного произведения // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 46. С. 31–42. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/46/3>.
- Муковский О. Л., 2015. Количественные и функциональные характеристики анафоры и дейксиса в английском, испанском и русском языках // Научное мнение. № 2-1. С. 47–59.
- Падучева Е. В., 2010. Семантические исследования. М.: Яз. слав. культуры. 480 с.
- Падучева Е. В., 2018. Эгоцентрические единицы языка. М.: ЯСК. 440 с.
- Goethals P., De Wilde J., 2009. Deictic Center Shifts in Literary Translation: The Spanish Translation of Nooteboom's *Het Volgende Verhaal* // *Meta*. Vol. 54, № 4. P. 770–794. DOI: <https://doi.org/10.7202/038903ar>.
- Levinson S., 1983. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. 420 p.
- Lynch P., 2006. Not Trying to Talk Alike and Succeeding: The Authoritative Word and Internally-Persuasive Word in *Tom Sawyer* and *Huckleberry Finn* // *Studies in the Novel*. Vol. 38, № 2. P. 172–186.

- Mason I., Şerban A., 2004. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English // *Target*. Vol. 15, iss. 2. P. 269–294. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.15.2.04mas>.
- Royster J. F., Thompson S., 1919. *Guide to Composition*. Chicago: Scott, Foresman and Co. 204 p.
- Urzha A. V., 2016. The Foregrounding Function of Praesens Historicum in Russian Translated Adventure Narratives (20th century) // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 5, № 1. P. 226–248. DOI: <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2016.5.1.9>.
- v anglijskom, ispanskom i ruskomazykakh [Quantitative and Functional Characteristics of Anaphora and Deixis in English, Spanish and Russian]. *Nauchnoye mnenie* [Scientific Opinion], no. 2-1, pp. 47-59.
- Paducheva E.V., 2010. *Semantika narrativa* [Semantics of the Narrative]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 480 p.
- Paducheva E.V., 2018. *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric Language Units]. Moscow, YaSK. 440 p.
- Goethals P., De Wilde J., 2009. Deictic Center Shifts in Literary Translation: The Spanish Translation of Nooteboom's *Het Volgende Verhaal*. *Meta*, vol. 54, no. 4, pp. 770-794. DOI: [10.7202/038903ar](https://doi.org/10.7202/038903ar).
- Levinson S., 1983. *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge University Press. 420 p.
- Lynch P., 2006. Not Trying to Talk Alike and Succeeding: The Authoritative Word and Internally-Persuasive Word in Tom Sawyer and Huckleberry Finn. *Studies in the Novel*, vol. 38, no. 2, pp. 172-186.
- Mason I., Şerban A., 2004. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English. *Target*, vol. 15, iss. 2, pp. 269-294. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.15.2.04mas>.
- Royster J.F., Thompson S., 1919. *Guide to Composition*. Chicago, Scott, Foresman and Co. 204 p.
- Urzha A.V., 2016. The Foregrounding Function of Praesens Historicum in Russian Translated Adventure Narratives (20th Century). *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 226-248. DOI: <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2016.5.1.9>.

REFERENCES

- Apresyan Yu.D., 1986. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira [Deixis in Lexis and Grammar and Naive Model of the World]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], iss. 28, pp. 5-33.
- Vinogradov V.V., 1971. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [About the Theory of Literary Speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 240 p.
- Melnik O.G., 2017. Rol deyksisa v interpretatsii khudozhestvennogo proizvedeniya [The Role of Deixis in the Interpretation of a Literary Text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 46, pp. 31-42. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/46/3>.
- Mukovskiy O.L., 2015. Kolichestvennye i funktsionalnye kharakteristiki anafory i deyksisa

Information About the Author

Anastasia V. Urzha, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1st Humanities Building, Faculty of Philology, 119991 Moscow, GSP 1, Russia, English2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

Информация об авторе

Анастасия Викторовна Уржа, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, ГСП-1, Россия, English2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.8>

UDC 811.111'276
LBC 81.432.1

Submitted: 21.09.2019
Accepted: 27.03.2020

ENGLISH TERMS OF TERMINOLOGICAL FIELD *LEGAL PROFESSION*: MOTIVATION OF CHOICE AND TRANSLATION ¹

Nadezhda A. Kalmazova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Viktoria F. Borisova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Julia A. Kuznetsova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Abstract. The article deals with the urgent issue of translation of special vocabulary. It has been proved, that effective study of English legal terminology by Russian native speakers is possible when there is profound knowledge of the corresponding piece of worldview shared by the English native speakers and understanding how the cognition of one nation is translated into the worldview of another nation. This understanding is achieved by means of studying concepts named by legal terms. The authors have systematized the difficulties, which appear in the process of English-Russian translation of the terms within the field of legal profession. Etymological, universal, national and professional conceptual layers named by the legal terms: *barrister, solicitor, attorney, lawyer, адвокат, coroner, Personal Injury Law* have been characterized, the peculiarities, which motivate representative variants of translation – found out. The appearance of new signs in the structure of concepts, represented by the terms *legal research, discovery, legal writing* has been detected; the choice of translation techniques applied for these terminological units is explained. The research has revealed the changes in the piece of worldview of the English native speakers connected with the appearance of new concepts named by the terms *ediscovery* and *predictive coding*. The choice of translation techniques has been justified.

Key words: worldview, linguistic worldview, term, legal term, concept, structure of concept, translation, representative variant.

Citation. Kalmazova N.A., Borisova V.F., Kuznetsova Ju.A. English Terms of Terminological Field *Legal Profession*: Motivation of Choice and Translation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 84-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.8>

УДК 811.111'276
ББК 81.432.1

Дата поступления статьи: 21.09.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ТЕРМИНЫ ТЕРМИНОПОЛЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ»: МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ПЕРЕВОДА ¹

Надежда Александровна Калмазова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

Виктория Федоровна Борисова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

Юлия Александровна Кузнецова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме перевода специализированной лексики. Доказано, что эффективное изучение юридической терминологии английского языка носителями русского языка возможно с опорой на знания о соответствующем ей фрагменте картины мира носителей английского языка и понимание механизма трансляции представлений одного народа в языковую картину мира другого народа. Такое понимание достигается посредством изучения концептов, именованных юридическими терминами. Ю.А. Кузнецовой систематизированы трудности, которые возникают при переводе терминов, называющих юридические профессии, с английского на русский язык. Ю.А. Кузнецовой, Н.А. Калмазовой, В.Ф. Борисовой охарактеризованы этимологический, универсальный, национальный и профессиональный слои концептов, которые номинированы терминами *barrister, solicitor, attorney, lawyer, адвокат, coroner, Personal Injury Law*, и выявлены признаки, мотивирующие подбор репрезентативного приема перевода. Н.А. Калмазовой зафиксированы новые признаки в структуре концептов, репрезентированных терминами *legal research, discovery, legal writing*, и обоснован выбор приемов перевода этих терминологических единиц. В.Ф. Борисовой установлены изменения фрагмента картины мира носителей английского языка, связанные с формированием новых концептов, обозначенных терминами *ediscovey* и *predictive coding*, и обоснован выбор приемов перевода этих терминологических единиц.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, термин, юридический термин, концепт, структура концепта, перевод, репрезентативный вариант.

Цитирование. Калмазова Н. А., Борисова В. Ф., Кузнецова Ю. А. Англоязычные термины терминополья «юридическая профессия»: мотивация выбора перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 84–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.8>

Введение

Сегодня изучение языков не мыслится без обращения к картине мира, отраженной в них. Картина мира связана с концептами, то есть представлениями языкового коллектива об окружающей действительности – взаимосвязанными квантами знания, которые хранятся в памяти народа и репрезентированы в языке. Анализ концептов позволяет выявить обобщенное ментальное национальное знание и получить достоверные данные о картине мира того или иного этноса. Результаты такого анализа можно использовать для мотивировки подбора репрезентативного варианта перевода с одного языка на другой, в частности перевода терминов с английского языка на русский язык.

Целью работы является описание признаков концептов, именованных юридическими терминами терминополья «юридическая профессия», установление взаимосвязи признаков концепта и выбора репрезентативного варианта перевода, а также определение соответствующего приема перевода.

Материал и методы исследования

Исследовать концепты возможно в нескольких направлениях. Как отмечает В.И. Карасик, «в рамках лингвокогнитивного направ-

ления выявляются способы языковой объективации переживаемого опыта, в рамках лингвокультурологического направления в поле зрения исследователей оказывается этнокультурная или социально-групповая специфика осмысления такого опыта» [Карасик, 2009, с. 11]. Результаты исследования концептов в рамках первого направления могут быть эффективно использованы при изучении иностранного языка и в процессе его преподавания, поскольку глубокое проникновение в систему языка обучающихся и обучаемых продиктовано трудностью восприятия иностранных слов и терминов, а также их перевода без понимания их роли в другой культуре.

Методологически значимым в контексте нашего исследования становится высказывание С.П. Хижняка о том, что «представление концептуального пространства языка, совокупности концептосфер, семантического и семиотического пространства языка в виде единых сущностей позволяет говорить о том, что их фрагменты неизбежно должны взаимодействовать, влиять друг на друга, а также могут находиться в отношениях вариативности. Хорошо изученные в терминоведении процессы терминологизации слов общелитературного языка убеждают в том, что совокупности семиосфер, семантических сфер и концептосфер находятся в постоянном взаимодействии, а сама национальная языковая картина мира

представлена различными вариантами» [Хижняк, 2016, с. 39]. Эти варианты отражают различия картин мира национальных языков, обуславливая трудности перевода.

Объектом нашего исследования послужили концепты, именованные терминами терминополья «юридическая профессия» в английском (британском и американском вариантах) и русском языках.

Усвоение юридических терминов изучаемого иностранного языка начинается с формирования представления о фрагменте картины мира другой культуры и сравнения его с фрагментом картины мира родной культуры. Проникновение в картину мира означает понимание механизма трансляции когниции (*cognition*) данного народа в языковую картину мира. Когниция реализуется на разных уровнях: индивидуальном и групповом, личностном и обобщенном. Однако это несущественно, если рассматривать вопрос следующим образом: один представитель национального языкового коллектива обладает групповым, обобщенным понятийным фондом, реализованным в его личностном, индивидуальном понятийном фонде, составляющем основу его картины мира, которая идентична групповой, обобщенной картине мира его народа в сравнении с картиной мира другого народа. Следовательно, различия в картинах мира носителей одного языка минимальны и несущественны при сравнении с картиной мира, существующей у представителей другого народа.

Будучи одним из основных в лингвокультурологии, понятие картины мира связано с изучением лексической системы языка, которая, по словам исследователей, занимает главенствующее положение по сравнению с грамматической системой, являющейся вторичной и менее гибкой [Федорова, 2014, с. 11; Bartmiński, 2012, p. 17; Glaz]. Компоненты картины мира составляют концепты, репрезентированные словами. Следовательно, процесс понимания идеи (концепта), стоящей за термином, связан с ее комплексным пошаговым изучением. Правильное понимание и правильная локализация юридических терминов (в нужном месте общей картины мира) – одна из главных задач преподавания иностранного языка для специальных целей [Sieroska, 2016, p. 226].

Для достижения корректного понимания юридической терминологии студентам необходимы глубокие познания в изучаемой предметной области, поскольку знакомства с определением терминов недостаточно. Как справедливо отмечает С.П. Хижняк, «для формулирования дефиниции из общего набора утверждений отбирается только часть полного концепта» [Хижняк, 2016 с. 121], а для усвоения лексико-фразеологической сочетаемости терминов и приобретения навыков перевода необходимо знать все частотные варианты функционирования терминов в терминосистеме. Всего перечисленного можно достичь посредством анализа концептуальных слоев – «этимологического (экстралингвистические факторы формирования концепта, мотивированность именования концепта, ментальная схема концепта, базовая метафора концепта), универсального (квант знаний, универсальный для многих культур), национального (знания, являющиеся продуктом ментальной деятельности нации или народности: ощущения, восприятия, культурные установки, идиологемы и обусловленные ими оценка и эмотивность) и профессионального (знания, являющиеся продуктом ментальной деятельности профессиональной группы)» [Игнаткина, 2005, с. 11].

Лингвокогнитивное изучение концептов проводится посредством сложных экспериментов, как правило, с участием респондентов – носителей языка. Тем не менее достаточно полно охарактеризовать концепты позволяет обобщение языкового материала и интерпретация семантики слов и фразеологизмов, представленные в толковых словарях, анализ новых значений и новой сочетаемости единиц, реализуемых в текстах, которые относятся к той или иной области знания. В исследовании при описании концептов, именованных юридическими терминами в рамках терминополья «юридическая профессия», отбирались только те данные, которые зафиксированы в толковых словарях и в юридических текстах, поскольку они позволяют мотивировать подбор репрезентативного варианта перевода.

Результаты и обсуждение

При изучении юридической терминологии неизбежно осмысление терминов терми-

нополья «юридическая профессия». Уже при его освоении необходимо обозначать основные фрагменты британской и американской картин мира и сравнивать их с соответствующими фрагментами русской картины мира. Специфика картин мира обнаруживается: 1) в наличии нескольких терминов в английском языке для номинирования одного понятия в русском языке; 2) в наличии уникального термина в английском языке, отсутствующего в русском языке; 3) в несовпадении терминов, репрезентирующих конкретную сферу деятельности в английском и в русском языках; 4) в появлении современных вариантов традиционных терминов, связанном с развитием компьютерных технологий.

1. Несовпадение картин мира обнаруживается в базовых терминах – названиях представителей юридической профессии: *barrister*, *solicitor*, *attorney*, *lawyer*, *адвокат*. В разных культурах существуют схожие понятия, однако имеются некоторые различия в составе концептуальных слоев. В этимологическом слое они обусловлены происхождением терминов. В Англии и Уэльсе уже в XV в. существовало строгое разграничение адвокатов, отразившееся в терминах *barrister* и *solicitor* и сохранившееся до настоящего времени. Концепт «*barrister*» сформировался на основании признака, определяющего важнейшую функцию представителя данной юридической профессии: «a legal practitioner admitted to plead at the Bar» (Oxford Dictionary of Law, p. 67). В основе концепта «*solicitor*» также лежит идея выполнения должностных обязанностей: «from Middle French *soliciteur*, meaning one who conducts matters on behalf of another» (Oxford Dictionary of Law, p. 432). В этимологическом слое концептов «*barrister*» и «*solicitor*» прослеживается их базовое различие, а именно связь барристера с работой в суде, а солиситора – с обсуждением юридических вопросов с клиентами. В США взаимозаменяемы термины *attorney*, заимствованный из французского: *attorne* – «appointed or assigned», и *lawyer* – «modification of the word law originally meaning to lay – something laid down or fixed» (Oxford Dictionary of Law, p. 89). В русском языке концепт «адвокат» сформировался на основании идеи необходимости предоставления юридической помощи населению: *адвокат* от лат.

advocāre – «призывать, приглашать, помогать» (Большая юридическая энциклопедия, с. 13).

В универсальном слое на уровне интегральных и дифференциальных признаков понятий различий не наблюдается: во всех рассматриваемых культурах термины *barrister*, *solicitor*, *attorney*, *lawyer* и *адвокат* обозначают лицо, предоставляющее правовую помощь юридическим и физическим лицам.

В национальном слое концептов, именованных терминами *barrister*, *solicitor*, *attorney*, *lawyer* и *адвокат*, лежат представления, связанные с особенностями функционирования государственных правовых систем в Великобритании, США, России. В Великобритании принятой культурной установкой является первичное обращение клиента к солиситору, и только в сложных случаях, требующих высшей квалификации и рассмотрения в суде высшей инстанции, солиситор обращается за помощью к барристеру; личное обращение клиента к барристеру невозможно. В США одной из основных культурных установок обращения клиента к услугам атторна / лоера является понимание их узкой специализации. В случае возникновения трудовых споров клиент будет работать с одним адвокатом, а в случае с выплатами по медицинской страховке – с другим. К особенностям относится также локализация работы атторна / лоера (в каждом штате выдается своя лицензия на адвокатскую деятельность). В России адвокат имеет широкую специализацию и уполномочен представлять интересы своего клиента в суде любой инстанции.

В профессиональном слое концептов, именованных терминами *barrister*, *solicitor*, *attorney*, *lawyer* и *адвокат*, наблюдаются сходства интегральных признаков понятий (например, получение специального юридического образования, присуждение ученой степени в области юриспруденции, приобретение специальных навыков, выбор практической специализации) и различия дифференциальных признаков: а) система образования (например, эффективная система работы студентов с тьюторами в Великобритании, отработка большого количества практических навыков в системе юридического образования в США, акцент на теоретическую юриспруденцию в России); б) формулировка квалификации, уче-

ной степени, указанных в документах об образовании (*LLB* в Великобритании, *Juris Doctor* в США, магистр в области юриспруденции в России); в) содержание учебных программ юридических факультетов в вузах разных стран; г) организация процесса получения разрешения на практическую деятельность и характер документов, предоставляющих такое право.

На основании схожих признаков в структуре концептов «*barrister*», «*solicitor*», «*attorney*», «*lawyer*» и «адвокат» в универсальном и профессиональном слоях делаем вывод о возможности перевода терминов *barrister*, *solicitor*, *attorney*, *lawyer* на русский язык с использованием приема генерализации посредством термина *адвокат* в случае, если в тексте оригинала речь идет об общих положениях работы адвоката, или приема транслитерации (*барристер*, *солисистер*, *атторн*) в случае, если в тексте оригинала затрагиваются национально-специфические аспекты деятельности юристов.

2. Специфика картин мира разных социумов проявляется в случаях, когда какое-либо понятие отсутствует в картине мира одного народа, но существует в картине мира другого народа, поэтому при его переносе в другую культуру необходимо точно представлять его локализацию и признаки. Например, в Великобритании имеется должностное лицо, участвующее в производстве по уголовным делам, – *coroner* (коронер): «an officer of the Crown whose principal function is to investigate deaths suspected of being violent or unnatural. He will do this either by ordering an autopsy or conducting an inquest. The coroner also holds inquests on treasure trove. Coroners are appointed by the Crown from among barristers, solicitors, and qualified medical practitioners of not less than five years' standing» (Oxford Dictionary of Law, p. 93). В его обязанности входит установление причины смерти в тех случаях, когда она не является очевидной. Он не расследует дело, а контролирует следственные действия. В российской и американской следственных системах такая должность отсутствует. В результате анализа концепта, именованного термином *coroner*, установлено, что все его слои имеют уникальную реализацию. Эксклюзивность этимологического слоя обусловлена

тем, что данный институт власти возник еще в 1194 г. с появлением сборщиков налогов и развился до независимого судебного органа: «the role of the coroner has adapted over the eight centuries since the office was formally established in 1194, from being a form of medieval crown tax gatherer to an independent judicial officer charged with the investigation of sudden, violent or unnatural death» (<http://www.coronersociety.org.uk>); компоненты ‘*crown*’ и ‘*gatherer*’ слились в сознании народа, сформировав новый концепт. Универсальный слой концепта «*coroner*» отсутствует, поскольку подобная следственная деятельность не зафиксирована в картинах мира других культур. Национальный слой концепта «*coroner*» связан с принадлежностью к правовой культуре Великобритании. Основу профессионального слоя данного концепта составляют профессиональные знания, такие как контроль официальным представителем королевского судебно-следственного органа действий при расследовании случаев с неустановленной причиной смерти на предмет определения состава преступления. Термин *coroner* связан с терминопolem «расследование уголовных преступлений» и с соответствующим ему британским фрагментом картины мира. Однако ни один из слоев концепта «*coroner*» не имеет соответствия в каком-либо фрагменте американской и русской картин мира. Поэтому при переводе данного термина на русский язык необходимо применять такие приемы перевода термина *coroner*, как переводческий комментарий и транслитерация (*представитель судебно-следственной службы Великобритании, расследующий дела с неустановленной причиной смерти на предмет определения состава преступления; коронер*).

3. Специфика картин мира проявляется в несовпадении терминов, обозначающих конкретную сферу деятельности в английском и в русском языках. При изучении терминосистемы «юридическая профессия» важно сравнение отраслей права, в которых специализируются и, вероятно, будут практиковать выпускники юридических факультетов. В Великобритании по окончании юридического факультета студент должен выбрать путь барристера или солиситора. Их подготовка и специфика работы имеет существенные различия.

Переход из одной сферы деятельности в другую практически невозможен, так как требует получения соответствующего образования и прохождения двухгодичной практики. Отрасли права, в которых работают барристеры, представлены 9 терминами; у солиситоров их 26 (<http://www.chambersstudent.co.uk>). В США адвокат (*attorney*) может работать в любой из отраслей права по своему выбору, а также имеет возможность переквалифицироваться по своему желанию. Их работа ограничивается рамками одного штата (в каждом штате выдается своя лицензия на практику), а также они имеют узкую специализацию, что манифестируется в многокомпонентном дроблении отраслей права в американской картине мира. Отрасли права, в которых работают адвокаты в США, представлены 119 единицами (<http://www.bestlawfirms.usnews.com>). В России выбор отрасли права возможен по трем направлениям: гражданское, уголовное, административное. По окончании высшего учебного заведения российские выпускники имеют возможность выбрать любую сферу юриспруденции, независимо от специализации, указанной в приложении к диплому, и работать сразу в нескольких смежных отраслях, например банковское, таможенное и финансовое право.

Итак, идентичных отраслей права, в которых работают адвокаты Великобритании, США и России, мало. Многие отрасли права выделены в самостоятельные в одной стране, но составляют часть более обширной отрасли права – в другой (*Entertainment Law, Motion Pictures and Television, Music* в Великобритании; *Sports, Media and Entertainment* в США; спортивное право в России). Более того, существуют уникальные отрасли права, регулирующие такие юридические вопросы, которые возникают только в одной из стран (*Capital Markets* в Великобритании, *Native American Law* в США, *возмещение вреда в результате совершения противоправных действий* в России). Следовательно, фрагменты картин мира, отражающие представления об отрасли специализации адвокатов, не совпадают в британской, американской и российской культурах, что приводит к трудностям перевода ряда терминов. В Великобритании и в США выделяется такая отрасль специализации адвокатов, как *Personal Injury Law*.

Этимологический слой концепта «*personal injury law*» основывается на идее о причиненном телесном вреде конкретному лицу (*personal injury* – личный вред) и применении в соответствии со степенью тяжести вреда определенных юридических норм (*law* – закон). Универсальный слой данного концепта не выделяется, так как эта отрасль права существует только в англо-американской правовой культуре. Уникальность его национального слоя связана с культурными установками граждан Великобритании и США о необходимости наказания юридического или физического лица, ненамеренно совершившего неосторожные действия, которые мог предвидеть разумный человек: «*injury which is caused accidentally by another's failure to use reasonable care*» (Oxford Dictionary of Law, p. 329), и получения истцом значительной компенсации ущерба. Профессиональный слой формируется знаниями о всех случаях, квалифицируемых соответственно данному деликту, и о юридических нормах, применяемых в каждом конкретном деле.

В картине мира жителей России существует иное представление о случаях, связанных с причинением личного вреда. Как правило, они подразделяются на административные правонарушения (если был причинен легкий вред здоровью) и уголовные правонарушения (если был причинен серьезный вред). В связи с этим случаи причинения личного вреда рассматриваются в рамках административного или уголовного права, в отличие от ситуации в Великобритании и в США, где данные вопросы регулируются гражданским (деликтным) правом. При переводе термина *Personal Injury Law* необходимо опираться на существенные признаки концепта «*personal injury law*» ('телесный вред', 'лицо', 'закон', 'наказание', 'неосторожные действия'): *отрасль англо-американского права, в которой регулируются вопросы о причинении физическому лицу телесного вреда по неосторожности*. Применение описательного приема перевода мотивировано уникальностью и сложностью концепта, именованного термином *Personal Injury Law*.

4. Специфика картин мира может состоять в появлении в одном из языков новых терминов. При изучении темы «Юридическая

профессия Великобритании и США» студенты знакомятся с терминами *legal research*, *discovery* и *legal writing*. Понятия, закрепленные за этими терминами, связаны с терминополем профессиональных юридических навыков, необходимых в практической деятельности английских и американских юристов. В настоящее время определение места концептов, именованных этими терминами, в языковой картине мира затрудняет тот факт, что на *legal research*, *discovery* и *legal writing* влияет развитие компьютерных технологий. Очевидно, что картина мира современного человека постоянно изменяется. Это способствует появлению у терминов новых значений и в целом формированию новых концептов [Ивлева, 2018].

При ознакомлении студентов с терминами *legal research*, *discovery* и *legal writing* необходимо отметить, что они обозначают практические навыки, которые формируются при обучении на юридическом факультете и после его окончания при прохождении практики.

Приведем объяснения рассматриваемых терминов, взятые с сайтов юридических фирм. Они дают представление о фрагменте картины мира, в которой аккумулируются концепты, именованные этими терминами: «Legal research is the process of identifying and retrieving information necessary to support legal decision-making» (<http://lexisnexis.com>); «In law, discovery is the exchange of legal information and known facts of a case» (<http://www.isaacsandissaacs.com>). В Великобритании эквивалентом термина *discovery* является термин *disclosure*: «Legal writing. In many legal settings specialized forms of written communication are required. In many others, writing is the medium in which a lawyer must express their analysis of an issue and seek to persuade others on their clients' behalf. Any legal document must be concise, clear, and conform to the objective standards that have evolved in the legal profession» (https://www.law.cornell.edu/wex/legal_writing).

На основании представленных объяснений юридических терминов можно утверждать, что существует большой объем работы, выполняемой помощниками юристов или начинающими юристами – *trainees*, *pupils*, *associates* и *paralegals*. Они выполняют низкоквалифицированную рутинную работу по

предварительной подготовке материалов дела, которая, как правило, занимает много времени. Этой работой обычно занимается большой штат юристов любой фирмы. Таким до недавнего времени представлялся фрагмент картины мира, эксплицируемый терминами *legal research*, *discovery* и *legal writing*.

Сегодня многие английские и американские исследователи фиксируют изменения в некоторых сферах юридической деятельности и предполагают, что выполнение рутинной работы будет максимально автоматизировано, что все больше видов деятельности будут разбиваться на выполнение мелких задач, которые будут решаться посредством применения разных технологий и удешевляться: *performance of routine tasks will be increasingly automated, and more and more jobs will involve managing legal processes by breaking them down into smaller tasks and applying technological solutions to achieve maximum cost-effectiveness* [Susskind, 2013, p. 63–85]. По мнению специалистов, это напрямую связано с тем, что юридические фирмы ощущают растущее давление со стороны клиентов по вопросу предоставления более качественных услуг по более доступной цене. Однако они должны оставаться конкурентными по сравнению с провайдерами юридических услуг, которые работают на основании альтернативных моделей бизнеса, способствующих снижению общей стоимости услуг, которые они предоставляют потребителю. Это дает возможность привлечь таких потребителей, которые из-за высокой стоимости ранее не пользовались определенным рода услугами или пользовались ими частично: «Law firms are facing mounting pressure from clients to deliver more efficient services at lower cost. At the same time, they must compete with legal services providers who operate under alternative business models. These providers can leverage new technologies to create efficiencies and drive down overhead costs, which they generally then pass on to consumers. This enables providers to serve those consumers who, for cost reasons, were previously underserved or unserved by the profession» [Law Firms..., 2015].

В исследованиях Дж. МакГинниса и Р. Пирса, посвященных выявлению роли искусственного интеллекта в работе юристов, описано пять отраслей юридической деятель-

ности, где искусственный интеллект будет выполнять работу, которую сегодня выполняют юристы: «discovery, legal search, document generation, brief generation, and prediction of case outcomes ... researchers describe five areas in which machine intelligence will provide services or factors of production currently provided by lawyers: discovery, legal search, document generation, brief generation, and prediction of case outcomes» [McGinnis, Pearce, 2014]. На основании представленной информации можно сделать вывод о том, что концепты, обозначенные юридическими терминами *legal research*, *discovery* и *legal writing*, находятся в процессе изменений, обусловленных развитием новых компьютерных технологий.

При определении структуры концептов «legal research», «discovery» и «legal writing» необходимо, во-первых, изучить словарные дефиниции терминов, их номинирующих, во-вторых, рассмотреть особенности функционирования этих терминов в текстах, связанных с описанием современной ситуации в сфере предоставления юридических услуг. Материал текстов позволил провести сравнительный анализ традиционного и современного наполнения концептов «legal research», «discovery»

и «legal writing» (см. табл. 1–3); традиционное понимание характеризуется на основе признаков, выделенных из словарных толкований, а современное понимание – на основе признаков, отраженных в современных специализированных текстах.

Концепты, обозначенные терминами *legal research*, *discovery* и *legal writing*, приобрели дополнительные характеристики в профессиональном слое. Именно в нем находят отражение экстралингвистические условия использования терминов и именно в нем появляются новые значимые компоненты, которые модифицируют картину мира данной отрасли знания. Некоторые аспекты профессиональной работы юристов стали другими. Это незаметно клиентам – обычным гражданам, так как им открыта лишь внешняя сторона юридической деятельности, связанная с ее результатом. Данный факт свидетельствует о стабильности этимологического, универсального и национального слоев концепта.

Влияние компьютерных технологий на содержание деятельности, обозначенной юридическими терминами *legal research*, *discovery* и *legal writing*, обнаруживается в концептуальной составляющей их значений.

Таблица 1. Концепт «legal research»

Table 1. Concept «legal research»

Слой концепта	Традиционное понимание	Современное понимание
Этимологический	search for the law	search for the law
Универсальный	legal practice, statutes, legal theory, primary law, regulations	legal practice, statutes, legal theory, primary law, regulations
Национальный	common law, precedent, binding law, paralegal	common law, precedent, binding law, paralegal
Профессиональный	legal precedent, brief, trial, legal opinion	legal precedent, brief, trial, legal opinion, <i>predictive coding, machine intelligence, computerized legal search</i>

Таблица 2. Концепт «discovery»

Table 2. Concept «discovery»

Слой концепта	Традиционное понимание	Современное понимание
Этимологический	inspection of the documents by the opposing party	inspection of the documents by the opposing party
Универсальный	party, civil litigation, claim, proceeding, document review	party, civil litigation, claim, proceeding, document review
Национальный	standard disclosure (British), general / specific disclosure (British), small claims track (British), extensive discovery (USA)	standard disclosure (British), general / specific disclosure (British), small claims track (British), extensive discovery (USA)
Профессиональный	case management conference, notice requesting inspection, deposition	case management conference, notice requesting inspection, deposition, <i>predictive coding, ediscovery</i>

Таблица 3. Концепт «legal writing»

Table 3. Concept «legal writing»

Слой концепта	Традиционное понимание	Современное понимание
Этимологический	drafting legal documents	drafting legal documents
Универсальный	specialized forms of written communication, concise and clear legal documents, conformation to the objective standards	specialized forms of written communication, concise and clear legal documents, conformation to the objective standards
Национальный	all legal documents: forms of action, contracts, pleadings, claims, complaints, briefs, memos etc.	all legal documents: forms of action, contracts, pleadings, claims, complaints, briefs, memos etc.
Профессиональный	analysis of an issue, persuasion of a client or other parties	analysis of an issue, persuasion of a client or other parties, <i>computer generated forms, automatic creation of the documents, document generator, improvement of formulaic input, word processing, speech-to-text programs</i>

Картина мира расширяется, возникает новая правовая дисциплина – predictive analysis (аналитическое прогнозирование). Суть прогностической деятельности в юриспруденции сводится к сбору с использованием компьютерных технологий важных юридических данных (например, при сравнении фактов по делу или при подборе прецедента посредством машинного анализа повторов фактов разных дел), в результате которого появляется возможность быстро и точно прогнозировать исход того или иного дела, которое ведет адвокат. Аналитическое прогнозирование остается трендом юриспруденции последнего десятилетия, формируется его терминологический аппарат, возникают новые концепты.

Одним из главных инструментов аналитического прогнозирования при проведении процедуры электронного раскрытия доказательств (ediscovery) с использованием компьютерных технологий является кодирование с предсказанием (predictive coding). С его помощью стало возможным внесение фундаментальных изменений в процедуру электронного раскрытия доказательств. В процессе кодирования с предсказанием юристы используют готовые формы большого количества документов. Специальные компьютерные алгоритмы способны предсказывать релевантность документа. Хотя при применении этого метода возможен пропуск нескольких документов, степень точности обработки информации выше по сравнению с результатом, который получен при выполнении такой работы человеком. Когда юристы работают с документами, на них влияет усталость, монотон-

ность и однообразие деятельности, чуждые компьютеру. Эффективность кодирования с предсказанием доказана благодаря его применению в делах, получивших широкую огласку.

Таким образом, картины мира у носителей британской и американской культур меняются, объем концептов, обозначенных терминами *legal research, discovery, legal writing*, имеющими связь с компьютерными терминологиями, расширяется. Терминосистема пополняется новыми терминами.

На начальном этапе знакомства студентов с терминами *legal research, discovery, legal writing* необходимо использовать аутентичный иллюстративный материал. После его освоения можно проводить сравнительный анализ терминов английского и русского языков с целью определить репрезентативный вариант перевода. Это означает, что нужно транслировать часть картины мира юридической терминологии английского языка в российскую картину мира. Термины *legal research, discovery, legal writing* и понятия, которые они означают, культуроспецифичны. Их дословный перевод не имеет смысла, так как не отражает ни одного концептуального слоя. Например, словарный перевод термина *research* – *исследование* – связан с концептом «научное исследование», отражающим представления об узкоспециальной и теоретической деятельности, и не актуализирует признаков, характеризующих практическую юридическую деятельность. Перевод термина *discovery* – *открытие* – связан в российском сознании с историко-географической сферой. Перевод

слова *writing* как *письмо* актуализирует идеи о создании письменного текста или изучении грамматических правил письма.

Для репрезентативного перевода этих терминов необходимо знать содержание практической деятельности, которую выполняют российские юристы. Когда российский юрист начинает работать по определенному делу, он обращается к кодексам и судебной практике. Хотя в российской системе прецеденты не являются главным источником права, в отличие от англо-американской системы, российские и англо-американские юристы, как их британские и американские коллеги, прорабатывают все документы, имеющие отношение к расследуемому делу. Документы не *исследуют*, а *изучают*. Такова лексическая сочетаемость слова *документ* в русском языке. Далее в переводе следует отразить компоненты разных концептуальных слоев: ‘search for the law’ (этимологический слой), ‘common law’, ‘precedent’ (национальный слой); ‘statutes’, ‘regulations’ (универсальный слой). Таким образом, естественным репрезентативным переводом термина *legal research* следует считать описательный перевод – *изучение прецедентов, законов и документов по фактам данного дела*.

В случае с терминами *discovery* и *legal writing* репрезентативный перевод должен основываться на словосочетаниях, обозначающих схожие процедуры в российской системе. Они отражают этимологический слой концептов: *discovery* «inspection of the documents by the opposing party» – *исследование доказательств* (соответственно, *ediscovery* – *электронное исследование доказательств*); *legal writing* «drafting legal documents» – *составление юридических документов*.

Заключение

Проведенное исследование дало следующие результаты.

1. Выявлены схожие признаки концептов «barrister», «solicitor», «attorney», «lawyer», «адвокат» в универсальном и профессиональных слоях, что позволило мотивировать перевод терминов *barrister*, *solicitor*, *attorney*, *lawyer* с использованием приема генерализации

посредством термина *адвокат*, если информация текста оригинала не касается исторических или культуроспецифических аспектов.

2. Ни один из слоев концепта «coroner» не имеет соответствия в каком-либо фрагменте русской картины мира. Для его понимания необходимы пояснения, что предполагает использование таких приемов перевода термина *coroner*, как переводческий комментарий и транслитерация (*представитель судебной следственной службы Великобритании, расследующий дела с неустановленной причиной смерти на предмет определения состава преступления; коронер*).

3. При переводе термина *Personal Injury Law* необходимо опираться на выявленные в этимологическом и национальном слоях признаки концепта «personal injury law» и использовать их как смысловые компоненты, применяя описательный прием перевода (*отрасль англо-американского права, в которой регулируются вопросы о причинении физическому лицу телесного вреда по неосторожности*).

4. Трансформации, зафиксированные в профессиональных слоях концептов, обозначенных терминами *legal research* (*изучение прецедентов, законов и документов по фактам данного дела*), *discovery* (*исследование доказательств*), *legal writing* (*составление юридических документов*), мотивируют их перевод. Изменения фрагмента картины мира, отражающего представления о «юридической профессии», привели к появлению новых концептов, именованных терминами *ediscovery* и *predictive coding*. Следовательно, можно сделать вывод о гибкости данного слоя концептов и его способности к аккумуляции новых признаков.

Недавние преобразования в картине мира носителей британской и американской культур, отражающей представления о юридической профессии, связаны с появлением терминов *ediscovery* (*электронное исследование доказательств*) и *predictive coding* (*кодирование с предсказанием*), которые сегодня заимствуются русским языком. Данный факт свидетельствует о естественной взаимосвязи общественной деятельности и языковых процессов.

Пополнение терминосистемы юриспруденции обуславливает необходимость осмысления новых единиц с точки зрения подбора репрезентативных вариантов перевода. Этому процессу способствует проведение анализа концептуальных слоев терминов. Вариант перевода, который включает максимальное количество исходных концептуальных признаков и при этом отвечает требованию благозвучности, признается репрезентативным.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

The reported study was funded by RFBR, research project no. 18-29-16111 “Transformation of Legal Regulation of Relations, Connected with Application of Digital Technologies in Legal System and within the System of Enforcement of Court Rulings”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ивлева А. Ю., 2018. Проблема оценки качества перевода: подходы к решению // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 1. С. 98–106. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.10>.
- Игнаткина А. Л., 2005. Специфика репрезентации концепта *public relations* фразеологическими средствами американского и британского вариантов английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 25 с.
- Карасик В. И., 2009. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 10 (44). С. 4–11.
- Федорова О. В., 2014. Психолингвистика vs. Когнитивная лингвистика на карте современной науки // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 2. С. 7–20.
- Хижняк С. П., 2016. Когнитивная проблематика в общей теории термина. Саратов : Наука. 172 с.
- Bartmiński J., 2012. Aspects of Cognitive Ethnolinguistics. L. ; Oakville : CT : Equinox. 256 p.
- Glaz A. Promoting Dialogue: Polish Cultural Linguistics and Western-Style Cultural Linguistics. URL:

<http://www.academia.edu/2700548> (date of access: 01.03.2019).

- Law Firms in Transition Survey, 2015. Altman Weil, Inc. URL: http://www.altmanweil.com/dir_docs/resource/1c789ef2-5cff-463a-863a-2248d23882a7_document.pdf (date of access: 22.02.2019).
- McGinnis J.O., Pearce R.G., 2014. The Great Disruption: How Machine Intelligence Will Transform the Role of Lawyers in the Delivery of Legal Services // Fordham Law Review. Vol. 82, iss. 6. P. 3041–3066.
- Sierocka H., 2016. Action Research in Designing and Implementing Courses of English for Legal Purposes // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. Vol. 45, № 58. P. 225–251.
- Susskind R., 2013. Tomorrow’s Lawyers: An Introduction to Your Future. L. : Oxford University Press. 288 p.

ИСТОЧНИКИ

- Chambers Student. The Student’s Guide to the Legal Profession. URL: <http://www.chambersstudent.co.uk> (date of access: 17.01.2019).
- Cornell Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/legal_writing (date of access: 22.01.2019).
- Isaacs and Isaacs. Personal Injury Attorneys. URL: <http://www.isaacsandissaacs.com> (date of access: 19.03.2019).
- LexisNexis. URL: <http://lexisnexis.com> (date of access: 19.03.2019).
- The Coroner’s Society of England and Wales. URL: <http://www.coronersociety.org.uk>.
- US News. Law Firms. URL: <http://www.bestlawfirms.usnews.com> (date of access: 03.02.2019).

СЛОВАРИ

- Большая юридическая энциклопедия – Большая юридическая энциклопедия / В. В. Аванесян [и др.]. М. : Эксмо, 2010. 656 с.
- Oxford Dictionary of Law* – Oxford Dictionary of Law / ed. by E. A. Martin. Oxford : Oxford University Press, 2003. 551 p.

REFERENCES

- Ivleva A.U., 2018. Problema otsenki kachestva perevoda: podhody k resheniyu [The Problem of Translation Quality Assessment: Approaches

- to Solution]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], vol. 17, no. 1, pp 98-106. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.10>.
- Ignatkina A.L., 2005. Spetsifika reprezentatsii kontsepta *public relations* frazeologicheskimi sredstvami amerikanskogo i britanskogo variantov angliyskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Features of Representation of the Concept *Public Relations* in Phraseological Units of American and British Variants of the English Language. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saratov. 25 p.
- Karasik V.I., 2009. Kontsept kak edinitsa lingvokulturnogo koda [The Concept as a Unit of Linguistic Cultural Code]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 10 (44), pp. 4-11.
- Fyodorova O.V., 2014. Psikholingvistika vs. Kognitivnaya lingvistika na karte sovremennoy nauki [Psycholinguistics vs. Cognitive Linguistics on the Map of Modern Cognitive Science]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and Psycholinguistic Studies], iss. 2, pp 7-20.
- Khizhnyak S.P., 2016. *Kognitivnaya problematika v obshchey teorii termina* [Cognitive Aspects of the Term]. Saratov, Nauka Publ. 172 p.
- Bartmiński J., 2012. Aspects of Cognitive Ethnolinguistics. London, Oakville, CT, Equinox. 256 p.
- Glaz A., *Promoting Dialogue: Polish Cultural Linguistics and Western-Style Cultural Linguistics*. URL: <http://www.academia.edu/2700548> (accessed March 1, 2019).
- Weil A., 2015. *Law Firms in Transition Survey*. URL: http://www.altmanweil.com/dir_docs/resource/1c789ef2-5cff-463a-863a-2248d23882a7_document.pdf (accessed February 22, 2019).
- McGinnis J.O., Pearce R.G., 2014. The Great Disruption: How Machine Intelligence Will Transform the Role of Lawyers in the Delivery of Legal Services. *Fordman Law Review*, vol. 82, iss. 6, pp. 3041-3066.
- Sierocka H., 2016. Action Research in Designing and Implementing Courses of English for Legal Purposes. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, vol. 45, no. 58, pp. 225-251.
- Susskind R., 2013. *Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future*. London, Oxford University Press. 288 p.

SOURCES

- Chambers Student. The Student's Guide to the Legal Profession*. URL: <http://www.chambersstudent.co.uk> (accessed January 17, 2019).
- Cornell Legal Information Institute*. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/legal_writing (accessed January 22, 2019).
- Isaacs and Isaacs. Personal Injury Attorneys*. URL: <http://www.isaacsandissaacs.com> (accessed March 19, 2019).
- LexisNexis*. URL: <http://lexisnexis.com> (accessed March 19, 2019).
- The Coroner's Society of England and Wales*. URL: <http://www.coronersociety.org.uk>.
- US News. Law Firms*. URL: <http://www.bestlawfirms.usnews.com> (accessed February 3, 2019).

DICTIONARIES

- Avanesyan V.V. et al. *Bolshaya yuridicheskaya entsiklopediya* [Large Legal Encyclopaedia]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 656 p.
- Martin E.A., ed. *Oxford Dictionary of Law*. Oxford, Oxford University Press, 2003. 551 p.

Information About the Authors

Nadezhda A. Kalmazova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the English Language, Saratov State Law Academy, Volskaya St., 1, 410056 Saratov, Russia, kalmazovana@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5406-0581>

Viktoria F. Borisova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Procedure, Saratov State Law Academy, Volskaya St., 1, 410056 Saratov, Russia, vfb2709@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7004-598X>

Julia A. Kuznetsova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the English Language, Saratov State Law Academy, Volskaya St., 1, 410056 Saratov, Russia, kuznetsova.julia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8851-242X>

Информация об авторах

Надежда Александровна Калмазова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Россия, kalmazovana@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5406-0581>

Виктория Федоровна Борисова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Россия, vfb2709@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7004-598X>

Юлия Александровна Кузнецова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Россия, kuznetsova.julia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8851-242X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.9>

UDC 811.111'42
LBC 81.432.1-053

Submitted: 22.10.2019
Accepted: 27.03.2020

ENGLISH WAR DISCOURSE: DIACHRONIC ASPECT

Natalia A. Srebryanskaya

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

Abstract. The article considers the features of English military discourse development over several centuries (11th–21st centuries). Particular attention is paid to modern signs of the war discourse, which is treated as a part of political discourse. The material for diachronic analysis is represented with the written sources of ancient and Middle English epics. Modern English military discourse is considered on the basis of media publications. Historical sources give information about the methods of waging war with the use of steel and firearms, its scale, and the heroism of warriors. The analysis undertaken has made it possible to single out the features of modern English discourse of war: the use of euphemisms, numerous neologisms and techniques of speech manipulation. Euphemisms are often represented with lexemes from dictionary entries referring to the word *war* or lexical substitutes with the most generalized non-specific semantics. Neologisms of military discourse arise as a result of linguistic and extralinguistic factors. Linguistic factors are the creation and use of euphemisms for statements about the unsightly facts of war. Extralinguistic factors include the emergence of new types of warfare and military technology. Some new types of warfare that use information technology are considered. Conclusions concerning international character of military terminology and rapid development of war discourse at present are drawn in the article.

Key words: discourse, war discourse, diachrony, lexis, synonymy, euphemism, neologism, language manipulation.

Citation. Srebryanskaya N.A. English War Discourse: Diachronic Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 97-106. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.9>

УДК 811.111'42
ББК 81.432.1-053

Дата поступления статьи: 22.10.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС ВОЙНЫ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Наталья Анатольевна Сребрянская

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

Аннотация. В статье на материале письменных источников (эпоса, художественных произведений и текстов СМИ) охарактеризована динамика англоязычного военного дискурса с XI по XXI век. В результате анализа семантики слов синонимических рядов с доминантой *war*, их сочетаемости и словообразовательного потенциала показано, что в древне- и среднеанглийских источниках война представлена как столкновение вооруженных людей, обозначены способы ведения войны с помощью холодного и огнестрельного оружия, ее масштабы, героизм воинов. Установлено, что современный военный дискурс отличается эвфемизацией, неологизацией и использованием приемов речевого манипулирования. Определено, что в качестве эвфемизмов используются лексемы из словарных дефиниций слова *war* или лексические субституты с максимально обобщенной семантикой. Неологизмы военного дискурса появляются в результате действия лингвистических и экстралингвистических факторов. К лингвистическим факторам относится эвфемизация, позволяющая скрыть неприглядные стороны войны, к экстралингвистическим – возникновение новых видов войны и развитие военных технологий. Описываются лексические единицы, номинирующие новые виды войны с применением информационных технологий. Делается вывод о быстром развитии дискурса войны в настоящее время.

Ключевые слова: дискурс, дискурс войны, диахрония, лексика, синонимия, эвфемизм, неологизм, языковое манипулирование.

Цитирование. Сребрянская Н. А. Англоязычный дискурс войны в диахроническом аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 97–106. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.9>

Введение

Динамические аспекты дискурса в последние годы все чаще становятся объектом исследования лингвистов, поскольку выявление исторических характеристик того или иного дискурса позволяет определить основные направления и тенденции его развития. Как справедливо указывают Е.Ю. Ильинова и Л.А. Кочетова, характеризуя этапы диахронического изучения дискурса, «the second step in the diachronic discourse oriented analysis has to be aimed at comparing discourse realizations in textual and language units in definite time periods in order to make preparations for the third step, which is aimed at tracing vectors of discourse diachronic development» [Ильинова, Кочетова, 2016, с. 23] – Второй шаг в диахроническом анализе дискурса должен быть направлен на сравнение реализаций дискурса в текстовых и языковых единицах в определенные периоды времени, чтобы подготовиться к третьему шагу, который направлен на отслеживание векторов диахронического развития дискурса (здесь и далее перевод наш. – Н. С.).

Поскольку любой дискурс состоит из множества различных единиц языка и является, по словам З. Хэрриса, простым сцеплением фраз, непрерывным высказыванием [Harris, 1952, p. 3], значимые сведения для определения тенденций развития дискурса того или иного вида можно получить в результате анализа его лексической наполняемости на разных временных срезах.

Объектом исследования в статье стал англоязычный военный дискурс (дискурс войны). Установление некоторых его лексических особенностей в исторической динамике позволит выявить языковые приемы, используемые в нем, и определить векторы его развития. Для этого необходимо решить следующие задачи:

1) рассмотреть на материале письменных источников лексические единицы и словосочетания, функционирующие в дискурсе войны в древне- и среднеанглийский периоды;

2) выявить на материале письменных источников лексические особенности современного дискурса войны;

3) сравнить лексические характеристики дискурса войны в разные периоды его существования.

Материал и методы исследования

В качестве материала для исследования дискурса войны в древнеанглийский период был избран письменный памятник «Beowulf» («Беовульф»), в среднеанглийский период – рыцарские романы «Sir Gawain and the Green Knight» («Сэр Гавейн и зеленый рыцарь») и «Havelok the Dane» («Хэвлок Датчанин»), содержание которых связано с темой войны. Для изучения англоязычного дискурса войны XX в. использовались художественные произведения (W. Faulkner «Soldier's Pay» («Солдатская награда») и E. Hemingway «Farewell to Arms» («Прощай, оружие»)) и тексты в широком доступе в сети Интернет: речи политиков, статьи в СМИ; для изучения военного дискурса первых десятилетий XXI в. – тексты СМИ как наиболее быстро и экспрессивно реагирующие на события в мире.

При проведении исследования применялись методы компонентного, словообразовательного и этимологического анализа лексики, а также использовался контекстуальный метод. Тексты на древне- и среднеанглийском языках рассматривались на предмет выявления лексики со значением «война», «бой», «сражение». Значения древне- и среднеанглийских лексических единиц определялись по «Old English Translator», «Middle English Dictionary»; современных лексем – по «Essential British English Dictionary» и «Essential American English Dictionary». С помощью «Etymology Dictionary» устанавливались причины номинации различных видов боев, битв, сражений. Сплошная выборка из текстов позволила обнаружить синонимические наименования войны и ее видов, словосочетания с этими синонимами, указывающие на способы ведения войны и военные технологии, а также контек-

стуальную семантику лексем со значением «война». Для установления доминанты семантических рядов и уточнения значения слова использовался метод субституции.

Результаты и обсуждение

Дискурс войны в древности

«Беовульф» – эпическая поэма, которая ввиду своей тематики предоставляет богатый материал для исследования дискурса войны. Ключевое слово дискурса – *war* (война). Поэма «Беовульф» известна богатством синонимов. Методом сплошной выборки нами был получен ряд из 17 синонимичных существительных, в семантике которых, согласно данным «Old English Translator», представлен тот или иной компонент значения «война»: *gielpplega* (war), *beadu* (battle, war), *hild* (battle, war), *orlege* (war, strife, hostility), *orlegnið* (war, hostility), *sacu* (conflict, war, battle, feud, contention), *wig* (war, battle), *folcgewinn* (fighting, war), *þurhgefoht* (war), *wignop* (warfare, war), *wælniþ* (deadly hostility, war), *gúþ* (war, battle, fight, bellum), *comp* (contest, war, battle, warfare), *ecgþracu* (hot contest, sword strength war or savage courage), *gefoht* (war, fight, fighting), *ampe* (fight, battle, war, conflict), *unsibb* (war). Все единицы имеют сему ‘war’, 6 единиц – ‘battle’, 4 – ‘fight’, 3 – ‘hostility’, по 2 – ‘conflict’ и ‘contest’. Способность лексем к взаимозаменяемости является критерием синонимии, а способность субституции – признаком доминанты синонимического ряда [Белов, 2018]. Поскольку лексема *war* способна заменить собой остальные лексеммы, можно заключить, что она представляет собой доминанту данного синонимического ряда.

Отметим, что некоторые композитные единицы указывают на виды оружия, применяемого в войне: *gárníð* (spear-battle, spear-war / битва на копьях), *ecghete* (sword-hatred, hostile war / война на мечах, враждебная война). О виде оружия сообщает и лексема *beadu*. В «Etymology Dictionary» указывается, что это слово происходит от глагола со значением «beat with a stick, thrash» (бить палкой, молотить) и существительного со значением «heavy wooden mallet» (тяжелая деревянная колотушка), следовательно, *beadu* – это бой на палках или дубинах.

Таким образом, анализ синонимичных существительных со значением «война», функционирующих в поэме «Beowulf», показал, что в древнеанглийском военном дискурсе война представлена как бой, битва, вооруженное столкновение, схватка.

Интересные наблюдения можно сделать в результате анализа композитов. Сложные древнеанглийские существительные с компонентом ‘war’ показывают, что война чаще всего воспринимается как **опасное и жестокое дело**: *herebróga* (dread of war / ужасы войны), *herecirm* – (cry / плач), *heregung* (harrying, harrowing, plundering, devastation / мучения, грабеж, разруха), *herehand* (violence of war / военное насилие), *herenij* (hostility, enmity / враждебность, неприязнь), *wighete* (hate that leads to war / ненависть, ведущая к войне). Война – это **слава, удача, везение**: *gúþhréþ*, *æscstír* (glory in war / слава в войне), *beadoróf* (renowned, bold in war / прославленный, смелый в войне), *heresped*, *wigspéd* (success in war / успех на войне), *sigorspéd* (good fortune in war, abundant success / большая удача на войне, большой успех), *wigbléd* (luck in war / удача на войне). Война – это **оружие, доспехи, обмундирование**: *heorusceorp* (war equipments / военное обмундирование), *wigwæpen*, *hildewæ hildewæpen* (a weapon of war / военное оружие), *wigwægn* (war chariot / военная колесница), *gúðcræft* (war craft / военный корабль), *sciphere* (a collection of ships of war, a naval force fleet, a fleet of war squadron / эскадра военных кораблей, военный флот), *wlghyrst* (the trappings of war / атрибуты войны).

Дискурс войны

в среднеанглийский период

Методом сплошной выборки из текста произведений было получено 13 лексем, которые, согласно «Middle English Dictionary», содержат компоненты значения ‘war’, ‘fight’, ‘battle’ и представляют синонимический ряд с общим значением «война»: *ware* (defense, protection / оборона, защита); *werre* (large-scale military conflict between countries, peoples, rulers / крупномасштабный военный конфликт между странами, народами, правителями), *batayl*, *bataille* (battle / бой, баталия), *fyzt*, *feoht* (fight

/ борьба), *hostilitē* (hostile action, hostility / враждебное действие, враждебность), *strife* (dissension, discord, contention; quarreling; hostility, enmity; civil disorder / разногласие, раздор, ссора, враждебность, неприязнь; гражданские беспорядки), *enemitē* (a) a hostile feeling or attitude, rivalry, malice; also, a hostile act; b) the action of an enemy, an attack / a) враждебное чувство или отношение, соперничество, злоба; также враждебный акт; b) действия врага, атака); *conflict* (a) an armed encounter, a battle; b) a struggle; a quarrel; c) an attack or assault / a) вооруженное столкновение, битва, b) борьба; ссора; c) нападение), *encōuntre* (a) hostile encounter, combat, battle; b) opposing forces, enemies / a) враждебное столкновение, бой, битва; b) противостоящие силы, враги), *asaut* (an armed attack or encounter; a military expedition; a siege; / вооруженное нападение или столкновение; военная экспедиция; осада); *iwin* (strife, struggle, war; a battle, conflict / борьба, война; битва, конфликт); *sege*, *asēge* (a siege (as of a city); setten asege, lay siege / осада), *iwealc* (strife, conflict; a military engagement / раздор, конфликт; военное сражение).

Выявленные словосочетания среднеанглийского периода показывают, что англичане понимали войну как **необходимость защищать свою землю и народ**: *to witte wheder he wold fynde a man to fight with Colbrande for the righte of the kingdom* (to know whether he would find a man to fight with Colbrande for right of the kingdom / знать, сможет ли он найти человека, чтобы сражаться с Колбрандом за права королевства). Они считали, что сражаться надо, **отдавая все силы, до победы**: *And fouhten so þei woren wode, Þat þe swot ran fro þe crune To the fet rith þere adune* (And fought so as if they were mad that sweat ran from head to the feet down / И сражались, как сумасшедшие, так что пот бежал от головы до ног); *þei fouhten so fūriōuslī thāre bōthe fellen of their hōrsen and bataillened Þat þe swot ran fro þe hēd* (they fought so furiously that both fell off from their horses and battled so that sweat ran from their heads / они бились так яростно, что оба упали с коней и сражались так, что пот бежал по лицу). Война – это **храбрость, благородство**: *thy werreiðours holden þe best and þe*

vailaunt of thōse rīden mail-clad to fight (thy warriors are held for the best and the most valiant of those who ride mail-clad to the fight / твоих воинов считают самыми лучшими и самыми доблестными из тех, кто в кольчуге едет на битву); *’twas a bold werreiðour* (it was a brave warrior / это был храбрый воин); *þe wisest and þe worthiest in þe world āren thei and wel proven in al knīght sporte* (the wisest and the worthiest of this world are they, and well proven in all knightly sports / они самые мудрые и достойные в этом мире, и все хорошо проявили себя в рыцарских состязаниях).

В то же время война воспринимается как **опасное дело, риск для жизни**: *He was oft in daunġerof dēth* (he was often in danger of death / над ним часто нависала опасность смерти), *doubtless he had been dead and slain full oft* (doubtless he was killed and was dead / несомненно, он был убит); *Were werre and wrake* (were war and waste / там была война и разруха). **Война – источник несчастий**: *Loude crye was þer kest of clerkez and oper of werre* (the cast of clerks and others cried loudly because of war / все работники громко кричали, узнав о войне). Следует отметить и еще одну группу словосочетаний со значением **«храбрый воин сам не ищет битвы, мир лучше войны»**: *I seche no werre* (I seek no war / я не ищу войны); *untōcōme I mit pes* (I come with peace / я пришел с миром); *If þou craue batayl bare, here faylez þou not to fyzt* (if it is battle that thou cravest, thou shalt not fail of a fight here / если ты жаждешь битвы, ты не проиграешь здесь); *I passe as in pes, and no þlyzt seche* (I pass in peace and seek no quarrel / я пришел с миром и не ищу битвы); *frayst I no fyzt* (I demand no fight / я не прошу боя) (Sir Gawain and the Green Knight; Havelok the Dane).

Дискурс войны в XX веке

Для анализа дискурса этого периода синонимический ряд с лексемой *war* в качестве доминанты был получен на базе произведений американской литературы и словарей (Essential British English Dictionary; Essential American English Dictionary): *war*, *warfare* (война); *clash* (столкновение); *confrontation* (противоборство); *combat* (бой); *hostilities* (воен-

ные действия); *collision* (противоречие интересов); *discord* (вражда); *fight, fighting* (борьба); *battle* (битва, сражение, бой); *enmity* (вражда); *strife* (борьба); *strike* (удар, атака); *struggle* (борьба); *bloodshed* (кровопролитие); *crusade* (поход, кампания); *jihad* (джихад); *offensive* (атакующая военная кампания, атака, наступление); *skirmish* (стычка, схватка); *campaign* (кампания, поход); *engagement* (бой, схватка). Как видно, синонимический ряд с доминантой *war* в английском языке XX в. включает больше лексем, чем в древне- и среднеанглийский периоды (21 лексическая единица). Появились новые единицы: *confrontation*, *bloodshed*, *crusade*, *jihad*, *offensive*, *skirmish*, *campaign*, *engagement*.

Как и при исследовании военного дискурса в древне- и среднеанглийский периоды, анализ дискурса в XX в. требует рассмотрения словосочетаний с лексемами синонимического ряда с доминантой *war*, а также выявления смысла контекстов с данными лексемами. Словосочетания, полученные при сплошной выборке из художественных произведений и текстов СМИ, соотносятся с единицами, описанными в работе Л.Н. Венедиктовой [Венедиктова, 2004]. В военном дискурсе XX в. выделяется большая группа прилагательных, которые образуют словосочетания с лексемой *war* и определяют специфику видов войны. Они широко употребляются в сфере политики и международных отношений для номинации разновидностей войн: *ideological war* (идеологическая война), *civil war* (гражданская война), *cold war* (холодная война), *colonial war* (колониальная война), *aerial war* (воздушная война), *just war* (справедливая война), *world war* (мировая война), *war of liberation* (освободительная война), *nuclear war* (ядерная война). Большинство этих прилагательных непосредственно связаны с реалиями XX в. и ранее существовать не могли. Отличием военного дискурса XX в. является то, что словосочетания часто номинируют разные виды войны.

Дискурс войны в XXI веке

Остановимся более подробно на современном дискурсе войны, поскольку за последние десятилетия он претерпел значительные изменения.

Из словарей и текстов был извлечен синонимический ряд лексем со значением «война»: *war*, *warfare* (война); *campaign* (кампания, поход); *engagement* (бой, схватка); *confrontation* (противоборство); *hostilities* (военные действия); *collision* (коллизия, столкновение); *fight, fighting* (борьба); *enmity* (вражда); *strife* (борьба); *strike* (удар, атака); *struggle* (борьба); *clash* (столкновение); *crusade* (поход, кампания); *jihad* (джихад); *offensive* (наступательная военная операция, атака, наступление); *skirmish* (стычка, схватка). Появились новые термины, зафиксированные в «Military History Encyclopedia»: *terrorism* (systematic use of violence to achieve a specific normally political aim / систематическое использование насилия для достижения особых, обычно политических целей); *hijacking* (a method of terrorism / метод терроризма).

Сочетания лексемы *war* с прилагательными представляют собой наименования видов войн: *parawar*, *super war*, *proxy war*, *cyber war*, *surrogate war*, *informational war*, *nontraditional war*, *hybrid war*, *asymmetric war*, *sofa war* и др. Они отличаются и от словосочетаний последнего десятилетия XX в., приведенных в работе Л.Н. Венедиктовой, что свидетельствует о быстрых изменениях в данном дискурсе и, следовательно, его быстром развитии в последние десятилетия.

Новыми в дискурсе войны являются и сочетания *special operation*, *stripping*, *symmetrical response*, *mirror response*, *line of contact*. Эти нейтральные в системе языка и иногда даже с обобщенным значением лексические единицы (*special operation*) в контексте приобретают вполне конкретное значение – военные действия. Они связаны с конфронтацией, противостоянием, противоборством. Имеет место вуалирование негативной семантики лексем с помощью нейтральных и даже «пустых» по значению слов, которые выполняют функцию эвфемизации – замены грубой или табуированной лексики на лингвистически нейтральное или смягченное выражение [Москвин, 2001, с. 58]; приема лингвистического улучшения, цель которого состоит в подборе приемлемых слов и понятий взамен тех, которые по некоторым причинам неприемлемы [Гращенков, 2015, с. 172]; маскировке явления [Логунова, 2014, с. 109].

В дискурсе представлены и термины, разработанные для называния новых технологий ведения войны: *distributed combined parawar, spasmodic sudden escalation of conflict, escalation of controllability loss, modern civil and military technologies, air strike, irreparable losses, liquidation* и др. Они указывают на стремительное обновление лексики войны. В современном военном дискурсе используются приемы языкового **манипулирования**, которые стали одной из важнейших лингвистических характеристик дискурса войны. Дж. Кунерт говорит о том, что дипломатия выработала свой язык, политики должны следовать правилам политкорректности, к их речи предъявляются особые требования. Для того чтобы политическая коммуникация была эффективной, дипломаты прибегают к искажению объективной реальности, подмене понятий [Kunerth, 2006]. Следует отметить и другие важные лингвистические признаки современного военного дискурса – его **неологизацию** и **эвфемизацию**. Как отмечает Е.И. Шейгал, «эвфемистическое переименование представляет собой результат своеобразного компромисса между семантикой (отражение сущности денотата) и прагматикой (отражение интересов говорящего). Эвфемизмом обозначается нечто, что по логике вещей следовало бы оценить отрицательно, но интересы говорящего (политическая выгода) заставляют оценить это положительно» [Шейгал, 2000, с. 208].

Активно используемый прием эвфемизации в военном дискурсе – генерализация. По мнению Л.С. Яровой, прием относится к наиболее продуктивным и используется преимущественно в политическом языке, СМИ, при назывании преступлений и экономических явлений [Яровая, 2012, с. 112]. В военном дискурсе примерами генерализации могут служить эвфемизмы *event, situation, engagement, response*. Для эвфемизации военной лексики возможно применение метонимии: *Washington announced, Moscow declares, sofas / sofa troops request sanctions, programs throw viruses*. Особенность данного приема состоит в том, что «метонимия в данном случае выполняет не только референциальную функцию, но и функцию обеспечения понимания целого через его часть, а также части посредством целого или другой части» [Порохницкая, 2012, с. 125].

Одним из приемов эвфемизации негативной лексики является использование словарной дефиниции того слова, которое может вызвать неприятные ощущения. Так, вместо существительного *war* употребляется *intense armed conflict* (вооруженный конфликт, столкновение). О жертвах среди мирного населения в период военных действий говорят *wartime costs* (потери военного времени). По мнению Е.И. Шейгал, «эвфемизмы, связанные с обозначением военных действий и вооруженных конфликтов, составляют одну из наиболее значимых групп политических эвфемизмов» [Шейгал, 2000, с. 199]. Создание новых нейтральных наименований для называния неприглядных явлений – характерная черта новояза, описанного Дж. Оруэллом (подробнее об этом см.: [Сребрянская, Мартынова, 2011]).

Проанализируем значение некоторых новых наименований войны, приведенных выше. Термин *information war (information warfare)* не зафиксирован в словарях. В одной из журналистских публикаций информационная война определяется следующим образом: «*Information warfare combines electronic warfare, cyberwarfare and psy-ops (psychological operations) into a single fighting organisation*» (What-is-information-warfare?) – Информационная война сочетает электронные средства ведения войны, кибероружие и психологические операции.

В войне, названной *information warfare*, используются такие технологии, как сбор тактической информации (*collecting tactical information*), распространение пропаганды и дезинформации для деморализации оппонента и общественности (*spreading propaganda and disinformation to demoralize or manipulate the opponent and the public*), снижение качества информации оппонента (*undermining the quality of opponent information*), отрицание сбора информации об оппоненте (*denying the opponent the opportunity to collect information*) [Damjanović, 2017]. Данные английские словосочетания также отличаются новизной.

Hybrid warfare (гибридная война) – вид враждебных действий, при котором нападающая сторона подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойны. Гибридная война по сути тоже является информационной войной. В апреле

2016 г. во время визита в США президент Украины П.А. Порошенко заявил, что против его страны ведется гибридная война. Комментируя редакционную статью газеты «The New York Times», в которой говорилось о коррупции в высшем украинском руководстве, президент Петр Порошенко заявил, что фейковые сообщения России об Украине – часть гибридной войны со стороны России («part of the Russian hybrid war») (Pogoshenko). Таким образом, П.А. Порошенко определяет гибридную войну как распространение ложной, дискредитирующей информации, двойную жизнь, то есть информационную войну. Ср.: *Гибридность – это политика лжи, кто кого переврет; это информационная война* (Эпштейн).

Таким образом, в последние десятилетия появились новые военные термины, в том числе и наименования войны. Они связаны с информационными технологиями.

Новые термины успешно ассимилировались в английском языке, о чем свидетельствует образование производных словосочетаний на базе исходного термина. Так, появились *information operations* (информационные операции), *sofa army* (диванная армия), *sofa troops* (диванные войска).

Современные цифровые технологии предопределили появление неологизмов *technological warfare* (технологическая война), *digital war* (цифровая война): «Digital War is understood as the ways in which digital technologies and media are transforming how wars are fought, lived, represented, reported, known, conceptualised, remembered and forgotten» (Digital War) – Под цифровой войной понимаются способы, с помощью которых цифровые технологии и средства массовой информации преобразуют то, как люди ведут, переживают, представляют, концептуализируют, запоминают и забывают войны.

В работе Л.Н. Венедиктовой, изданной в 2004 г., указанные неологизмы не приводятся, что свидетельствует о стремительном изменении военного дискурса в первые десятилетия XXI века.

Выводы

Выявленная лексическая наполняемость дискурса войны в разные периоды его развития позволило прийти к следующим выводам.

1. Дискурс войны является подвижной структурой.

2. Синонимические ряды с доминантой *war* на протяжении развития языка и дискурса постоянно пополняются. В древне- и среднеанглийский периоды война понималась как бой, битва с применением холодного и огнестрельного оружия.

3. Словосочетания с прилагательными показывают, что в древне- и среднеанглийский периоды контекстуальное значение лексем со значением «война» менялись мало. В XX–XXI вв. дискурс войны демонстрирует высокий темп развития за счет образования новых единиц в результате появления новых видов войны, новых технологий и нового оружия.

4. Быстрая обновляемость дискурса войны в последние годы связана не только с лингвистическими, но и с экстралингвистическими факторами. Дискурс войны стал частью политического дискурса, что неизбежно приводит к применению политических технологий языкового манипулирования. Происходит значительная эвфемизация лексики, связанной с войной, с целью скрыть негативные явления. Используется лексика с расплывчатым нейтральным значением, которая в дискурсе войны приобрела негативное значение. Подобные языковые приемы применяются для введения в заблуждение и манипулирования сознанием людей.

Все это свидетельствует о том, что сегодня язык стал инструментом информационной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов В. А., 2018. Взаимозаменяемость как критерий синонимии (экспериментальное и корпусное исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и культура. Т. 15, № 3. С. 390–407. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.306>.
- Венедиктова Л. Н., 2004. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень. 20 с.
- Гращенков Н. В., 2015. Теоретическая основа для изучения эвфемизмов и их интерпретация в иноязычной аудитории // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 11-2. С. 167–173.

- Логунова К. А., 2014. Эвфемизмы в дипломатическом языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (42), ч. 2. С. 109–112.
- Москвин В. П., 2001. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. № 3. С. 58–71.
- Порохницкая Л. В., 2012. Концептуальная метафора и метонимия как основа сопоставления эвфемизмов разных языков (на материале французского, испанского и итальянского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 10 (643). С. 120–128.
- Сребрянская Н. А., Мартынова Е. А., 2011. Антиутопия как вид политического дискурса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». № 2. С. 122–125.
- Шейгал Е. И., 2000. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена. 368 с.
- Яровая Л. С., 2012. Способы образования эвфемизмов в английском языке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. № 8. С. 110–113.
- Damjanović D. Z., 2017. Types of Information Warfare and Examples of Malicious Programs of Information Warfare // *Vojnotehnički glasnik*. Vol. 65, br. 4. S. 1044–1056. DOI: <https://doi.org/10.5937/vojtehg65-13590>.
- Harris Z. S., 1952. Discourse Analysis // *Language*. Vol. 28, № 1. P. 1–30. URL: <https://studylib.net/doc/25193085/discourse-analysis>.
- Ilyinova E. Yu., Kochetova L. A., 2016. Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 18–25. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>.
- Kunerth J., 2006. To Put it Another Way is Euphemism's Role // *The Sun*. Jun. 21. P. 25. URL: <https://www.sun-sentinel.com/news/fl-xpm-1986-06-21-8602060575-story.html> (date of access: 02.10.2019).
- Essential American English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-american-english> (date of access: 21.10.2019).
- Essential British English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-british-english> (date of access: 21.10.2019).
- Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (date of access: 21.10.2019).
- Falkner W. Soldier's Pay. URL: https://bookfrom.net/william-faulkner/34431-soldiers_pay.html (date of access: 21.10.2019).
- Hemingway E. A Farewell to Arms. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/314824-ernest-hemingway-a-farewell-to-arms.html> (date of access: 21.10.2019).
- Havelok the Dane / ed. by R. B. Herzman, G. Drake, E. Salisbury. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/salisbury-four-romances-of-england-havelok-the-dane> (date of access: 21.10.19).
- Middle English Dictionary. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary> (date of access: 21.10.2019).
- Military History Encyclopedia. URL: http://www.historyofwar.org/articles/concepts_war.html (date of access: 21.10.2019).
- Old English Translator. URL: <https://www.oldenglishtranslator.co.uk/index.htm> (date of access: 21.10.2019).
- Poroshenko* – Poroshenko: Russia Leads a Hybrid War Against the Entire Free World. URL: <https://en.topwar.ru/134576-poroshenko-rossiya-vedet-gibridnuyu-voynu-protiv-vsego-svobodnogomira.html> (date of access: 21.10.2019).
- Sir Gawain and the Green Knight / transl. by J. L. Weston. URL: <http://www.lib.rochester.edu/Camelot/sggk.htm> (date of access: 21.10.2019).
- What-is-information-warfare? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/12/what-is-information-warfare> (date of access: 21.10.2019).

REFERENCES

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Эпштейн* – Эпштейн М. Гоппи. Новая молодежная субкультура? Нет, государственная // Новая газета. 2017. 13 нояб. (№ 126).
- Beowulf: The Internet Wiretap Edition : From The Harvard Classics / transl. by Gummere. URL: <http://manybooks.net/titles/anonetext97bwulf11.html> (date of access: 21.10.2019).
- Digital War. URL: <https://www.digital-war.org> (date of access: 21.10.2019).
- Belov V.A., 2018. Vzaimozamenyaemost kak kriteriy sinonimii (eksperimentalnoe i korpusnoe issledovanie) [Interchangeability as the Feature of Synonymy (Experimental and Corpus Research)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i kultura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], vol. 15, no. 3, pp. 390-407. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.306>.
- Venediktova L.N., 2004. *Kontsept «voyna» v yazykovoy kartine mira (sopostavitelnoe issledovanie na materiale angliyskogo i russkogo yazykov): avto-ref. dis. ... kand. filol.*

- nauk* [The Concept of "War" in the Linguistic Picture of the World (A Comparative Study on the Material of English and Russian Languages). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Tyumen. 20 p.
- Grashchenkov N.V., 2015. Teoreticheskaya osnova dlya izucheniya evfemizmov i ikh interpretatsiya v inoyazychnoy auditorii [Theoretical Basis for the Study of Euphemisms and Their Interpretation in a Foreign Audience]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 11-2, pp. 167-173.
- Logunova K.A., 2014. Evfemizmy v diplomaticheskom yazyke [Euphemisms in Diplomatic Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 12 (42), part 2, pp. 109-112.
- Moskvin V.P., 2001. Evfemizmy: sistemnye svyazi, funktsii i sposoby obrazovaniya [Euphemisms: Systemic Links, Functions and Ways of Formation]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 58-71.
- Porokhnitskaya L.V., 2012. Kontseptualnaya metafora i metonimiya kak osnova sopostavleniya evfemizmov raznykh yazykov (na materiale frantsuzskogo, ispanskogo i italyanskogo yazykov) [Conceptual Metaphor and Metonymy as a Basis for Comparing Euphemisms of Different Languages (The Study of French, Spanish and Italian Euphemisms)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], no. 10 (643), pp. 120-128.
- Srebryanskaya N.A., Martynova E.A., 2011. Antiutopiya kak vid politicheskogo diskursa [Antiutopia as a Type of Political Discourse]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 2, pp. 122-125.
- Sheigal E.I., 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 368 p.
- Yarovaya L.S., 2012. Sposoby obrazovaniya evfemizmov v angliyskom yazyke [Methods for the Formation of Euphemisms in the English Language]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin], no. 8, pp. 110-113.
- Damjanović D.Z., 2017. Types of Information Warfare and Examples of Malicious Programs of Information Warfare. *Vojnotehnički glasnik*, vol. 65, br. 4, S. 1044-1056. DOI: 10.5937/vojtehg65-13590.
- Harris Z.S., 1952. Discourse Analysis. *Language*, vol. 28, no. 1, pp. 1-30. URL: <https://studylib.net/doc/25193085/discourse-analysis>.
- Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2016. Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 18-25. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>.
- Kunerth J., 2006. To Put It Another Way Is Euphemism's Role. *The Sun*, June 21, p. 25. URL: <https://www.sun-sentinel.com/news/fl-xpm-1986-06-21-8602060575-story.html> (accessed October 2, 2019).

SOURCES AND DICTIONARIES

- Epshtein M. Goppi. Novaya molodezhnaya subkultura? Net, gosudarstvennaya [Guppy. New Youth Subculture? No, State One]. *Novaya gazeta*, 2017, November 13, no. 126.
- Beowulf. The Internet Wiretap Edition. From The Harvard Classics*. Translated by Gummere. URL: <http://manybooks.net/titles/anonetext97bwulf11.html> (accessed 21 October 2019).
- Digital War*. URL: <https://www.digital-war.org> (accessed 21 October 2019).
- Essential American English Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-american-english> (accessed 21 October 2019).
- Essential British English Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-british-english> (accessed 21 October 2019).
- Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com> (accessed 21 October 2019).
- Falkner W. *Soldier's Pay*. URL: https://bookfrom.net/william-faulkner/34431-soldiers_pay.html (accessed 21 October 2019).
- Hemingway E. *A Farewell to Arms*. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/314824-ernest-hemingway-a-farewell-to-arms.html> (accessed 21 October 2019).
- Herzman R.B., Drake G., Salisbury E., eds. *Havelok the Dane*. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/salisbury-four-romances-of-england-havelok-the-dane> (accessed 21 October 2019).
- Middle English Dictionary*. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary> (accessed 21 October 2019).
- Military History Encyclopedia*. URL: http://www.historyofwar.org/articles/concepts_war.html (accessed 21 October 2019).
- Old English Translator*. URL: <https://www.oldenglishtranslator.co.uk/index.htm> (accessed 21 October 2019).
- Poroshenko: Russia Leads a Hybrid War Against the Entire Free World*. URL: <https://en.topwar.ru/134576-poroshenko-rossiya-vedet-gibridnuyu-voynu-protiv-vsego-svobodnogo-mira.html> (accessed 21 October 2019).

Sir Gawain And The Green Knight. Translated by Jessie I. Weston. URL: <http://www.lib.rochester.edu/Camelot/sggk.htm> (accessed 21 October 2019).

What-Is-Information-Warfare? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/12/what-is-information-warfare> (accessed 21 October 2019).

Information About the Authors

Natalia A. Srebryanskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the English Language, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St., 86, 394043 Voronezh, Russia, srebryan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8958-9725>

Информация об авторе

Наталья Анатольевна Сребрянская, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043 г. Воронеж, Россия, srebryan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8958-9725>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.10>

UDC 81'42
LBC 81.006.3

Submitted: 30.08.2019
Accepted: 28.02.2020

CONSTRUCTING MODERN RUSSIAN IDENTITY THROUGH DISCOURSE METAPHORS

Inna V. Skrynnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Tatyana N. Astafurova

Volgograd State University, Volgograd, Russia;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The current paper presents a comprehensive literature review of research into the phenomenon of Russian national identity and emphasizes the crucial role of discourse metaphor in narratives of national culture and identity. The latter, as a complex mental construct, encompasses common or similar beliefs or opinions internalized in the course of socialization as well as emotional attitudes, behavioural and linguistic dispositions. The paper claims that Russian patriotism-based national identity construction is directly related to the historical background, current political ideology, as well as objectives and tasks the state sets. Patriotic sentiments in Russia tend to boost due to some life-changing dramatic events or challenges the country has to face; this gives rise to employing a multitude of discursive practices, which rely heavily on discourse metaphors. The relevant point the paper proposes lies in the fact that discourse metaphors, being conceptually grounded, serve as a pervasive cognitive mechanism applied to explain a complex abstract concept of national identity. However, its meaning is still being shaped in relation to a particular period of time and the context where a debate is unfolding. Unlike conceptual metaphors that are considered to be universal, independent of time, discourse metaphors change or evolve within the ongoing discourse and are intended for specific purposes. The current paper seeks to demonstrate how particular metaphors can serve as discursive mechanisms of constructing the national identity to achieve both culturally and historically specific strategic purposes. The authors claim that a combination of co-occurring metaphors in the public discourse forms a holistic extended metaphorical narrative promoting a particular view of Russianness and focus on some of them.

Key words: national identity, conceptual metaphor, cognitive mechanism, discourse metaphor, metaphorical narrative, Russianness.

Citation. Skrynnikova I.V., Astafurova T.N. Constructing Modern Russian Identity Through Discourse Metaphors. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 107-115. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.10>

УДК 81'42
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 30.08.2019
Дата принятия статьи: 28.02.2020

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДИСКУРСИВНЫМИ МЕТАФОРАМИ

Инна Валериевна Скрынникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Татьяна Николаевна Астафурова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлен подробный литературный обзор исследований феномена российской идентичности и подчеркивается решающая роль дискурсивной метафоры в нарративах национальной культуры и идентичности. Последняя как сложный ментальный конструкт включает в себя общие или сходные убеждения или мнения, усвоенные в ходе социализации, а также эмоциональные установки, поведенческие и языковые особенности. Утверждается, что конструирование основанной на патриотизме российской национальной идентичности напрямую связано с историческим прошлым, политической идеологией, а также целями и задачами, которые ставит государство. Патриотические настроения в России, как правило, усиливаются на фоне жизненно важных драматических событий или вызовов, с которыми сталкивается страна; это приводит к использованию множества дискурсивных практик, в значительной мере реализующихся с помощью дискурсивных метафор. Актуальным представляется тезис о том, что дискурсивные метафоры, будучи концептуально обоснованными, служат распространенным когнитивным механизмом, применяемым для объяснения сложного абстрактного концепта национальной идентичности. Его значение определяется относительно того или иного периода времени и контекста, в котором разворачивается дискурс. В отличие от концептуальных метафор, которые считаются универсальными, независимыми от времени, дискурсивные метафоры изменяются или развиваются в рамках разворачивающегося дискурса и предназначены для конкретных целей. В данной статье показано, как конкретные метафоры могут служить дискурсивными механизмами конструирования национальной идентичности для достижения культурных и исторических стратегических целей. Авторы утверждают, что сочетание рекуррентных метафор в публичном дискурсе образует целостный расширенный метафорический нарратив, продвигающий особый взгляд на русскость, и оказывают влияние на некоторых из них.

Ключевые слова: национальная идентичность, концептуальная метафора, когнитивный механизм, дискурсивная метафора, метафорический нарратив, русскость.

Цитирование. Скрынникова И. В., Астафурова Т. Н. Конструирование современной российской идентичности дискурсивными метафорами // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 107–115. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.10>

Introduction

The concept of national identity is known to be notoriously vague giving rise to its diverse interpretations. The Russian academic tradition often replaces the term “identity” with the one of “self-consciousness” [Tishkov, 2013]. Despite the ostensible similarity of the two concepts, they are hardly synonyms. What national identity means is mainly the sense of being part of a certain state or nation, individuals share with a group of people regardless of their country of citizenship. Another difficulty in defining what national identity is arises solely in the Russian context when we have to distinguish between ethnic Russian and the Russian Federation. In the current paper, we assume these terms should be complementary, not opposite.

Following R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, the paper treats national identity as constructed and communicated in discourse, predominantly in narratives of national culture, which emerges from

a multitude of discursive practices. National identity is, therefore, the product of discourse [Wodak, Cillia, Reisigl, 1999, p. 153]. Building on Pierre Bourdieu’s notion of habitus [Bourdieu, 1991, p. 78–87] and following R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl by identity we understand a complex mental structure, containing what is perceived to be knowledge. It encompasses common or similar beliefs or opinions internalized in the course of socialization, including those concerning certain out-groups distinguished from the national ‘we-group’ [Wodak, Cillia, Reisigl, 1999, p. 164]. In addition, identity includes the level of emotional attitudes and that of behavioural dispositions, as well as certain linguistic dispositions. Strengthening national identity can hardly be achieved without systematic support provided by archaic beliefs reflected in symbols and shared myths.

Russian national identity with patriotism at its core is claimed to directly depend on the country’s historical background, inherent political ideologies,

objectives and tasks the state formulates. Russian patriotism is a purely mental construct originating from paganism, manifesting itself in citizens' loyalty to their Mother country seen as a many-faced deity, in the unconditional love for it, the strife to protect it, be proud of it and its people [Nabokova, 2016]. Patriotic feelings in Russia tend to boost due to some life-changing dramatic events or challenges the country has to face.

Methodological approach and literature review

The role of metaphor in the discourse of constructing national identities and foreign policy cannot be underestimated and is of particular interest to researchers in various fields [Lakoff, 1996; 2006; Shimko, 1994; Cohn, 1993; Chilton, 1996; Budaev, Chudinov, 2006; Steuter, Wills, 2008]. Cognitive linguistics and discourse analysis line of research, the paper heavily relies on, has repeatedly stressed that conceptual metaphor is an essential element of both language and cognition serving as a pervasive cognitive mechanism applied to explain complex abstract concepts through establishing the set of conceptual correspondences (mappings) to more familiar concrete embodied concepts. Being similar to analogy, it appears to be a form of the so called "mental saving" [Shimko, 1994, p. 660]. Hence is the ubiquitous use of metaphors in the discussion of political issues (foreign and domestic policy, national identity, etc) which are rife with abstract concepts that need to be clearly explained and communicated to the people of a certain nation.

In recent years, numerous studies have addressed the crucial role of metaphor in the language of politics, promoting cultural conceptual models through root metaphors and constructing and promoting certain ideologies [Chilton, 1996; Musolff, 2004; Charteris-Black, 2004; Goatly, 1997]. They have focused on *discourse metaphors* that, despite being conceptually grounded, still have meaning shaped in relation to a particular period of time and the context where a debate on a particular topic is unfolding. The source concepts of such metaphors refer to salient objects or events that are part of interactional space and/or are dominant in cultural imagination. Unlike conceptual metaphors that are considered to be universal, independent of time, discourse

metaphors change or evolve within the ongoing discourse and are intended for specific purposes. This distinction is critical for our study since the current paper seeks to demonstrate how particular metaphors can serve as discursive mechanisms of constructing the national identity to meet both culturally and historically specific strategic objectives. Therefore, discourse metaphors frame and promote shared narratives of politics; being embedded in discursive networks of power, they reflect certain views of the world and society [Koteyko, Brown, Crawford, 2008].

The current paper claims that a combination of co-occurring metaphors in the public discourse forms a holistic extended metaphorical narrative promoting a particular view of Russianness. Metaphorical narratives possess a high-level organizational structure which incorporates: generic plot roles (e.g., protagonist, antagonist, helpers, victims), a background, a complication, a main event (e.g., a struggle, test / trial, decision / other crucial event), a resolution), the consequence, and the moral [Lakoff, Narayanan, 2010]. It is also worth mentioning that conceptually all the narrative components are linearly ordered in the conceptual logic of the plot [Skrynnikova, Astafurova, Sytina, 2017]. This approach echoes the Lakoffian view [Lakoff, 2004] that one of the functions that metaphor performs in political discourse is legitimizing policies through providing access to the system of underlying social and cultural values.

However, one should take into account that, along with focusing on a particular aspect of the concept, metaphor can also overshadow its other aspects which become incompatible with it [Lakoff, Johnson, 1980]. For this reason, the significant manipulative potential of metaphors is unquestionable, which explains their abundance in political rhetoric, since the effects of metaphor on our reasoning and, therefore, behavior is mainly invisible [Steuter, Wills, 2008, p. 7; Skrynnikova, 2018]. In this respect, metaphor is viewed as "a valuable tool in the geopolitical struggle" [Budaev, 2015, p. 13] substantiating G. Lakoff's idea that the mechanisms of metaphoric reasoning are pervasive in foreign and domestic policy discussions where being "backed by bombs, metaphors kill us" [Lakoff, 1992].

Thus, introducing a metaphor in communicating national issues becomes a critical way of meaning

making as K. Cohn has demonstrated in her study into gender metaphorization advocating medium-symbolic violence [Cohn, 1993]. According to P. Bourdieu, symbolic violence as imposing cultural and symbolic practices and a hierarchy of norms and values on citizens' knowledge, advantageous for political actors, largely contributes to and results in social inequality [Bourdieu, 1991]. Employing conceptual metaphors can be treated as a symbolic component of politics, understood as activities of "political actors involved in the production of various methods, interpretations of social reality and the struggle for their dominance in public space" [Malinova, 2012, p. 180].

Metaphors as discursive mechanisms of constructing Russian national identity

As our literature review shows [Budaev, Chudinov, 2006; Bourmeyster, 1998; Charteris-Black, 2005; Koteyko, Ryazanova-Clarke, 2009; Martynova, 2011; Neumann, 1998; Ryabov, Ryabova, 2016; Wodak, Cillia, Reisigl, 1999], the Russian patriotic discourse is mainly dominated by four metaphors: 1) the journey / path, 2) building / construction, 3) mother and 4) bear metaphors. The former one is commonly used along with building metaphors in the public speeches delivered by President Putin over the time of his office. As analogies found in public discourse rely on stereotypical representations of routine situations to add some evaluation of contested topics [Musolff, 2004] as well as to boost legitimacy of political initiatives [Cap, 2006; Charteris-Black, 2005], it is of particular interest to us to explore how these metaphors are applied as part of patriotization strategies underlying the construction of the Russian national identity.

Journey / path and building metaphors have been extensively studied in cognitive linguistic research since Lakoff and Johnson's seminal book "Metaphors We Live by" [Lakoff, Johnson, 1980, p. 44]. LOVE / LIFE IS A JOURNEY which is a primary metaphor verbalized in such expressions as *we are at the crossroads, our marriage is on the rocks, our relationships are a dead-end street* stresses a purposeful activity of moving along a path towards a destination. Another dominant source domain for conceptualizing abstract complex entities in terms of substances or things that are familiar to

us from our routine bodily experiences is the domain of building / construction [Kövecses, 2002].

The *path metaphor* historically originates from the Soviet era and traditionally tends to co-occur with the building metaphor, emphasizing that socialism was the building to be constructed with the Communist party being both the architect and the builder [Bourmeyster, 1998, p. 77]. Subsequently, the discourse of *perestroika* was designed to enhance the existing social formation where the journey / road and construction / building metaphors prevailed. At that point, the most pervasive metaphor, related to the Soviet development, in M. Gorbachev's public speeches was the one of dead-end (*tupik*), and the verb *perestraivat' / perestroit'* (to restructure) stressed the need for political and economic changes. This is when the expression *Common European House* appeared to call for the paramount importance of collaborating with European nations [Chilton, Ilyin, 1993, p. 10] and to outline a different objective for the building metaphor: constructing a state based on the rule of the market economy and law. In the post-perestroika era, Boris Yeltsin initiated a somewhat different use of the *path* metaphor aimed at finding a unifying 'Russian idea', when he realized the pressing need for devising a common political language and an ideology aimed at replacing the Communist views. This marked the start of yet another cycle of the country's search for a unique Russian path. In more recent years, Vladimir Putin's discursive mechanisms of constructing a patriotism-based Russian national identity have been exercised through his creative use of path and building metaphors.

Given the fact that metaphor is a multimodal phenomenon which means it can be found not only in language, but also in visuals and gestures, it may serve as an effective means of constructing national identity through employing symbols as visual metaphoric representations of Russianness. Throughout centuries, the *maternal* image of Russia has proven to be particularly powerful. The origins of the maternal nature of the country should be attributed to the image of Mother Earth – the Russian version of Great Mother Goddess. The maternal symbol of Russia is still prevalent in practices of constructing the Russian national identity. As far as emphasizing external symbolic boundaries of "Russianness" is concerned, i.e. stressing differences of Russians from alien

“others”, the idea of being different and opposed to the West has been traced in the Russian identity throughout centuries. One of the strikingly strong symbols of the Russian culture perpetuating this difference is Russia presented as a Woman, Mother as “the embodiment of humility, selflessness, religiosity, irrationality, collegiality, i.e., values alien to Western individualism, rationality, secularity, pride” [Ryabov, 2007].

The maternal image of Russia itself and the specificity of attitudes to the country as to the Motherland have become an important element of the Russian national identity as a whole. These features became salient in the discussion of a publication from *the American Business Insider*, the weekly which published a list of “the most absurd buildings of the Soviet era” on the eve of the 70th anniversary of Victory in Great World War II. The monument “Motherland calls!” on the Mamaev Kurgan in Volgograd was included in the number of such buildings. The publication triggered immediate response from Russian politicians, historians and public figures accusing American journalists of ignorance and blasphemy; the features which gave rise to animalistic analogies establishing conceptual mappings between immoral behaviour and dirt: It’s none of the swines’ (referring to Americans) business to discuss the architecture of a great power we have lost” (<http://nsn.fm/culture/ne-ikh-svinyachedelo-kritikovat-rodinu-mat.php>). The publication has been widely discussed in the Internet, social networks and blogs which enabled us to reveal the ways of involving the country’s image of Mother into establishing external symbolic borders. In the context of the current research the following aspects are crucial: in the first place, the image of Mother Russia serves as a metaphorical marker of national identity enabling to distinguish between “us” and “them” and justify the superiority of the former over the latter; moreover, the topic is part and parcel of the discussion about the attitudes to homeland in Russia and the USA. Those who discussed the topic compared the Mother Russia Monument in Volgograd to Statue of Liberty in New York. Russian journalists tend to blame American ones for moral inferiority, lack of integrity, callousness and disrespect for the sacred: “What wonder? There is nothing sacred in America: no Homeland, no Mother! Only dollars!” [Pushkov, 2015].

Another metaphor commonly arising in the discourse of Russian national identity is *Russia is a Bear*. Resorting to this metaphor affects both the perception of the country in the international arena and decisions made by Russian officials to promote a particular view of the country. In Western discourse, a bear metaphor emphasizes a symbolic border with Russia, being called upon to mark its non-European essence and the resulting aggressiveness and backwardness. Employing the Russian bear metaphor in international relations from a foreign perspective contributes to the mobilization of negative values assigned to the image of the “Russian bear”; of current contradictions between Russia and the West through emphasizing their essential and therefore ineradicable nature. Applying the metaphor within this country is aimed at the homogenization of Russians resulting in the idea of their collective responsibility for the country’s foreign and domestic policy and preventing their dehumanization, deprivation of the human face. The current use of the bear metaphor reveals a significant increase in self-identifying of Russia with the bear which triggers anti-Western and isolationist sentiments and reinforces them.

The bear metaphor from a foreign perspective is increasingly gaining visual representation in other semiotic systems [Wodak, Cillia, Reisigl, 1999, p. 153] (e.g. caricatures and demotivators) and is commonly referred to not only by journalists, but also expert communities and politicians, i.e. those who are in charge of foreign policy decisions. For instance, the report on “Russian propaganda in Europe” (July 2016) prepared by the Center for European Studies is titled “*The Bear in Sheep’s Clothing*” (<http://www.martenscentre.eu/publications>) features an ancient proverb: “*A Russian bear never dies, it just hibernates*” while a candidate for US vice president criticizes Russia during a television debate. The pervasiveness of the bear metaphor in foreign policy rhetoric and national identity discourse suggests its high significance and value yielding the corresponding inferences about the country and its citizens. Being a significant factor of Russian culture, the bear appears in many Russian literary works, folk tales, epics, proverbs and sayings, frequently acting as a protagonist. The bear has been continuously depicted on the emblems, coats of arms, sports flags (e.g. the 1980

Olympic Games in Moscow, the emblem of the United Russia party, etc.).

Analyzing the functions of the bear metaphor, the cognitive one seems particularly salient and critical as it enables to conceptualize Russia as “a big, strong and therefore potentially dangerous country” [Neumann, 1998, p. 239]. Moreover, the image of the Russian Otherness has become particularly helpful in specifying the positive European collective identity by setting the boundaries of Civilization. The current fear of the “Russian bear”, known as Russophobia, spurs the creation of a pan-European political identity and legitimization of the European Union [Ryabov, Ryabova, 2016]. Furthermore, the metaphor also serves as a tool Western societies resort to in their internal political struggle. Historically, charging political rivals with sympathies for Russia has been traditionally expressed in depicting them in the guise of a bear. Finally, the bear metaphor can be helpful in justifying a certain foreign policy towards Russia, in the propaganda of the military conflicts from the Napoleonic Wars to Cold War and the current economic sanctions [Ryabov, Lazari, 2009].

The shift in applying the bear metaphor domestically can also be traced. Unlike the USSR bear whose image was employed to mainly illustrate the specificity of the perceiving the country by its Western detractors, the post-Soviet bear as a national symbol is involved in communicating domestic policies. The emblem of the Russian ruling party has featured a bear since 1999, which has been subsequently used in diverse forms of political branding both in the course of legitimization of power and its delegitimization. However, the growing popularity of the bear as a national symbol can hardly be attributed solely to political propaganda but rather to creating a post-Soviet identity, based on the opposition both to the Soviet period and Western civilization. In the 2000s the bear became part of the changing national identity, which can be referred to as “remasculinization of Russia”, i.e. endowing the image of the country with masculine connotations (strength, rationality, autonomy) and the creation of attractive patterns of national masculinity [Ryabov, Ryabova, 2016].

Combining aforementioned multimodal metaphors results in the extended metaphorical narrative of Russian national identity unfolding and implemented in political and public speeches,

political cartoons and caricatures, and their manipulative potential increases manifold [Steuter, Wills, 2008; Skrynnikova, 2018]. It enables to effectively communicate and promote a view of Russia which is to an advantage of certain political actors or meets the needs arising in a particular social and political climate. Therefore, the critical role of narrative and metaphor at the level of conceptual processing mechanisms and meaning making is not questionable. Narrative and metaphor are now seen as integral to cognition, communication and action.

Conclusion

Despite the abundance of studies on the crucial role of metaphor in political language, deployment of cultural conceptual models, and the formulation of ideologies, there is still little evidence of figurative conceptualization impact on understanding such highly abstract concepts as national identity. Another gap in the present line of research can be found in the lack of studies of the effects of particular figurative language use on the construction of national identity in this country.

In an attempt to close this gap the paper has addressed the related fields of metaphor research, discourse studies and research on nations and the national, specifying the levels at which metaphor becomes vital to the study of these concepts. By examining the dominant patterns of metaphorical conceptualization of Russia and Russians, it argues and seems to provide sufficient evidence that metaphor serves as a powerful discursive mechanism of constructing national identity aimed at achieving not only culturally but also historically specific strategic objectives.

The presented literature review leads us to conclude that Russian national identity with patriotism at its core is constructed taking into consideration the country’s historical background, inherent political ideologies, objectives and tasks the state considers to be primary for a particular period. The Russian patriotic discourse is rife with the path / road, building / construction, mother and bear metaphors reflecting the dominant conceptualizations of Russianness. The major claim of the paper, which might serve as a basis for future research, therefore, is that cumulative

employment of these metaphors contributes to developing patriotization strategies which underlie the construction of the Russian national identity. Combining these co-occurring metaphors in the public discourse forms a holistic extended metaphorical narrative promoting a comprehensive view of Russianness. Far from providing an exhaustive list of metaphorical conceptualization patterns of Russian national identity, the paper suggests some implications concerning further employment of figurative language as an instrument of national identity construction.

Emphasizing and promoting a certain metaphorical national narrative, treated as a set of related and co-occurring metaphors, enables to significantly increase the transformative and manipulative effect of employing metaphors in the discursive construction of national identity on national mentality within a country as well as on the views of the country by foreign communities.

The findings of the study may be applied as guidelines for further research in critical metaphor discourse analysis, political science in general and political linguistics in particular as well as for training professionals in the related fields.

REFERENCES

- Bourdieu P., 1991. *Language and Symbolic Power*. Cambridge, Polity Press. 302 p.
- Bourmeyster A., 1998. The Restructuring of Soviet Political Discourse. Chilton P., Ilyin M., Mey J., eds. *Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamin's Publishing Company, pp. 69-87.
- Budaev E.V., 2015. Kontseptualnaya metafora na sluzhbe u razvedki SShA [Conceptual Metaphor at the Service of the US Intelligence]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], iss. 2 (52), pp. 12-16.
- Budaev E.V., Chudinov A.P., 2006. *Metafora v politicheskoy interdiskurse: monografiya* [Metaphor in Political Interdiscourse. Monograph]. Yekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 215 p.
- Cap P., 2006. *Legitimization in Political Discourse: A Cross-Disciplinary Perspective on the Modern US War Rhetoric*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing. 152 p.
- Charteris-Black J., 2004. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke, New York, Palgrave-MacMillan. 263 p.
- Charteris-Black J., 2005. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke, New York, Palgrave-MacMillan. 256 p.
- Chilton P.A., 1996. *Security Metaphors: Cold War Discourse from Containment to Common House*. Bern, New York, Peter Lang. 223 p.
- Chilton P., Ilyin M., 1993. Metaphor in Political Discourse: The Case of the 'Common European House'. *Discourse & Society*, vol. 4, iss. 1, pp. 7-31. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926593004001002>.
- Cohn C., 1993. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War. Cooke M., Woollacott A., eds. *Gendering War Talk*. Princeton, NJ, Princeton University Press, pp. 227-246.
- Goatly A., 1997. *The Language of Metaphors*. London, Routledge. 360 p.
- Koteyko N., Brown B., Crawford P., 2008. The Dead Parrot and the Dying Swan: The Role of Metaphor Scenarios in UK Press Coverage of Avian Flu in the UK in 2005–2006. *Metaphor and Symbol*, vol. 23, iss. 4, pp. 242-261.
- Koteyko N., Ryazanova-Clarke L., 2009. The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? *Slavonica*, vol. 15, iss. 2, pp. 112-127.
- Kövecses Z., 2002. *Metaphor: A Practical Introduction*. New York, Oxford University Press. 400 p.
- Lakoff G., 1992. *Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*. UC Berkeley, Department of Linguistics. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9sm131vj>.
- Lakoff G., 1996. *Moral Politics. What Conservatives Know That Liberals Don't*. Chicago, University of Chicago Press. 413 p.
- Lakoff G., 2004. *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. The Essential Guide for Progressives*. Vermont, Chelsea Green. 144 p.
- Lakoff G., 2006. *Thinking Points. Communicating Our American Values and Vision*. New York, Farrar, Strauss and Giroux. 176 p.
- Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, Chicago University Press. 256 p.
- Lakoff G., Narayanan S., 2010. Toward a Computational Model of Narrative. *AAAI Fall Symposium: Computational Models of Narrative*. URL: <https://escholarship.org/uc/item/8394s448>.
- Malinova O.Yu., 2012. Politicheskoe ispolzovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoy politiki: evolyutsiya diskursa vlastvuyushchey elity v postsovetskoy Rossii [Political Usage of the Past as a Tool of Symbolic Policy: The Evolution of a Discourse of the Governing Elite in Post-Soviet Russia]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], vol. 8, no. 4, pp. 179-204.

- Martynova Yu.A., 2011. Metaforicheskie osnovaniya sovremennogo rossiyskogo patrioticheskogo diskursa [Metaphor Foundations of Modern Russian Patriotic Discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology], vol. 11, no. 1, pp. 293-297.
- Musolff A., 2004. *Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates About Europe*. London, Palgrave Macmillan. 211 p.
- Nabokova L.S., 2016. Modern Russian Mass Consciousness: The New Wave of Patriotism. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], no. 1, pp. 91-106.
- Neumann I.B., 1998. Constructing Europe: Russia as Europe's Other. Hedetoft U., ed. *Political Symbols, Symbolic Politics: European Identities in Transformation*. Aldershot, Brookfield, Ashgate. 303 p.
- Pushkov vstupilsya za "Rodinu-mat", kotoruyu vysmeyal Business Insider [Pushkov Stood Up for the "Motherland", Which Was Ridiculed by Business Insider]. *RIA novosti*. URL: <https://ria.ru/20150430/1061787229.html>.
- Riabov O., Lazari A. de, 2009. Misha and the Bear: The Bear Metaphor for Russia in Representations of the "Five-Day War". *Russian Politics and Law*, vol. 47 (5), pp. 26-39.
- Ryabov O.V., 2007. Rossiya-Matushka: natsionalizm, gender i vojna v Rossii XX veka ["Mother Russia": Nationalism, Gender, and War in the 20th Century Russia]. *Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. Vol. 60. Stuttgart, Hannover, Ibidem. 290 p.
- Ryabov O.V., Ryabova, T.B., 2016. Simvol Rodiny-materi kak resurs formirovaniya rossiyskoy grazhdanskoyidentichnosti [Symbol of the "Motherland" as a Resource of Forming the Russian Civic Identity]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], vol. 17, no. 2, pp. 99-114.
- Shimko K.L., 1994. Metaphors and Foreign Policy Decision Making. *Political Psychology*, vol. 15, no. 4, pp. 655-671.
- Skrynnikova I.V., 2018. Manipulyativnyy potentsial metafory v oposredovannoy politicheskoy kommunikatsii [Manipulative Potential of Metaphor in Mediated Political Communication]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Cognitio and communication v sovremennom globalnom mire: materialy 8-go Mezhdunar. kongr. po kognitiv. lingvistike (Moskva, 10-12 okt. 2018 g.)* [Cognitive Language Research. Cognitio and Communication in the Modern Global World. Papers of the 8th International Congress on Cognitive Linguistics (Moscow, October 10-12, 2018)]. Moscow, MGU, vol. 34, pp. 425-428.
- Skrynnikova I.V., Astafurova T.N., Sytina N.A., 2017. Power of Metaphor: Cultural Narratives in Political Persuasion. *Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference*. Atlantis Press, pp. 285-290. DOI: <https://doi.org/10.2991/cildiah-17.2017.50>.
- Steuter E., Wills D., 2008. *At War with Metaphor: Media, Propaganda, and Racism in the War on Terror*. Lanham, MD, Lexington Books. 266 p.
- Tishkov V.A., 2013. *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsionalnogo samosoznaniya* [The Russian People: The History and Meaning of the National Self-Consciousnesses]. Saint Petersburg, Nauka Publ. 649 p.
- Wodak R., Cillia R. de, Reisigl M., 1999. The Discursive Construction of National Identity. *Discourse and Society*, vol. 10, no. 2, pp. 149-173.

Information About the Authors

Inna V. Skrynnikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Germanic and Romance Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, i.skrynnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2390-7866>

Tatyana N. Astafurova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Germanic and Romance Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, pic@volsu.ru; Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Информация об авторах

Инна Валериевна Скрынникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, i.skrynnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2390-7866>

Татьяна Николаевна Астафурова, доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ric@volsu.ru; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. В.И. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.11>

UDC 81'42:821.161.1
LBC 81.055.52

Submitted: 18.11.2019
Accepted: 27.03.2020

THE SYMBOLISM OF THE EARTH IN THE POEMS BY M.I. TSVETAEVA

Marina V. Pimenova

University of the Foreign Languages, Saint Petersburg, Russia

Saule S. Dutbaeva

Atyrau State University named after Kh. Dosmukhamedov, Atyrau, Kazakhstan

Elena A. Moshina

Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article considers the poems by Marina Tsvetaeva in the aspect of elemental symbolism. The article aims to describe traditional for Russian linguistic culture and individual author's symbolism of the earth in M.I. Tsvetaeva's poems. The choice of the research object stipulates scientific novelty of the study, which was fulfilled applying descriptive and conceptual research methods. It has been noted, that the symbols, traditionally assigned to Russian linguistic culture, are represented in the poems by Tsvetaeva as pre-Christian: the earth is described by the poetess as a place of habitation, residence, Motherland, a house, arable land; the symbol of imperishability and support. The earth is one of the extrema – the lower and the upper points in vertical dimension, where the former denotes the ground and the Man as opposed to the latter, nominating the Heaven and the Creator. The ground is a Christian symbol of modesty, it is associated with death, ashes, a grave pit. The analysis undertaken has enabled to reveal individual author's symbols of the earth: earth – rock / stone; earth – mountain, unknown land – the sea, the earth – the air, the salt of the earth – talented people / victim. It has been shown, that the author's perception of a particular worldview fragment supplements the conceptual structure of macro concept "earth" with characteristics, which are not included into the structure of national concept.

Key words: symbol, image, myth, individually-author's picture of the world, linguistic culture, metaphor, lexis.

Citation. Pimenova M.V., Dutbaeva S.S., Moshina E.A. The Symbolism of the Earth in the Poems by M.I. Tsvetaeva. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 116-134. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.11>

УДК 81'42:821.161.1
ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 18.11.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

СИМВОЛИКА ЗЕМЛИ В ПОЭМАХ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Марина Владимировна Пименова

Институт иностранных языков, г. Санкт-Петербург, Россия

Сауле Сергеевна Дутбаева

Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, г. Атырау, Казахстан

Елена Анатольевна Мошина

Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются поэмы Марины Ивановны Цветаевой в аспекте стихийной символики и ее речевого воплощения. Цель работы – с опорой на концептуальный анализ охарактеризовать традиционную для русской лингвокультуры и индивидуально-авторскую символику земли в поэмах М. Цветаевой. Выбор такого объекта определяет новизну исследования. Установлено, что в поэмах М. Цветаевой традиционные для русской лингвокультуры символы представлены дохристианскими (включая древнерусские и скандинавские) и христианскими символами: Земля – место обитания, проживания (голубая Отчизна, дом, семья); Земля – опора, символ незыблемости и нерушимости мира (твердыня); Земля – нижняя точка пространственной вертикали (соотносимая с первой частью оппозиций: земля – небо, земля / человек – Бог); Земля – христианский символ скромности; Земля – символ смерти / праха / тлена; Соль земли – символ талантливых, одаренных людей. Выявлены индивидуально-авторские поэтические символы земли: земля – скала / камень; земля – гора; (неведомая) земля – море; (новая) земля – воздух; кровь земли – талантливые, одаренные люди / жертва. Показано, как авторское осмысление фрагмента действительности дополняет концептуальную структуру макроконцепта «земля» признаками, не входящими в структуру национального концепта. *Вклад авторов:* М.В. Пименовой разработаны теоретические основы и методика исследования, обобщены результаты; С.С. Дутбаевой и Е.А. Мошиной осуществлен сбор языкового материала и его описание в соответствии с концепцией работы.

Ключевые слова: символ, образ, миф, индивидуально-авторская картина мира, лингвокультура, метафора, лексика.

Цитирование. Пименова М. В., Дутбаева С. С., Мошина Е. А. Символика земли в поэмах М.И. Цветаевой // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 116–134. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.11>

Введение

Осмысление художественного текста в когнитивном аспекте как средства выражения ментального мира писателя, его знаний о действительности, воплощенных в произведении в виде индивидуально-авторской картины мира, весьма актуально в лингвистике. Каждый художник слова пользуется языковыми средствами, «вкладывая» свое видение и свое восприятие в ключевые концепты культуры и категории мира. Индивидуально-авторский концепт – единица «сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально авторское осмысление сущности предметов и явлений» [Беспалова, 2002, с. 6]. В связи с этим представляется значимым раскрытие художественного компонента макроконцепта «земля», репрезентированного в поэмах М. Цветаевой. Авторское осмысление того или иного фрагмента действительности дополняет концептуальную структуру признаками, не входящими в структуру национального концепта. Таким образом, исследование приоритетов автора в выборе тех или иных когнитивных признаков при актуализации значимых для него концептов позволяет сде-

лать вывод об особенностях его индивидуально-авторской картины мира.

Изучению цветаевского творческого наследия посвящен ряд работ, затрагивающих различные аспекты: Н.А. Афанасьевой и О.Ю. Шишкиной описаны архетипы [Афанасьева, Шишкина, 2002]; М. Боровиковой подробно проанализирована поэтика произведений [Боровикова, 2007], Е.В. Волковой, В.А. Масловой, Е.А. Мошиной, М.В. Пименовой исследованы отдельные фрагменты индивидуально-авторской картины мира поэтессы [Волкова, 2018; Маслова, 2000; 2017; Мошина, 2019; Пименова, 2007; 2011; Пименова, Волкова, 2018]; В.Ю. Александровым, С.А. Безменовой рассмотрены вопросы циклизации в произведениях М. Цветаевой [Александров, 1983; Безменова, 1985]; В.Ю. Александровым, А.А. Бобровым и М.Г. Головей изучены особенности жанров в творчестве поэтессы [Александров, 1983; Бобров, 2008; Головей, 2011], И.И. Бабенко охарактеризованы коммуникативные особенности лексики [Бабенко, 2000], а Э.М. Береговской и Н.М. Вахтель – синтаксические фигуры [Береговская, 1998; Вахтель, 2002]. Однако в научной литературе отсутствуют работы, посвященные описанию символики земли и особенностей ее концептуализации в индивидуально-авторской картине мира М. Цветаевой.

Цель статьи – описать и интерпретировать авторские способы объективации символов земли в произведениях М. Цветаевой. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выделить символические признаки макроконцепта «земля»; 2) провести выборку лексических единиц, объективирующих символические признаки макроконцепта «земля» в авторской картине мира М.В. Цветаевой; 3) определить авторскую специфику реализации символических признаков макроконцепта «земля».

Материал и методы исследования

В качестве источников языкового материала для анализа взяты 14 поэм Марины Ивановны Цветаевой, написанных ею в период с 1914 по 1929 г.: «Чародей» (1914), «Царь-девица» (1920), «На красном коне» (1921), «Переулочки» (1922), «Молодец» (1922), «Поэма Конца» (1924), «Поэма Горы» (1924), «Крысолов» (1925), «С моря» (1926), «Попытка комнаты» (1926), «Поэма лестницы» (1926), «Новогоднее» (1927), «Поэма Воздуха» (1927), «Перекоп» (1929).

Основными методами исследования выступают описательный, интерпретативный, концептуальный. Обращение к макроконцепту «земля» мотивировано не только его высокой значимостью для русской лингвокультуры в целом, но и интересом к ярким образам авторской интерпретации земли.

Уточним базовые понятия и термины исследования. Под макроконцептом мы понимаем комплексное многоуровневое ментальное образование, которое объединяет разнородные пласты знаний об объектах и явлениях действительности (от конкретных до абстрактных). Эти знания могут быть представлены в виде мифологем, концептуальных признаков и самостоятельных концептов, объединенных в общую иерархическую структуру родо-видовыми отношениями.

Мифы и символы, к которым обращаются когнитивная лингвистика и лингвокультурология, позволяют по-новому оценить деятельность человеческого сознания и мироощущение в целом. Язык хранит мифы, в которых прочитывается символика древних концептов, скрывающих мифологемы. Мифоло-

гема – это единица мифологического мышления, исходный символический образ, сюжет, обладающий целостностью, содержащий устойчивый комплекс определенных признаков.

В разных лингвокультурах существуют мифологемы, которые являются содержательными единицами языкового сознания. Они хранятся в коллективном бессознательном и базируются на архетипах сознания. В каждой национальной культуре мифологемы преломляются сообразно ментальности народа и воплощаются не только в мифах, но и в стереотипах, языковых схемах, когнитивных моделях, отражающих закрепленные формы мышления. Примерами мифологем могут быть такие разнородные понятия, как Дерево Мировое, божественная пара, потоп и пр. Мифологемы, по сути, есть древние концепты.

Макроконцепт «земля» относится к разряду символических. Предложенная В.В. Колесовым формула развития концепта «образ – понятие – символ» [Колесов, 1992, с. 16] может быть пересмотрена применительно к отдельным концептуальным структурам. Существуют «концепты, в мотивирующих признаках репрезентантов которых уже заложен символ. То есть символ в структурах таких концептов – не заключительный этап их развития, а исходная точка. Под символическим понимается концепт, мотивирующие признаки которого восходят к известному или утраченному мифу; эти признаки разворачиваются в разном объеме в виде образных, понятийных, ценностно-оценочных и собственно символических признаков, но уже в другом объеме по отношению к другим концептам» [Пименова, 2011, с. 68].

Символика земли в русской лингвокультуре основывается как на христианских, так и на дохристианских (славянских) мифах и представлениях о земле. Анализ мифологических источников, словарей, языкового материала из Национального корпуса русского языка позволил определить понятийные и мотивирующие признаки макроконцепта «земля», в том числе символические. В структуре этого макроконцепта в русской лингвокультуре реализуются следующие мифологемы: ‘земля – живое существо’, ‘земля – мать’, ‘земля – богиня’, ‘земля – Родина’, ‘земля – дом’, ‘земля – пища / клятва / жертвоприношение’,

‘земля – стихия / элемент’, ‘земля – могила’, ‘земля – прах / тлен / малоценное’.

Результаты и обсуждение

В анализируемых произведениях М. Цветаевой воплощены не все перечисленные выше мифологемы. Поэтесса использует и другие символы земли, берущие начало в древних мифах. В ее произведениях встречается авторская символика, эксплицируемая в формах и категориях русского языка. Рассмотрим их подробнее.

I. Анимизм и антропоморфизм являются характерными чертами архаичных культур независимо от национальной специфики. Земля представлялась людям, до принятия христианства обожествлявшим природу, живым человекоподобным существом. Травы, цветы, кустарники, деревья казались ее пышными волосами; горы и скалы были ее костями; цепкие корни деревьев заменяли жилы; кровью земли была сочившаяся из ее недр вода. Как живая, она стонала от боли в бурю, гневалась, учиня землетрясения, улыбалась под солнцем, даря людям красоты, засыпала зимой и пробуждалась весной, умирала, обожженная засухой, и возрождалась после дождей. В произведениях М. Цветаевой вербализованы соматические признаки земли, например ‘кровь’:

(1) Наша кровь – та же смоль! / Раз кровь – кровью смой! / Пусть ропщут умы, – / Все ж **кровь земли** – мы! (Крысолов);

‘хребет’:

(2) То вскачь **по хребтам** наклонным, / То – снова круть. / За красным, за красным конным / Все тот те путь (На красном коне).

М. Цветаева наделяет землю не только физиологическими свойствами живого существа (человека), но и человеческими чертами. Земля-мать – известная мифологема, широко распространенная в разных культурах. В русской лингвокультуре до сих пор сохраняется устойчивое выражение *мать-земля* и его вариации *земля – матушка, кормилица, мать сыра земля*¹.

Для цветаевских поэм характерна авторская реализация гендерных признаков материнства. Если в русской лингвокультуре клю-

чевыми для актуализации дохристианского восприятия земли являются слова *мать* (и производные от него), *кормилица* и слова, выражающие признаки рождающей и плодоносящей почвы, то у М. Цветаевой находим контексты с отрицанием этих признаков в описаниях периодов истории страны, когда в России царили хаос, разруха и голод:

(3) В ломóту / **Жать** – зачем **рождаем?** / ...Всем неумолотом, / Всем **неурожаем** / Верха... По расщелинам / Сим – ни вол ни плуг. / – **Землеотлучение** (Поэма Воздуха).

Земля в войну перестает быть матерью, потому что утрачивает своих детей:

(4) **Матери под стопками / Детскими...** (Поэма Воздуха).

Перемены, наступившие в мире, приводят к рубежу, завершению целого этапа жизни, финишная точка которого воспринимается как конец всем надеждам, ожиданиям и чаяниям, конец терпению. Люди бегут с родной земли на чужбину, как пришлось уезжать и Марине Цветаевой. Чужбина не стала ей матерью. Не рождавшая ребенка мать – это мачеха. Чужая земля – не родная мать – стала мачехой для поэтессы, как и для многих покинувших Россию людей:

(5) Есть – да нету нам! / **Мачеха – не мать!** / Дальше некуда. / Здесь околевать (Поэма Горы).

II. В исследуемых произведениях М. Цветаевой обнаруживаются семантические связи между словами, называющими ритуальные практики, источником которых является дохристианская культура. Это, например, ассоциация земли с пищей. Пищевой код русской лингвокультуры прочитывается в вариантах выражений *есть / жрать / грызть землю*. В них видятся отголоски древнего славянского ритуала *клясться / заклинать / проклинать матерью-землей*. Такую клятву считали самой правдивой и надежной. Цветаевская интерпретация этого ритуала тройственна.

1. Земля – это источник жизненных сил².

2. Чужбина – не Родина, сил человеку не прибавляет. В описании трудных лет эмиг-

рации М. Цветаева обыгрывает глагол *глодать*, передавая им значение «голод»:

(6) На то и сына родила, / **Прах дольний глб-жа** – / Чтоб из-под орлего крыла / Мне взял – гром Божий! (На красном коне).

Прах дольний – земля под ногами – уже не опора, потому что человек низвержен, он упал, он не стоит на собственных ногах – он гложет землю.

3. Другая религия или культура обрывают связь с родной землей, семьей. Таким способом описывается монашество:

(7) На миру монашество – / Что **землю грызть!** / Ну, а бабья наша тут / Молчать – корысть. / Ночь третья (Царь-девица).

Здесь выражение *грызть землю* означает «стиснуть зубы, терпеть».

Известно, что для мифологического сознания древних пища имела сакральное значение, являясь частью ритуала жертвоприношения. В жертву земле приносят зерно, которое в нем умирает и возрождается в новых побегах:

(8) Разломано небо! – Благой знак: / Заря кровавит шлем мой! / Солдаты! До неба – один шаг: / **Законом зерна – в землю!** (На красном коне).

В авторской картине мира М. Цветаевой земля, как пища, имеет вкус:

(9) Ой, долго ли? Ой, скоро ли? / Нуда, нуда, нуда / Все **вялено, все солоно:** / **Земля**, вода, еда (Перекоп).

Еще одна известная метафора – *соль земли* – встречается в поэме М. Цветаевой «Крысолов»:

(10) Наша соль – пыль от пуль! / Наша бль – рваный куль! / Пусть злее чумы, – / Все ж **соль земли – мы!** (Крысолов).

Выражение *соль земли* – это аллюзия на текст Библии. В «Нагорной проповеди» (Евангелие от Матфея) читаем: «Вы есте соль земли. Аще же соль обуяет, чим осолится?» (Мф. 5:13–16). Со слов апостола, солью земли называют лучших людей, тех, кто придает жизни вкус и смысл.

Представление земли в образе символа русского гостеприимства «хлеб-соль» – это авторская находка М. Цветаевой:

(11) **Солонницами** – глазницы / У **ржаной земли.** / Что ж вы, гости имениты, / Мало по – были? (Переулочки).

Для славян двумя сакральными продуктами были хлеб и соль. Слившиеся воедино (хлеб-соль), они стали олицетворением обильного угощения, гостеприимства, радушия. Хлебом-солью встречали, чествовали, величали, начинали новую жизнь в новом доме, благословляли молодых на свадьбе, отгоняли нечистую силу.

III. Пространственная оппозиция «этот мир – земля : тот свет – небо» представляется в аспекте вертикали – вектора-взгляда, устремленного ввысь:

(12) **Выше!**.. / Всем нам на «**тем свету**» / С пустою сращать пята / Тяготенную (Попытка комнаты).

Небо необитаемо (*пустотою*), человек попирает пятую землю, вращая в нее через земное притяжение (*сращать пята тяготенную*). Бог покинул небо, оставив человека один на один с самим собою. Он перестал быть спасителем. В мир пришли пытки, расстрелы и казни – смерть; дома опустели, как и небо над ними:

(13) **Пол** – для ног. / – Как внедрен человек, как вкраплен! – / Чтоб не капало – потолок. / Помнишь, старая казнь – по капле / В час? Трава не росла бы в дом – / **Пол, земля не вошла бы в дом** – / Всеми – теми – кому и кол / Не препятствие ночью майской! (Попытка комнаты).

По-цветаевски, обитаемость дома прямо зависит от обитаемости неба. Бог-защитник покинул небеса, потому что человек перестал в него верить. Бесприютность, неприкаянность, скитальчество – удел человека, переставшего смотреть в небо, следовательно, переставшего видеть Бога.

IV. В индивидуально-авторской картине мира М. Цветаевой земля – это основа создания, одна из четырех стихий, из которых состоит весь сотворенный мир:

(14) Силы – власти – престолы – славы – / Стан пернатый и стан шершавый, / Ветер – воды – огонь – **земля,** / Эта спящая кровь – моя! (Царь-девица).

В ее авторской картине мира граница этих стихий размыта: они плавно перетекают одна в другую³.

В цветаевских поэмах авторский символизм земли сопряжен с другими стихиями. В поэме «Новогоднее» М. Цветаева море называет *неведомой землей*:

(15) До знакомства! <...> / С мне-самой неведомой землею – / С целым морем... (Новогоднее).

В «Поэме Воздуха» появляется еще один символ непознанного: воздух – новая земля:

(16) Как Колумб **здороваясь** / С **новой землей** – Воздухом (Поэма Воздуха).

Поэтесса обращается к стихии, связанной с рождением, и кажется, что воздух – именно та стихия, которая согласуется с ее внутренним ритмом:

(17) Полная **срифмованность**. / Ритм, впервые мой! (Поэма Воздуха).

Стихии сосуществуют, они неразрывны, образуя основу мира. Воздух у М.И. Цветаевой ассоциируется с памятью, а память – с землей:

(18) Ходячие / Истины забудь! / С сильною отдачею / **Грунт**, как будто грудь / Женщины под стоптанным / Вое-сапогом (Поэма Воздуха).

У слова *земля* есть большое количество синонимов, один из которых – слово *грунт*. В военный период земля, по М. Цветаевой, становится грунтом. Слово *грунт* в русском языке многозначно: это верхний слой земли – почва; это морское дно; это промежуточный слой картины, на который еще не нанесен рисунок. *Попранная сапогами земля* не почва, на ней в войну ничего не растет. По морскому дну сапогами не наступают – глубоко. Остается последний смысл – загрунтованное пространство будущей картины. Этот смысл тоже отторгается цветаевским контекстом. Символ грунта-земли помогает понять словосочетание *скальный грунт*. Скала – это гора, на каменной поверхности которой ничего не растет (*Грунт, как будто грудь Женщины*). Женщина, потерявшая своих детей, сама символически умирает. А камень в русской лингвокультуре относится к разряду стихий и символизирует смерть.

Сплетенность и противоборство стихий мы встречаем в последующих строках:

(19) Словно моря противу // (Противу: читай – / По сердцу!) сплечением / Толп. – Гераклом бьюсь! / – **Землеизлучение**. / Первый воздух – густ (Поэма Воздуха).

Здесь оппозицию морю составляют три стихии – воздух, земля и огонь, причем две последние стихии слились в одну (*Землеизлучение*). Земля уподобляется солнцу, испускающему лучи.

«Поэма Воздуха» как дыхание – М. Цветаева считает вздохи (*Первый воздух*). Она задерживает дыхание, и всплывает пятая стихия – камень – символ смерти и мертвой природы:

(20) Больше **не дышу**. / Времечко осадное, / То, сыпняк в Москве! / Кончено. Отстрадано / В **каменном** мешке / Легкого! (Поэма Воздуха).

Сгущение воздуха вызывает тягость в дыхании: в Москве тиф, унесший тысячи жизней. Каменный мешок легкого – это Москва, когда-то белокаменная: отсюда смена символов – от красоты и величия до болезни и безобразия. Вырваться из каменного плена больной Москвы означает «вдохнуть свежего чистого воздуха»:

(21) **Сняты врата / Воздуха. Оседлости** / Прована черта (Поэма Воздуха).

Набрать полные легкие воздуха означает «подняться на высоту, над землей»:

(22) **Твердь**, стелись под лодкою / Лепкою – угла! / Но – сплошное легкое – / Сам – зачем петля / Мертвая? Полощется... / Плещется... (Поэма Воздуха).

Символика второго дыхания как появления новых сил в «Поэме Воздуха» отсутствует – сил нет, как нет и дыхания:

(23) Солнцепричастная, больше не шурюсь, / **Дух: не дышу уж!** / Твердое тело есть мертвое тело: / Оттяготела (Поэма Воздуха).

Твердь – это и земля, и омертвевшее тело (*Твердое тело есть мертвое тело*). Прах от праха – вновь библейская тема в цветаевской поэме, но только в авторском изложении.

Оживление и возрождение человека происходит через движение ввысь:

(24) **Танец** – / **Ввысь!** Таков от клиник / Путь... (Поэма Воздуха).

Земля утратила свое притяжение:

(25) ...Сперва не тянет / Персть, потом не примет / Ног (Поэма Воздуха).

В церковнославянском языке *персть* – это «пепел, прах, грязь, земля, пыль» (Краткий церковнославянский словарь). Воздух оказывается тверже льда (*Без дна, а твёрже льдов!*). Воздух может сменить землю – традиционное место обитания человека:

(26) Закон отсуствий / Всех: сперва не держит / Твердь, потом не пустит / В вес (Поэма Воздуха).

Меняется ли от этого суть человека? Нет:

(27) **Наяда?** **Пэри?** / **Баба** с огорода! (Поэма Воздуха).

Сходное ощущение от полета в воздухе возникает у человека при плавании в воде:

(28) Старая потеря / Тела через воду / (Водосомущения / Плеск. Песчаный спуск...) / – **Землеотпущение** (Поэма Воздуха).

Полет позволяет человеку оторваться от всего земного, мирского – того, что его тяготит.

Не каждое поколение людей рождается для созидания:

(29) В ломóту / Жатв – зачем рожаем? / ...Всем неумолотом, / Всем неурожаем / Верха... По расщелинам / Сим – ни вол ни плуг. / – **Землеотлучение**: / Пятый воздух – звук (Поэма Воздуха).

По-цветаевски войны – это жертвоприношение смерти, которая забирает целые поколения живущих на земле (*Землеотлучение*), она их *косит*.

Свою жатву собирает смерть. В русской лингвокультуре смерть рисуется в виде старухи с косой – она жница, земледелица. Отсюда у М. Цветаевой появляется метафора жатвы и звука скошенной травы – не колосьев (потому что *неурожай, неумолот*).

Надорванные силы не позволяют человеку жить дальше:

(30) Дыра бездонная / Легкого, пораженного / Вечностью... / Не всё ее – / Так. Иные – смерть. / – **Землеотсечение**. / Кончен воздух. **Твердь** (Поэма Воздуха).

Старуха с косой сечет нить жизни – отсекает колос от корня, и человек перестает дышать. Поэтому в «Поэме Воздуха» после землеотсечения нет четвертого вдоха (*Кончен воздух*). Душа оказывается на небесах. У М. Цветаевой небеса называются *твердью*. Твердь, по Библии, – это и есть небо (*твердь небесная*).

По-цветаевски отсечение голов – это не метафора семян, брошенных в землю, которая в войну не почва, не пашня, а грунт:

(31) Голов бестормозных – / Трахт! И как отсечь: / Полная оторванность / Темени от плеч – / Сброшенных! **Беспочвенных** – / **Грунт!** Гермес – свой! / Полное и точное / Чувство головы / С крыльями (Поэма Воздуха).

Немецкое *Tracht* – «костюм». Тело – это одежда души. Душа облекается в плоть при рождении, а плоть – это платье. Чтобы освободиться и обрести крылья, душе необходимо сбросить платье. Появление имени Гермеса в этом контексте неслучайно. Древнегреческий бог Гермес считался проводником душ. Он изображался с крыльями на голове или на шлеме, надетом на голову.

Переход стихий друг в друга у М. Цветаевой обусловлен пересечением границ двух миров – этого (земного) и иного (небесного или подземного: в землю хоронят ушедших, а душа отправляется на небо). Смерть касается и тех, кто остался жить. Прикосновение смерти испытывают те люди, кто был близок умершему. Признаки этого заметны в вещественных метафорах льда: лед – мертвая вода, а тело человека – прах от праха:

(32) Уж наши **руки** стали **льдом** (Чародей).

Земля, по мысли древних, стоит на трех китах. У М. Цветаевой земля зиждется на гнилом китовом основании:

(33) Наш **мир** – до призрачности зыбкий / **На трех** своих **гнилых китах**... (Чародей).

Живой человек, прикоснувшийся к смерти, замирает. Поэтесса использует образ камня. В русской лингвокультуре камень относится к первостихиям, при этом камень символизирует смерть, остановку жизни:

(34) **Окаменев** – тупо – гляжу, / Как моя жизнь – тонет (На красном коне).

V. В русской лингвокультуре символика земли сложна и многогранна. В мифологической традиции земля тесно связана с небом, о чем свидетельствует символика дохристианская – миф о браке неба и земли (подробнее об этом см.: [Дутбаева, 2019, с. 1096–1097]), с образом Великой Богини-Матери (*мать сыра земля, земля-матушка*), христианская, связанная с мифом о сотворении человека из праха земного (прах от праха), античная и древнеегипетская (ср. имена древнегреческой богини *Геи*, древнеримской богини *Терры*, древнеегипетского бога *Геба*, корень которых содержит семантический компонент ‘земля’).

VI. Как и во многих древних культурах, цветаевский мир трехчастен: «небесная земля»⁴, «земная земля» и «подземная земля». Для подробного изучения реализации этой структуры в поэмах мы обращались к фактам биографии поэтессы, изложенным в работах исследователей [Саакянц, 1997; Стенина, 2004; Фейлер, 1998; Швейцер, 1992; 2002; Шевеленко, 2015], а также в воспоминаниях ее дочери (Эфрон, 1998).

Первая составляющая вертикали – «небесная земля». Дохристианская мифология донесла до нас понятие духов. В русской лингвокультуре существуют дух дома (домовой), духи-предки (мать сыра земля) и т. д. Духи обитают в иномирии, не на этой земле, как живые люди. Иномирие для людей кажется пустыней, потому что человеку не дано видеть духов:

(35) В **безлюдии** каких **пустынь**... (Чародей).

Иномирие начинается в горах. У горы могут быть духи-покровители-охранители:

(36) Мужайся, отрок! – **Дух Горы** / Один – нас двое. / Здесь только зори да орлы, / Да мы с тобою (На красном коне).

Гора во многих лингвокультурах видится медиатором между небом и землей. Для М. Цветаевой гора тоже медиатор, к ней отправляется человек, чтобы быть ближе к небу, к Богу. На горе есть возможность быть услышанной Богом:

(37) Черной ни днешь, ни впредь / Не заткну дыры. / Дай мне о горе спеть / На верху горы (Поэма Горы).

Ландшафт, по М. Цветаевой, имеет свои сакральные смыслы. Гора – часть земли, но она возвышается над землей, вознося человека на вершины, позволяющие ему коснуться небес. Гора, писала поэтесса, – это «верх земли и низ неба. Гора – в небе» (Пастернак Борис, Цветаева Марина. Чрез лихолетие эпохи...).

Горы по-особому видятся М.И. Цветаевой. В «Поэме Горы» в ее ранней редакции были строки, которые не вошли в окончательный вариант:

(38) Та гора хотела! Песнь / Брачная – из ямы Лазаревой! / Та гора вопила: – Есмь! / Та гора любить приказывала... / Та гора была – миры! / – Господи! Ответа требую! / Горе началось с горы. / И гора и горе – пребыли (Поэма Горы).

Гора, о которой говорится в поэме, – это Петршин-холм в Праге. Марина Ивановна дала ей свое название – Смиховский холм. Это имя произошло от района Смихов, в котором поэтесса жила осенью 1923 года. С горой связаны романтические воспоминания (*Та гора любить приказывала*). Горы символизируют любовь – разделенную, страстную, пылкую. Эта гора принесла Марине Цветаевой горе (*Горе началось с горы*).

Гора своим подножием упирается в землю – там ее основание. У поэтессы основание горы – в смертной яме (*из ямы Лазаревой*). Вершина горы в небесах, в облаках. Сама гора теоморфна (*гора вопила: – Есмь!*). Библейское имя бога Яхве переводится «Я есть» – аллюзия на текст Библии. В произведениях М.И. Цветаевой гора – объемна, огромна, ее вершина символизирует высоту духа, ее образ ассоциируется с лавиной чувств. Гора знаменует величие любящего человека.

Вторая составляющая вертикали – «земная земля». В мифологии это срединный мир⁵. Земля – это место, где живет человек. Это

первичный признак земли, который часто встречается в цветаевских контекстах:

(39) Не мудрено: **на земле живут**, / Не в облаках витают (Крысолов).

Выражение *жить на земле* означает не просто «место обитания», но и «быт», «уклад», «устой». Ему противопоставляется выражение *витать в облаках*, означающее «грезить, мечтать», – таким выражением характеризуется жизнь поэтов и людей не от мира сего.

Уже упоминавшееся выражение *солъ земли* поэтесса заменяет на авторское выражение *кровь земли*, вводя эту соматическую метафору в контекст признаков, носителями которых являются талантливые люди и творцы истории:

(40) Наша **кровь** – та же смоль! / Раз кровь – кровью смой! / Пусть ропщут умы, – / Все ж **кровь земли – мы!** (Крысолов).

Однако общий смысл не возвышенный, в этом выражении скрыта ирония, являющаяся вершиной развития концептуальной структуры. Ирония десакрализирует, обесценивает то, что было некогда сакральным. На это указывает метафора падения, выражающая негативную оценку: *пасть ниже земли* означает «падение ниже возможного уровня; утрата авторитета»:

(41) Наша дробь – та же трель! / – Эй, раб! Влево цель! / **Пав ниже земли**, – / Все ж цвет ее... / – Говорю вам: **не те холмы!** (Крысолов).

Цвет, расцвет, цветение – символ весны, оживления природы, рост и благосостояние. Падение в этом контексте нивелирует эти смыслы. Горы, так высоко ценимые поэтессой, превращаются у нее в холмы – недогоры.

Бытие в этом мире определяется двумя цветаевскими образами: дома и нити, имеющими глубинные смыслы. Дом человек строит на земле, утверждая основу своей жизни в этом мире. Нить символизирует земные отношения между людьми. В русской лингвокультуре метафорами нити реализуются признаки родства (*наши судьбы переплелись, узы брака, родственная связь* и т. п.). Рассмотрим эти образы в анализируемых цветаевских поэмах.

Дом – мифологема, известная практически всем народам. Выражение *жить на земле* представляет стертую домашнюю метафору, которая встречается в изучаемой авторской картине мира:

(42) Не мудрено: **на земле живут**, / Не в облаках витают (Крысолов).

Религиозное сознание христиан отождествляет человека с домом. В тексте Библии используется метафора дома в описании человека: «ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?» (1 Коринф., 2:11). По словам Г. Гачева, «дом – макет мироздания, национальный Космос в миниатюре. Здесь земля (пол), небо (крыша), страны света (стены) и т. д. Как мир, природа – храм, дом Бога, так дом – храм человека; человек творит дом, как Бог мир о по своему образу и подобию. Как в нашем теле заключена душа и просвечивает сквозь тело, так дом – тело на нас; человек во плоти – как душа в доме» [Гачев, 1995, с. 38].

Сложные жизненные обстоятельства, потеря родного дома и Родины оставили отпечаток на творчестве поэтессы. Земля в авторской картине мира выполняет основную функцию дома – защитную:

(43) Греси с Богом! / **Земля скроет!** / Под порогом / Яму роют (Молодец).

Символика земли-дома передается в произведениях М.И. Цветаевой⁶ через когнитивные признаки частей дома – ‘пол’:

(44) В час? Трава не росла бы в **дом** – / **Пол**, земля не вошла бы в дом (Попытка комнаты);

признаки домашнего быта – ‘ковер’:

(45) До **ковровой до земли** склонилась истово, / Об царевы сапоги звенит монистами (Царь-девица).

Домашняя метафора земли преломляется у М.И. Цветаевой сквозь христианскую мифологию «земля – место вечного упокоения / могила»:

(46) **В землю** пальчиком гуслар: «**Вечный дом!** – / Ты в супружестве живешь во втором» (Царь-девица).

Земля защищает человека, но не в этой жизни, а после его ухода из этого мира.

Дом в огне у М.И. Цветаевой – это символ Родины, символ покинутой земли. Родина – это стертая метафора Великой Богини-Матери и ее славянской ипостаси – матери сырой земли. Земля из пашни, цветущего сада превращается в прах и тлен, золу и шлак:

(47) Где ж **шлак**? / Весь – **золой** / Лак, лак / Локтевой! (Поэма лестницы).

Еще один образ дома – уголь и огонь:

(48) Час пахнет бомбою. / Ве – ревка: льном была! / Огонь, **в куче угольной**: / – Был бог и буду им! (Поэма лестницы).

Дом и родная земля для М.И. Цветаевой одно и то же, это неразрывные понятия, концептуально сближенные для всех носителей русского языка.

Дохристианский символ матери сырой земли скрыт у М.И. Цветаевой в признаках пашни. Тела солдат, павших на поле сражения, уходят в землю, как семена:

(49) Солдаты! До неба – один шаг: / Законом зерна – в землю! (На красном коне).

Жизнь циклична. Родился человек из лона матери и уходит после своей смерти в лоно земли.

Упомянутая выше метафора нити жизни понимается М. Цветаевой своеобразно – море, символизирующее для поэтессы смерть, связано с землей, от которой человек тоже не получает защиты:

(50) Шов, а не перевязь, шов – не щит. / – О, не проси защиты! – / Шов, коим **мертвый к земле пришит**, / Коим к тебе пришита (Поэма Конца).

Связь земли и человека в русской лингвокультуре представлена терминами родства – *земля-матушка*. Перестав быть плодородной – родной, земля предстает глиной жидкой, когда разверзлись хляби небесные и мир погрузился в хаос:

(51) Сапогом судьбы, / Слышишь – по **глине жидкой**? (Поэма Конца).

В 1921 г. пишется поэма «На красном коне», где звучат такие строки:

(52) Не Муза, не Муза, – не бранные узы / Родства, – не твои пути, / О Дружба! – Не женской рукой, – лютой, / Затянут на мне – / Узел (На красном коне).

Параллельно с традиционными для русской лингвокультуры смыслами *родственных уз, пут*, затрудняющих движение вперед, мы встречаем авторские эпитеты: узы родства – *бранные, пути Музы*, петля, затянутая лютой, не женской рукой, – *узел*. Нити, соединяющие людей в этом мире, не продолжают канву узора ткани жизни, а, завязываясь в узел, завершают этап творения-творчества, знаменуют переход в иной мир.

В произведениях М. Цветаевой часто обыгрываются пересекающиеся мыслеобразы: Море – морская – Марина. Первоначально море для поэтессы – это неведомая земля, познание которой даст возможность обретения внутренней целостности:

(53) – Свидимся – не знаю, но – споемся! / С мне-самой **неведомой землею** – / С целым морем, Райнер, с целой мною! (Новогоднее).

Самопознание начинается с самоидентификации – с имени.

Позже М.И. Цветаева стала противопоставлять горам море, которое она невзлюбила. В творческом наследии поэтессы символы горы и моря приобрели полярный смысл. В своем письме Борису Пастернаку от 25 мая 1926 г. она пишет: «Есть вещи, от которых я в постоянном состоянии отречения: море, любовь. Океан, как монарх, как алмаз: слышит только того, кто его не поет. А горы благодарны (божественны)» (Пастернак Борис, Цветаева Марина. Чрез лихолетие эпохи...).

Земля, Россия, Родина – равноположенные символы русской лингвокультуры, мир родных и близких людей – для поэтессы имеют особый цвет:

(54) Сын **голубейшей из отчизн!** (Чародей).

Голубой – цвет воды и неба. Небо отражается в воде и символизирует свободу, ширь, отсутствие границ. Мир Отчизны после революции окрашивается в другой цвет – цвет

крови. Красный цвет обретает значение жертвенности. На предстоящую смерть указывают знамена – знаки с небес, встает необычной формы алая – кровавая – заря:

(55) **Разломано небо!** – Благой знак: / **Заря кровавнит** шлем мой! (На красном коне).

Красный цвет – это и цвет пожара, в котором сгорел родной дом:

(56) Грязь явственно сожжена! / Дом – красная бузина! (Поэма лестницы).

Огонь обретает смысл очищения от грязи, скверны, греха. Вот только сожженный дом не будет заново отстроен и заселен. Сгоревший дом – умерший. Люди, жившие в этом доме, тоже как будто умирают:

(57) Есть взамен пожизненной / Смерти – жизнь посмертная! (Поэма лестницы).

Где строить новый дом, если вся Родина в революционном огне? Где скитальцам, покинувшим родную землю, строить свой дом, если земля – чужая?

Третья составляющая вертикали – «земля подземная»⁷. Христианская составляющая русской лингвокультуры характеризуется такими признаками подземной земли, как ‘прах’ и ‘могила’.

В поэме «Чародей», написанной в 1914 г., важным символом земли для поэтессы становятся похороны. Мать Марины Ивановны Цветаевой – Мария Александровна Мейн – ушла из жизни в 1906 г., когда дочери было 14 лет. Земля для поэтессы в этот период представляется не цветущим садом, а могилой матери:

(58) Мать **под землей**, отец в Каире... / Еще какое-то пятно! / Уже ничто смешное в мире / Нам не смешно (Чародей).

Смерть близких заставляет по-взрослому взглянуть на мир и свою жизнь. Из-под ног детей ушла земля, которая всегда была опорой, символом незыблемости и нерушимости мира:

(59) Наш **мир** – до призрачности **зыбкий**... (Чародей).

Земля – символ опоры, устойчивости (*крепко стоять на земле*) – меняется. В жизни молодой поэтессы все изменилось: исчезла стабильность, четкость видения, появились призрачность и иллюзорность из-за непонимания своего будущего, мешающие твердо стоять на ногах. Переход в другой мир – мир, из которого сначала уходит мать, самый близкий и дорогой человек, а потом уходит и Родина, родная земля-матушка, – описывается поэтессой метафорами сотрясения, вала и моста. При этом мост и вал несут в себе символику перехода, границы между мирами:

(60) **Мост** ли **дрожит**, я ли – **дрожу**? (На красном коне);

крови и стога:

(61) Кровь или **вал** – **стонет**? (На красном коне).

Метафора землетрясения будет и позже использоваться М.И. Цветаевой для описания душевного потрясения, скорби, сердечных переживаний, скрывааемых от окружающих:

(62) Рассказать, как про твою узнала? / **Неземлетрясение**, не лавина. / Человек вошел – любой – (любимый – / Ты). – Прискорбнейшее из событий. / – В Новостях и в Днях (Новогоднее).

Исчезновение из этого мира в русской лингвокультуре осмысливается как достижение конца пути. Дорога – это жизненный путь (традиционная для русского языка метафора). Прошедший свой жизненный путь уже не оставляет следы на земле, его следы остывают:

(63) Вы... / Чьей матери **остыл** и **след**... (Чародей).

Мир сестер Цветаевых после ухода матери превратился в бездну невысказанных слов:

(64) Вы, в ком поет, // И жалуется, и томится / Вся **несказанная земля!** / Вы, розы, вы, ручьи, вы, птицы, / Вы, тополя – // Вы, мертвых Лазарей из гроба / Толкающие в зелень лип, / Вы, без кого давным-давно бы / Уже погиб (Чародей).

Можно ли дочерям повторить чудо Иисуса Христа, поднявшего мертвого Лазаря на чет-

вертый день из гроба, воскресившего его к новой жизни? О похороненной матери томится сердце и душа ее детей. Много-много раз символизм утраты будет возникать в творчестве поэтессы.

Символизм ухода из жизни читается в признаках Сорокоуста – когда сорок дней после смерти в молитвах поминаются ушедшие на тот свет:

(65) Как рокот Сорокоуста / Метель взмелась: / Престол опрокинут! – Пусто! / Как в **землю** сгас! (На красном коне).

Душа, горящая в груди человека как искра божия, гасится после похорон. Традиционно в русской лингвокультуре считалось, что тело уходит в землю (где покоится с миром) как тлен, а душа уносится к Богу – там ее родина. Однако у М. Цветаевой мы встречаем иной взгляд: душа гасится вместе с похороненным телом (*сгас*).

Концептуализация земли как могилы, знаменующей уход в мир иной – подземный, реализуется в цветаевских поэмах посредством когнитивных признаков ‘рва’, ‘захоронения’, ‘смерти’, ‘прихода гения / тени за душой умершего’. Одним из способов актуализации является выражение *чернота рва*, которое отсылает читателя к образу могилы, общей для коллективно похороненных в ней людей:

(66) Сей страшен союз. – **В черноте рва** / Лежу – а Восход светел. / О, кто невесомых моих два / Крыла за плечом – / Взвесил? (На красном коне).

Цветаевское описание смерти как ухода в подземный мир отражает философское ее восприятие: через дихотомию образов и краткость языковых форм достигается сложнейший смысл сосуществования тьмы и света – смерти и жизни (*чернота – рва, восход – светел*), брэнности тела и божественной сути человека (*за плечом – два крыла невесомых*).

Поэтесса пишет:

(67) Немой соглядатай / Живых бурь – / Лежу – и слежу // Тени. Доколе меня / Не умчит в лазурь / На красном коне – / Мой Гений! (На красном коне).

М. Цветаева продолжает авторский смысловой ряд. Символы смерти – немота и

тени: умершие при переходе из этого мира в иной не могут говорить, но еще могут видеть живых (*Немой соглядатай живых бурь*) и уже могут видеть мертвых (*слежу тени*), духи умерших называются *теньями*. Умерший обездвижен (*лежу*), его способы восприятия ограничены (*слежу*). Состояние перехода из одного мира в другой имеет предел: его завершает приход гения – духа-покровителя из древнеримской мифологии. Он забирает душу умершего и уносит его на красном коне на небо (*умчит в лазурь*).

VII. Авторское видение получают в произведениях М. Цветаевой разные мифологические и религиозные мотивы, связанные с землей. Известный миф об Атланте, держащем на своих плечах небесный свод, чтобы он не рухнул на землю и не уничтожил на ней жизнь, в «Поэме Горы» описывается поэтически иначе. На это указывают авторские когнитивные признаки горы в цветаевских контекстах. Гора – это горб на спине Атланта:

(68) Та **гора** была, как **горб** / Атласа, титана стонущего (Поэма Горы).

Горба люди обычно стыдятся. Однако горами принято гордиться:

(69) Той **горою будет горд** / Город, где с утра и дó ночи мы // Жизнь свою – как карту бьем! (Поэма Горы).

Каждый из нас несет не свой крест, как Иисус в Библии, а имеет свою ношу – гору на плечах:

(70) **Вздогнешь – и горы с плеч**, / И душа – **горé**. / Дай мне о горé спеть: / О моей горé! (Поэма Горы).

Посредством выражения *душа – горé* поэтесса отсылает к церковнославянскому *возвещати очи горé* со значением «поднять глаза вверх». *Душа – горé* означает в данном случае «душа в небо». В этом же контексте выражение *Вздогнешь – и горы с плеч* сама М.И. Цветаева поясняет дальше так:

(71) Горе началось с горы. / Та **гора** на мне – **надгробием** (Поэма Горы),

то есть вместо этого камня (горы на мне) будет плоский (плита). Гора – это камень.

А камень – символ смерти. На могиле в России по традиции ставят камень.

В произведении М.И. Цветаевой гора описывается соматической метафорой, скрывающей в себе миф о жертве небу:

(72) Хрип – и громopodobный рёв / **Грудь горную рассек.** / Как Первенца его воздев, / Встает как сам Набег (На красном коне).

В скандинавской мифологии встречается мотив принесения в жертву первочеловека Имира, из тела которого был создан весь мир – земля и небесные объекты. В славянской мифологии есть похожий миф о сотворении мира из частей Бога, рассказанный в Голубиной книге: «В дохристианской (славянской, скандинавской) концепции утверждалось, что сотворение мира происходило путем жертвоприношения, когда каждая частица жертвы была основой для создания явлений мира – Бог, или Первочеловек, “растворился” в мире» (цит. по: [Пименова, 2007, с. 235]). Однако у М.И. Цветаевой мы встречаем авторское видение мифа о сотворении мира.

Оппозиции «гора – земля» М.И. Цветаева противопоставляет свою: «гора – море». Море концептуализируется признаками смерти, которые актуализируются метафорами жерновов:

(73) Мельня ты мельня, морское коло! / Мамонта, бабочку, – все смололо / Море. О нем – щепоть / Праха – не нам молоть! (С моря).

То, что остается после всего живого – это прах. Прах от праха – метафора сотворенного человека, взятая из Библии, – у М.И. Цветаевой расширяется до представления о всем живом (*Мамонта, бабочку*). Метафора круга жизни как мельницы, жернова которой производят муку – муку, часто встречаемая в русской поэзии, у поэтессы реализует иные смыслы. Круг жизни – это морское коло, мельница – это море (*Мельня ты мельня... / ...все смололо / Море*). Сопоставим размеры человека и Бога, если для сотворения человека нужна всего щепоть праха. О круге жизни – смерти человек судить не может (*не нам молоть!*). Этот контекст включает стертые метафоры: Бог – это и мельник (*...морское коло! / Мамонта, бабочку, – все смололо... / ...не нам молоть!*), и кузнец (глагол *молоть* и суще-

ствительное *молот* этимологически родственны).

У поэтессы отмечено еще несколько символов земли, характерных для русской лингвокультуры. Выражение *глаза долу* – в землю – символизирует скромность:

(74) А **глаза** почему у них / **В землю?** Во-первых – **скромность...** (Крысолов).

Вероятно, мы встречаемся с христианским пониманием правильного поведения человека в этом мире (глаза долу, душа горé).

Земля и небо – оппозиция вертикального пространства. Земля символизирует естественную пространственную точку самого низа. *Осесть до земли* означает «низко присесть»:

(75) – В Москву! – В Карлсбад! / – У меня оседает зад. / – У меня, по утрам, прострел. / – У меня – так совсем **осел / До земли...** (Крысолов).

После отъезда поэтессы с Родины происходит ее знакомство с иной культурой. У символа земли появляются когнитивные признаки государственности, места обитания и сопутствующие им ассоциативные признаки:

(76) – Ти-ри-ли – / – По расадам **германской земли.** / – Ти-ри-рам – / По ее городам / – Красотой ни один не оставлен – // Прохожу, / Госпожу свою – Музыку – славлю (Крысолов); – Грету? Не Греты у нас и нет: / **В землях живем германских.** / В городе Гаммельне столько ж Грет, / Сколько, к примеру, Гансов (Крысолов).

Поэтическое наследие М.И. Цветаевой в аспекте мифов и символов родной культуры требует дальнейшего своего осмысления.

Выводы

Символизм земли у Марины Ивановны Цветаевой напоминает древнюю традицию «плетения словес» [Зубова, 1985], понимать которые могли только знающие – осознающие. Анализ макроконцепта «земля» посредством выявления концептуальных символических признаков позволил раскрыть смыслы, скрытые в переплетенных сюжетных линиях цветавских поэм.

М. Цветаева использует образы из разных мифологий: славянской (Дажьбог – из частей его тела образован мир), скандинавской (Имир – первочеловек, принесенный в жертву богами ради создания мира-земли), древнегреческой (Атлант, держащий на своем горбу-горе небо). Образ Бога у М. Цветаевой восходит не к Библии, где используется гончарная метафора сотворения человека из глины / праха земного: он – великан, мельник и кузнец.

Символы земли у М. Цветаевой можно разделить на 2 блока:

– **традиционные для русской лингвокультуры символы**, в которые вошли как дохристианские (включая древнерусские и скандинавские), так и христианские символы: 1. Земля – место обитания, проживания (голубая Отчизна, дом, семья). 2. Земля – опора, символ незыблемости и нерушимости мира (твердыня). 3. Земля – нижняя точка пространственной вертикали (соотносимая с первой частью оппозиций: земля – небо, земля / человек – бог). 4. Земля – христианский символ скромности. 5. Земля – символ смерти / праха / тлена. 6. Соль земли – символ талантливых, одаренных людей;

– **индивидуально-авторские поэтические символы**: 1. Земля – скала / камень. 2. Земля – гора. 3. (Неведомая) земля – море. 4. (Новая) земля – воздух. 5. Кровь земли – талантливые, одаренные люди / жертва.

Указанные символы связаны с мифами и традициями христианского поведения, ритуальной практикой похорон, категориями культуры (пространственной вертикалью, цветовым спектром, а также бытом, укладом, устоями, ритуалами). Символом мира на земле у М. Цветаевой является голубой цвет мирного неба и воды. Красный цвет выступает символом огня, революционного пожара, горящего дома и покидаемой родной земли.

Метафора нити, широко используемая в русской лингвокультуре, выражает утраченные знания о Великой Богине-Матери – ее образ читается в мифологеме *мать сыра земля*. Великая Богиня-Мать – Великая Пряха, ткущая ткань судьбы своих детей – своего народа. У М. Цветаевой метафора нити переосмысливается: муза-вдохновительница поэтессы связывает ее путями; брачные узы и узы род-

ства – временные, бранные; узел-петля, наброшенная на шею женщины, затянута не женской (а чьей?) лютой рукой, следовательно, и смерть с косой – традиционный для русской лингвокультуры образ смерти – у М. Цветаевой не наш, чужой (лютым русские называют врага, беса); творчество прекращается завязыванием конечного узла в канве жизни.

Авторские воззрения на душу человека у М. Цветаевой тоже своеобразны. Тело после смерти уходит в землю, как прах от праха, и огонь – искра души – гасится при захоронении тела. Душа – не бессмертна? Огонь души гасит земля. Из земли первочеловек создан, в землю каждый рожденный человек уйдет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Символ земли-матери широко представлен в стихотворениях М. Цветаевой признаками ‘рождение’: *А в этот же час, на земле этой самой / Небесную музыку слушают дамы / В шелках и напитки небесные тянут / Из рюмок... Ответную музыку даме: / – За винтиком винтик, шуруп за шурупом, – / Скрываем за стиснутыми зубами. <...> / Мы, женщины, слышим **рождающую землю!** Мы, женщины, помним о собственном лоне!* (Песня о работнице) – и ‘кормление’: *От сладостей земных – Мечта еще жесточе! / Мечта, извечный дуб, питаемый землей! / Чем выше ты растешь, тем ты страстнее хочешь / Достигнуть до небес с их солнцем и луной* (Плавань). Символизм земли-матери реализуются посредством гендерными метафор родства: *И несколько умов, любовников Безумья, / Решивших сократить докучный жизни день / И в опия морей нырнувших без раздумья, – / Вот Матерей-Земли извечный бюллетень!* (Плавань). У М. Цветаевой люди – это дети Земли: *Блаженны дочерей твоих, Земля, / Бросавшие для боя и для бега. / Блаженны в Елисейские поля / Вступившие, не обольстившись негой* (Хвала Афродите); *Я увидал монахинь бледных, / Земли отверженных детей, / И в их молитвах заповедных / Я уловил пожар страстей* (В Кремле).

² Богатырь – надежда и опора земли русской – силы свои берет от нее: *Лежит ничком наглец, / Прах-землю лопает. / Что в ледоход гребец, / Плечми работает* (Егорушка).

³ Цветаевская земля, являясь одной из перво стихий (огонь, вода, воздух, земля), в стихотворениях переосмысливается в категориях других стихий, например огня: *И вот исчез, в черную ночь исчез, / – Как некогда Иосиф, плащ свой бросив. / Гляжу*

на плащ – черного блеска плащ, / *Земля (горит), а сердце – смерти просит* (И вот исчез, в черную ночь исчез...); *Елисейские Поля: ты да я. / И под нами – огневая земля* (Елисейские Поля: ты да я...) – или воздуха / ветра: *Может, туча из недр морских вынесет на горизонт / Эту землю – как бурю, задержанную в полете* (Горизонт).

⁴ В стихотворениях наблюдается прямая связь между небом и землей: *Стою на искрящейся травке, / Под небом, пахнущем землей* (Мельница); *Меж нами не версты / Земные, – разлуки / Небесные реки, лазурные Земли, / Где друг мой навеки уже – / Неотъемлем* (Все круче, все круче...); – *Насмарку твой стих! / На стройку твой лес / Столетний! / – Не верь, сын! / И вместо земных / Насильных небес – / Небесных земель / Синь* (Насмарку твой стих!..).

⁵ В стихотворениях представление о среднем мире, где живут люди, относят к древнему мифу о земле плоской формы, у которой есть края: *С тенями по самый край // Земли. / Всю, всю покроем / Телами – вслед теням! / Делами! Полк – покоем* (Выход).

⁶ В стихотворениях этот список дополняется признаком домашнего быта ‘кровать’: *Нам бессонница не бремя, / Отродясь китим в котле. / Так-то лучше. Будет время / Телу выспаться в Земле* (Поздний свет тебя тревожит?..); признаком традиций русского народа ‘гостеприимство’: *А этот колокол там, что кремлевских тяжеле, / Безостановочно ходит и ходит в груди, – / Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – должно быть – / Мне загоститься не дать на российской земле!* (Руки даны мне – протягивать каждому обе...); признаком покидания дома-земли: *Отступились сердца от меня! / Отвернулись друзья и родня! / Опустела живому земля... / Иль боятся те люди меня? (Отступились сердца от меня!..); На этой земле я невольный жилец, / Зато самовольно ее не оставляю! / Единственный долг мой – прожить как боец / И мир целовать огневymi устами* (Исповедь).

⁷ Подземный мир в русской лингвокультуре представляет собой некое вместилище с соответствующими дименсиональными и категориальными характеристиками: *глубина земли, дно земли, опустить в землю, уйти в землю, под землей* и т. д. Все когнитивные признаки «подземной земли» в стихотворениях М. Цветаевой ассоциируются со смертью: *Только этим и страшна мне / Смерть, глубокая земля, / Что под камнем не слышна мне / Будет песня соловья* (Этери); *И падает шелковый пояс / К ногам его – райской змеей... / А мне говорят – успокоюсь / Когда-нибудь, там, под землей* (И падает шелковый пояс...); *Уж ветер стелется, уже земля в росе, / Уж скоро звездная в небе застынет вьюга, / И под землю скоро уснем мы все, /*

Кто на земле не давали уснуть друг другу (Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!..) – или *Деревом Мирowym: С листья молодой игрой / Над бровью, с живой корою, / С слезами живой смолы, / С корнями до дна земли!* (Мой письменный верный стол...).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров В. Ю., 1983. Фольклорно-песенные мотивы в лирике Марины Цветаевой // Русская литература и фольклорная традиция : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Н. Медриш. Волгоград : Изд-во ВГПИ. С. 103–112.
- Афанасьева Н. А., Шишкина О. Ю., 2002. Мифология и архетип в языковой модели мира М. Цветаевой // На путях к постижению М. Цветаевой : сб. докл. IX Цветаевской Междунар. науч.-темат. конф. (г. Москва, 9–12 окт. 2001 г.). М. : Дом-музей М. Цветаевой. С. 378–385.
- Бабенко И. И., 2000. Семантические преобразования лексемы *вероломство* в поэтических текстах М.И. Цветаевой // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте / под ред. Н. С. Болотновой. Томск : ЦНТИ, 2000. С. 125–132.
- Безменова С. А., 1985. Поэма М. Цветаевой «На красном коне»: (к проблеме жанра) // Художественное творчество и литературный процесс. Томск : Изд-во Том. ун-та. Вып. 7. С. 114–126.
- Береговская Э. М., 1998. Синтаксические фигуры в лирике Марины Цветаевой // Речевое общение : (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Вып. 7. С. 56–64.
- Беспалова О. Е., 2002. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 24 с.
- Бобров А. А., 2008. Серебряный век Подмосковья. М. : Алгоритм. 320 с.
- Боровикова М., 2007. Литературная биография Цветаевой: полемический аспект // Русская филология : сб. науч. работ молодых филологов. Тарту : Тартуский ун-т. Вып. 18. С. 73–78.
- Вахтель Н. М., 2002. Стилистические фигуры в поэзии Марины Цветаевой // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 1. С. 28–41.
- Волкова Е. В., 2018. Эволюция концепта ФРАНЦИЯ в индивидуально-авторской картине мира М.И. Цветаевой: 1910–1920 годы // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков : сб. науч. ст. / под общ. ред. М. В. Пименовой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ. С. 263–268.

- Гачев Г. Д., 1995. Национальные образы мира. Космо – Психо – Логос. М. : Прогресс : Культура. 480 с.
- Головей М. Г., 2011. Музыка в бытийном пространстве М.И. Цветаевой и А.И. Цветаевой // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». № 3. С. 177–180.
- Голубиная книга: Русские народ. духовные стихи XI–XIX вв., 1991 / сост. вступит. ст. примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. – М. : Моск. рабочий. – 351 с.
- Дутбаева С. С., 2019. Лингвокультурологические особенности образов небесного мира в русской поэзии 90-х годов XX века // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 21, № 4. С. 1095–1104.
- Зубова Л. В., 1985. Традиции стиля «плетение словес» у Марины Цветаевой («Стихи к Блоку», 1916–1921 гг., «Ахматовой», 1916 г.) // Вестник Ленинградского государственного университета. № 9. С. 47–52.
- Колесов В. В., 1992. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. № 2. С. 3–40.
- Маслова В. А., 2000. Марина Цветаева: над временем и тяготением. Минск : Экономпресс. 224 с.
- Маслова В. А., 2017. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. М. : ФЛИНТА. 254 с.
- Мошина Е. А., 2019. Мифологические параллели в метафорах земли в авторской картине мира М.И. Цветаевой // Языки и культура народов России и стран СНГ : сб. ст. / под общ. ред. М. В. Пименовой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ. С. 91–96. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры»; вып. 17).
- Пименова М. В., 2007. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово : КемГУ. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования» ; вып. 9).
- Пименова М. В., 2011. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта *творчество*) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения : сб. ст. памяти проф. Евгения Александровича Пименова / отв. ред. М. В. Пименова. М. : ИЯ РАН. С. 65–83. (Серия «Концептуальные исследования» ; вып. 15).
- Пименова М. В., Волкова Е. В., 2018. Концепт *Франция* в индивидуально-авторской картине мира М.И. Цветаевой // Гуманитарный вектор. Т. 13, № 1. С. 105–111.
- Саакянц А. А., 1997. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М. : Эллис Лак. 816 с.
- Стенина Н. А., 2004. Чешское окружение М. Цветаевой // «Чужбина, родина моя!» : Эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой : сб. докл. XI Междунар. науч.-темат. конф. (Москва, 9–12 окт. 2003 г.). М. : Дом-музей Марины Цветаевой. С. 32–41.
- Фейлер Л., 1998. Марина Цветаева : пер. с англ. Ростов н/Д : Феникс. 416 с.
- Швейцер В. А., 1992. Быт и Бытие Марины Цветаевой. М. : Интерпринт. 544 с.
- Швейцер В. А., 2002. Марина Цветаева. М. : Молодая гвардия. 591 с.
- Шевеленко И. Д., 2015. Литературный путь Цветаевой: идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи. М. : НЛЮ. 448 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Краткий церковнославянский словарь. URL: <https://slovar.cc/rel/cerkov/2320927.html> (дата обращения: 04.11.2019).
- Пастернак Борис, Цветаева Марина. Чрез лихолетие эпохи... Письма 1922–1936 гг. URL: <https://books.google.ru/books?id=q7kTDgA AQBAJ&pg> (дата обращения: 03.11.2019).
- Цветаева М. И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Стихотворения. Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М. : Эллис Лак, 1994. 592 с.
- Цветаева М. И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 3. Поэмы. Драматические произведения / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М. : Эллис Лак, 1994. 816 с.
- Цветаева М. И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. Письма / вступ. ст. А. Саакянц ; сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М. : Эллис Лак, 1995. 800 с.
- Эфрон А. С., 1998. О Марине Цветаевой : Воспоминания дочери. М. : Совет. писатель. 480 с.

REFERENCES

- Aleksandrov V.Yu., 1983. Folkloro-pesennye motivy v lirike Mariny Tsvetaevoy [Folklore-Song Motifs in the Lyrics of Marina Tsvetaeva]. Medrish D.N., ed. *Russkaya literatura i folklornaya traditsiya: sb. nauch. tr.* [Russian Literature and Folklore Tradition. Collection of Scientific Works]. Volgograd, Izd-vo VGPI, pp. 103-112.
- Afanasyeva N.A., Shishkina O.Yu., 2002. Mifologema i arkhetyp v yazykovoy modeli mira M. Tsvetaevoy [The Mythologeme and Archetype in the Language Model of the World

- of M. Tsvetaeva]. *Na putyakh k postizheniyu M. Tsvetaevoy: sb. dokl. IX Tsvetaevskoy Mezhdunar. nauch.-temat. konf. (Moskva, 9–12 okt. 2001 g.)* [On the Ways to Comprehend M. Tsvetaeva. Proceedings of the 9th Tsvetaeva International Scientific and Thematic Conference (Moscow, October 9–12, 2001)]. Moscow, Dommuzei M. Tsvetaevoy, pp. 378–385.
- Babenko I.I., 2000. Semanticheskie preobrazovaniya leksemy *verolomstvo* v poeticheskikh tekstakh M.I. Tsvetaevoy [Semantic Transformations of the Lexical Unit *Verolomstvo* in the Poetry Texts of M.I. Tsvetaeva]. Bolotnova N.S., ed. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty slova v khudozhestvennom tekste* [Communicative-Pragmatic Aspects of a Word in a Literary Text]. Tomsk, TsNTI, pp.125–132.
- Bezmenova S.A., 1985. Poema M. Tsvetaevoy «Na krasnom kone»: (k probleme zhanra) [The Poem of M. Tsvetaeva “On the Red Horse”: (On the Problem of the Genre)]. *Khudozhestvennoe tvorchestvo i literaturnyy protsess* [Artistic Creation and Literary Process]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, iss. 7, pp. 114–126.
- Beregovskaya E.M., 1998. Sintaksicheskie figury v lirike Mariny Tsvetaevoy [Syntactic Figures in the Lyrics of Marina Tsvetaeva]. *Rechevoe obshchenie: (Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya)* [Speech Communication (Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication)], iss. 7, pp. 56–64.
- Bespalova O.E., 2002. *Kontseptosfera poezii N.S. Gumileva v ee leksicheskoy predstavlenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Concept Sphere of N.S. Gumilev’s Poetry in Its Lexical Representation. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 24 p.
- Bobrov A. A., 2008. *Serebryanyy vek Podmoskovyia* [Silver Age of Moscow Region]. Moscow, Algoritm Publ. 320 p.
- Borovikova M., 2007. Literaturnaya biografiya Tsvetaevoy: polemicheskyy aspekt [Literary Biography of Tsvetaeva: A Polemical Aspect]. *Russkaya filologiya: sb. nauch. rabot molodykh filologov* [Russian Philology. Collection of Scientific Works of Young Philologists]. Tartu, Tartuskiy universitet, iss. 18, pp. 73–78.
- Vakhtel N.M., 2002. Stilisticheskie figury v poezii Mariny Tsvetaevoy [Stylistic Figures in the Poetry of Marina Tsvetaeva]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities], no. 1, pp. 28–41.
- Volkova E.V., 2018. Evolyutsiya kontsepta FRANTsIYa v individualno-avtorskoy kartine mira M.I. Tsvetaevoy: 1910–1920 gody [The Evolution of the FRANCE Concept in the Individual Author’s Picture of the World of M.I. Tsvetaeva: 1910–1920]. Pimenova M.V., ed. *Novoe v lingvistike i metodike prepodavaniya inostrannykh i russkogo yazykov: sb. nauch. st.* [New in Linguistics and Methods of Teaching Foreign and Russian Languages. Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGEU, pp. 263–268.
- Gachev G.D., 1995. *Natsionalnye obrazy mira. Kosmo – Psikhos – Logos* [National Images of the World. Cosmo – Psycho – Logos]. Moscow, Progress Publ., Kultura Publ. 480 p.
- Golovey M.G., 2011. Muzyka v bytiynom prostranstve M.I. Tsvetaevoy i A.I. Tsvetaevoy [Music in the Life Space of M.I. Tsvetaeva and A.I. Tsvetaeva]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»* [Herald of Tver State University. Series: Philology], no. 3, pp. 177–180.
- Golubynaya kniga: Russkie narod. dukhovnye stikhi XI–XIX vv.*, 1991 [Pigeon Book. Russian Folk Spiritual Poems of the 11th – 19th Centuries]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ. 351 p.
- Dutbaeva S.S., 2019. Lingvokulturologicheskie osobennosti obrazov nebesnogo mira v russkoy poezii 90-kh godov XX veka [Linguoculturological Features of the Images of the Celestial World in the Russian Poetry of the 1990’s]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 21, no. 4, pp. 1095–1104.
- Zubova L.V., 1985. Traditsii stilya «pletenie sloves» u Mariny Tsvetaevoy («Stikhi k Bloku», 1916–1921 gg., «Akhmatovoy», 1916 g.) [Traditions of the Style “Weaving Words” by Marina Tsvetaeva (“Poems to Blok”, 1916–1921, “To Akhmatova”, 1916)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Leningrad State University], no. 9, pp. 47–52.
- Kolesov V.V., 1992. Kontsept kultury: obraz – ponyatie – simvol [Culture Concept: Image – Concept – Symbol]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2* [Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 2], no. 2, pp. 3–40.
- Maslova V.A., 2000. *Marina Tsvetaeva: nad vremenem i tyagoteniem* [Marina Tsvetaeva: Over Time and Gravity]. Minsk, Ekonompress Publ. 224 p.
- Maslova V.A., 2017. *Poet i kultura: kontseptosfera Mariny Tsvetaevoy* [Poet and Culture: The Concept Sphere of Marina Tsvetaeva]. Moscow, FLINTA Publ. 254 p.
- Moshina E.A., 2019. Mifologicheskie paralleli v metaforakh zemli v avtorskoy kartine mira M.I. Tsvetaevoy [Mythological Parallels in the

- Metaphors of the Earth in the Author's Picture of the World of M.I. Tsvetaeva]. Pimenova M.V., ed. *Yazyki i kultura narodov Rossii i stran SNG: sb. st.* [Languages and Culture of the Peoples of Russia and the CIS Countries. Collected Articles]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGEU, pp. 91-96. (Seriya «Kontseptualnyy i lingvalnyy miry» [Series "Conceptual and Linguistic Worlds"], iss. 17).
- Pimenova M.V., 2007. *Kontsept serdtse: obraz, ponyatie, simbol* [Concept Heart: Image, Concept, Symbol]. Kemerovo, KemGU. 500 p. (Seriya «Kontseptualnye issledovaniya» [Series "Conceptual Research"], iss. 9).
- Pimenova M.V., 2011. Simvolicheskie kontsepty kak chast kontseptualnoy sistemy (na primere kontsepta tvorchestvo) [Symbolic Concepts as Part of a Conceptual System (Using the Concept of Creativity as an Example)]. Pimenova M.V., ed. *Kognitivnaya lingvistika: novye paradigmy i novye resheniya: sb. st. pamyati prof. Evgeniya Aleksandrovicha Pimenova* [Cognitive Linguistics: New Paradigms and New Solutions. Collection of Articles in Memory of Prof. Evgeny Aleksandrovich Pimenov]. Moscow, IYa RAN, pp. 65-83. (Seriya «Kontseptualnye issledovaniya» [Series "Conceptual Research"], iss. 15).
- Pimenova M.V., Volkova E.V., 2018. Kontsept Frantsiya v individualno-avtorskoy kartine mira M.I. Tsvetaevoy [Concept FRANCE in M.I. Tsvetaeva's Individual Author's Picture of the World]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian Vector], vol. 13, no. 1, pp. 105-111.
- Saakyants A.A., 1997. *Marina Tsvetaeva. Zhizn i tvorchestvo* [Marina Tsvetaeva. Life and Creation]. Moscow, Ellis Lak Publ. 816 p.
- Stenina N.A., 2004. Cheshskoe okruzhenie M. Tsvetaevoy [The Czech Environment of M. Tsvetaeva]. «Chuzhbina, rodina moy!»: *Emigrantskiy period zhizni i tvorchestva Mariny Tsvetaevoy: sb. dokl. XI Mezhdunar. nauch.-temat. konf. (g. Moskva, 9–12 okt. 2003 g.)* ["Foreign Land, My Homeland! Emigrant Period of Life and Work of Marina Tsvetaeva"]. Proceedings of the 11th International Scientific and Thematic Conference (Moscow, October 9–12, 2003)]. Moscow, Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy, pp. 32-41.
- Feiler L., 1998. *Marina Tsvetaeva: per. s angl.* [Marina Tsvetaeva. Translated from English]. Rostov-on-Don, Feniks Publ. 416 p.
- Shveitser V.A., 1992. *Byt i Bytie Mariny Tsvetaevoy* [Life and Existence of Marina Tsvetaeva]. Moscow, Interprint Publ. 544 p.
- Shveitser V.A., 2002. *Marina Tsvetaeva* [Marina Tsvetaeva]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ. 591 p.
- Shevelenko I.D., 2015. *Literaturnyy put Tsvetaevoy: ideologiya, poetika, identichnost avtora v kontekste epokhi* [The Literary Path of Tsvetaeva: Ideology, Poetics, the Author's Identity in the Context of the Era]. Moscow, NLO Publ. 448 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kratkiy tserkovnoslavianskiy slovar* [Brief Church Slavonic Dictionary]. URL: <https://slovar.cc/rel/cerkov/2320927.html> (accessed 4 November 2019).
- Pasternak Boris, Tsvetaeva Marina. Chrez likholetie epokhi... Pisma 1922–1936 gg.* [Boris Pasternak, Marina Tsvetaeva. Through the Hard Times of the Epoch... Letters of 1922–1936]. URL: <https://books.google.ru/books?id=q7kTDgAAQBAJ&pg> (accessed 3 November 2019).
- Saakyants A., Mnukhina L., eds. *Tsvetaeva M.I. Sobranie sochineniy. V 7 t. T. 2. Stikhotvoreniya. Perevody* [Tsvetaeva M.I. Collected Works. In 7 Vols. Vol. 2. Poems. Translations]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. 592 p.
- Saakyants A., Mnukhina L., eds. *Tsvetaeva M.I. Sobranie sochineniy. V 7 t. T. 3. Poemy. Dramaticheskie proizvedeniya* [Tsvetaeva M.I. Collected Works. In 7 Vols. Vol. 3. Poems. Dramatic Works]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. 816 p.
- Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochineniy. V 7 t. T. 6. Pisma* [Tsvetaeva M. I. Collected Works. In 7 Vols. Vol. 6. Letters]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 800 p.
- Efron A.S., 1998. *O Marine Tsvetaevoy: Vospominaniya docheri* [About Marina Tsvetaeva's. Memories of Her Daughter]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ. 480 p.

Information About the Authors

Marina V. Pimenova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Rector, University of the Foreign Languages, 12-ya liniya V.O., 13, 199178 Saint Petersburg, Russia, MVPimenova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Saule S. Dutbaeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology, Atyrau State University named after Kh. Dosmukhamedov, Prosp. Studencheskiy, 212, 060011 Atyrau, Kazakhstan, saule_sergo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7506-279X>

Elena A. Moshina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev, Zakharyevskaya St., 22, 191123 Saint Petersburg, Russia, moshina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9490-657X>

Информация об авторах

Марина Владимировна Пименова, доктор филологических наук, профессор, ректор Института иностранных языков, 12-я линия В.О., 13, 199178 г. Санкт-Петербург, Россия, MVPimenova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Сауле Сергеевна Дутбаева, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры русской филологии, Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, просп. Студенческий, 212, 060011 г. Атырау, Казахстан, saule_sergo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7506-279X>

Елена Анатольевна Мошина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, ул. Захарьевская, 22, 191123 г. Санкт-Петербург, Россия, moshina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9490-657X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.12>

UDC 811.111:82“18”
LBC 81.432.1

Submitted: 17.09.2019
Accepted: 27.03.2020

GERMANIC NOMINATIONS OF BRITISH TITLES AND THEIR FUNCTIONING IN THE 19th CENTURY FICTION TEXTS

Galina T. Bezkorovaynaya

Moscow Polytechnic University, Higher School of Printing and Media Industry, Moscow, Russia

Abstract. The article concerns identification of semantic potential of lexical units with a Germanic origin joined into thematic group “*English titles of nobility*”, and actualization of their meanings in the literary texts of the 19th century. The sources of language material were the works of early Victorian period writers. The undertaken semantic and functional analysis of lexemes *earl, knight, lord / lady* enabled the author to conclude that when they indicate social status of the character depicted in the work of art or are used as an etiquette form of address, they implement direct meaning. It has been noted that alongside with *lord / lady*, the French loanwords *sir / madame* are used as forms of polite address in dialogues between the characters. The lexemes-titles can function in figurative meaning, i.e. *knight* maybe used to indicate valour as one of the main qualities of a noble person of high social status, *Lord* is used to denote the Creator, *lady* – to speak about any woman, as well as a wife, a mistress. The analysis of the data obtained resulted in deduction that in literary texts of the 19th century the meanings of lexemes-titles, comprising thematic group *English Nobility Titles*, can express the following: the noble origin in the name of a person, a polite form of address in communication, nomination of a social status as well as some commonly shared character traits inherent to an aristocratic class representative; nomination of people in accordance with a family status or gender.

Key words: English language, lexeme-title, thematic group, semantics, fiction text, direct meaning, figurative meaning.

Citation. Bezkorovaynaya G.T. Germanic Nominations of British Titles and Their Functioning in the 19th Century Fiction Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 135-143. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.12>

УДК 811.111:82“18”
ББК 81.432.1

Дата поступления статьи: 17.09.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

НАИМЕНОВАНИЯ БРИТАНСКИХ ТИТУЛОВ ГЕРМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА

Галина Тиграновна Безкоровайна

Московский политехнический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению семантического потенциала лексических единиц тематической группы «English titles of nobility» («Титулы английской знати»), которые имеют германское происхождение и реализации их значений в художественных текстах XIX века. Источниками языкового материала стали произведения писателей раннего викторианского периода. В результате семантического и функционального анализа лексем *earl, knight, lord / lady* установлено, что они реализуют прямые значения, указывая на словное положение персонажа художественного произведения, а также используются в этих значениях как этикетные обращения. Показано, что в качестве вежливого обращения в диалогах персонажей, наряду с *lord / lady*, представлены заимствования из французского языка *sir / madame*. Обнаружено, что лексемы-титулы могут функционировать в переносных значениях: *knight* употребляется для номинирования доблести как одного из главных качеств благородного человека высокого социального статуса, *Lord* – Всевышнего, *lady* –

женщины, а также для обозначения жены, хозяйки. Выявлено, что значения лексем-титолов тематической группы «English titles of nobility» в художественных текстах XIX в. могут быть сведены к следующим: наименование лица по его благородному происхождению; вежливое обращение в коммуникации; номинация не только социального положения, но и некоторых общих черт характера, присущих представителю аристократического сословия; именование лиц по гендерному признаку или в соответствии с семейным положением.

Ключевые слова: английский язык, лексема-титул, тематическая группа, семантика, художественный текст, прямое значение, переносное значение.

Цитирование. Безкорвайная Г. Т. Наименования британских титулов германского происхождения и их функционирование в художественных текстах XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 135–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.12>

Введение

Для английского социума чрезвычайно важно сословное происхождение человека и его положение в обществе. Именно потому в составе семантического поля *gentleness / nobleness* (благородство / знатность) особое место занимает тематическая группа (далее – ТГ) «English titles of nobility» («Титулы английской знати»). Лексические единицы, входящие в нее, неоднородны по происхождению: большую часть составляют слова французского происхождения, меньшую – слова германской этимологии.

Сословное деление в Британии имеет длительную историю. Оно существовало и до нормандского вторжения 1066 г., с которого началось полное завоевание Британии норманнами, поэтому в английском языке есть ряд номинаций титулов, которые имеют германское происхождение. Историки и культурологи, анализируя средневековые тексты, находят в них описания социального устройства того времени с использованием, например, лексем *earl, lord, lady, knight*. К VI в. на территории Британии появляются англосаксонские королевства [Англосаксонская хроника, 2010, с. 8]. Нормандскому завоеванию на Британских островах предшествовало датское правление. К.В. Ривчак пишет о том, что англо-датскую элиту составляли местные правители с титулом эрла (*earl*). Его исследование терминологии различных источников показало, что датское завоевание стало рубежом, после которого титул *eogil* начал вытеснять характерный для англосаксонских правителей титул *seogol* [Ривчак, 2012, с. 68]. В XI в. с приходом на британские острова норманнских завоевателей в древнеанглийском языке, особенно в лексике, происходят существенные

трансформации, которые обусловлены не только навязыванием знати общения на норманнском диалекте французского языка, но и тем, что изменяется общественно-политическое устройство страны. Именно тогда для наименования титулованных особ стали использоваться слова французского происхождения: *duke, vicont, count, sir, esquire, baron, marquise, prince, gentleman*. Ассимилировавшись в английском лексиконе, они по-прежнему находятся в употреблении, поскольку «нельзя недооценивать косвенного влияния долголетнего господства французского языка как языка образованных людей на развитие английского» [Бруннер, 1955, с. 167].

После буржуазной революции середины XVII столетия в Англии сословная иерархия с ее титулами сохранилась и стала частью национальной традиции. Как отмечает С. де Мадариага, «в Англии иерархическая организация общества, которая основывается на медленных и непрерывных эволюционных изменениях, происходящих под эгидой традиции, – это своего рода живой архив прошлых поступков и событий, открытый для нынешних действий» [Мадариага, 2003, с. 32].

Существуя в языке длительное время, слова, обозначающие титулы, развивали систему значений, однако анализ только лексикографических источников не дает полного представления о семантическом потенциале таких единиц, поскольку любое слово функционирует в контексте. Взаимодействуя с окружающими его языковыми единицами, в художественном произведении оно становится средством создания образа, подчиняясь интенциям автора. Как утверждал В.В. Виноградов, «предметы, лица, действия, явления, события и обстоятельства, называемые и воспроизводимые в художественном произведе-

нии, поставлены в разнообразные, внутренние, функциональные отношения, они взаимосвязаны» [Виноградов, 1959, с. 230]. Эта идея В.В. Виноградова значима для нашего исследования, поскольку определяет необходимость рассматривать лексем-титулы в функциональном аспекте.

Таким образом, наше исследование ориентировано на выявление семантического потенциала слов ТГ «English titles of nobility» германского происхождения с учетом их динамики, нашедшей отражение в художественном тексте, и с привлечением в качестве иллюстративного материала лексем-титулов, заимствованных из французского языка.

Материал и методы исследования

Значения лексем, называющих титулы, анализируются с опорой на словарные источники: Oxford Etymology Dictionary (OED), An Etymological Dictionary of the English Language (EDE). Особое внимание к этимологическим данным обусловлено тем, что они позволяют глубже представить семантику лексем-титулов, охарактеризовать оттенки значений, связанные с внутренней формой слова, с его семантическим переосмыслением в процессе длительного языкового развития. Как писал М.М. Маковский, «этимология слова – это его языковой и культурно-исторический паспорт, его биография, отражающая его структурно-семантический статус в различные периоды развития данного языка и его место в кругу близко- и неблизкородственных языков» [Маковский, 1999, с. 7].

В качестве источников фактического материала для выявления семантического потенциала лексем-титулов, реализованного в тексте, избраны произведения писателей XIX века. Великобритания периода правления королевы Виктории (1837–1901) характеризуется бурным развитием экономики, политики, науки и литературы. Именно в этот период укрепляются такие жанры литературы, как исторический и социальный роман. Желание осмыслить национальную историю, а также современную действительность, в которой живет писатель, отражается в тексте его произведения. Особенно это характерно для реалистического романа XIX в., о чем пишут ис-

следователи (см., например: [Камардина, 2012; Лотман, 1997; Согомонян, 2015]). Основной темой романов авторов раннего викторианства становится описание современного им общества. Историки культуры неслучайно говорят об «аристократических наклонностях английской нации» [Мадариага, 2003, с. 32]. Именно представители аристократии являются персонажами романов Уильяма Мейкписа Теккерея (William Makepeace Thackeray, 1811–1863); Чарльза Джона Хаффема Диккенса (Charles John Huffam Dickens, 1812–1870); Чарльза Джеймса Лёвера (Charles James Lever, 1885–1900); Джозефа Шеридана Ле Фаню (Joseph Sheridan Le Fanu, 1814–1873) – ирландского писателя, продолжившего традиции готической прозы, автора классических рассказов о привидении; Дины Марии Мьюлок Крейк (Dinah Maria Mulock Craik, 1826–1887) – британской поэтессы и автора прозаических произведений. Эти произведения дают богатый материал для изучения реализации семантического потенциала лексем, входящих в семантическое поле *gentleness / nobleness* (некоторые из них были рассмотрены в наших предыдущих статьях, см.: [Безкоровайная, 2010; 2016]).

Языковые единицы, обозначающие титулы, извлечены методом сплошной выборки из произведений перечисленных авторов. Картотека насчитывает более 2000 словоупотреблений.

Результаты и обсуждение

Семантическая характеристика слов-титулов

Лексема *earl*. Становление лексемы *earl* как единицы, обозначающей титул, связано с ее исконным значением в древнеанглийском языке – «храбрый воин, лидер, военачальник». Этимологически она соотносится с датским *jarl*: «*earl* (n.) Old English *eorl* “brave man, warrior, leader, chief” (contrasted with *ceorl* “churl”), from Proto-Germanic **erlaz*, which is of uncertain origin. In Anglo-Saxon poetry, “a warrior, a brave man”; in later Old English, “nobleman”, especially a Danish under-king (equivalent of cognate Old Norse *jarl*), then one of the viceroys under the Danish dynasty in England. After 1066 adopted as

the equivalent of Latin comes (see count (n.1))» (OED). По-видимому, исконное значение этого слова, выражавшего не имущественные приобретения, а военную доблесть, храбрость, то, как проявил себя человек с военное время, обусловило распространенность данного слова-титула. При этом с течением времени семантика данной лексемы не претерпела изменений. Титул по-прежнему существует наряду с синонимом *count*, который пришел в древнеанглийский после 1066 г. через старофранцузский из латинского: «count (n.1) title of nobility in some continental nations, corresponding to English earl, c. 1300, from Anglo-French counte “count, earl” (Old French conte), from Latin comitem (nominative comes) “companion, attendant”, the Roman term for a provincial governor, from com “with” (see com-) + stem of ire “to go” (from PIE root *ei- “to go”)» (OED). В словарной статье подчеркивается, что лексема не получила такого распространения, как лексема *earl*: «The term was used in Anglo-French to render Old English eorl, but the word was never truly naturalized and mainly was used with reference to foreign titles» (OED). Однако в этимологическом словаре, напечатанном в 1888 г., указывается, что *earl* – это английский эквивалент *count* (EDE).

Лексема *knight*. Исходное значение лексемы *knight* связано с военной службой, доблестью, о чем свидетельствуют этимологические данные: «Old English cniht “boy, youth; servant, attendant”, a word common to the nearby Germanic languages (Old Frisian kniucht, Dutch knecht, Middle High German kneht “boy, youth, lad”, German Knecht “servant, bondman, vassal”), of unknown origin. For pronunciation, see kn-. The plural in Middle English sometimes was knighten» (OED). Называя доблестного воина, сопровождающего короля, лексема *knight* с XVI в. (со времени Столетней войны) начинает использоваться как титул. Для обозначения смелого и доблестного человека и в то же время как королевский титул лексема *knight* употребляется в современном английском языке, а присвоение титула Knight остается знаком признания заслуг перед Британией.

Лексемы *lord* и *lady*. Лексические единицы *lord* и *lady* определяются в лексикографических источниках как слова германского происхождения. Их исходная семантика свя-

зана с материальным богатством, пищей, хлебом. В ней отражено отношение к собственности. Так, первоначальный облик лексемы *lord* восстанавливается для древнеанглийского как *hlaford*, семантика этого слова связана с обладанием неким богатством, хозяйством, феодальным распределением социальных ролей в обществе: «lord (n.) mid-13c., lavedr, loverd, from Old English hlaford “master of a household, ruler, feudal lord, superior; husband”, also “God”, translating Latin dominus, Greek kyrios in the New Testament, Hebrew yahweh in the Old (though Old English dryhten was more frequent). Old English hlaford is a contraction of earlier hlafweard, literally “one who guards the loaves”, from hlaf “bread, loaf” (see loaf (n.)) + weard “keeper, guardian” (from PIE root *wer- (3) “perceive, watch out for”)» (OED). Данная лексема использовалась также для обозначения Бога: «Lord’s Prayer is from 1540s. Year of our Lord is from late 14c. (translating Latin anno domini) in reference to the incarnation of God in Christ. Lord knows (who, what, why, etc.), expressing a state of ignorance, is from 1711. Lord of the Flies (1907) translates Beelzebub (q.v.); William Golding’s book was published in 1954. To drink like a lord is from 1620s» (OED).

В словарных токованиях лексемы *lady* также отмечается связь ее семантики с обладанием пищей, хлебом: «c. 1200, lafdi, lavede, from Old English hlæfdige (Northumbrian hlafdia, Mercian hlafdie), “mistress of a household, wife of a lord”, apparently literally “one who kneads bread”, from hlaf “bread” (see loaf (n.)) + -dige “maid”, which is related to dæge “maker of dough” (which is the first element in dairy; see dey (n.1))» (OED). В словарной статье находит объяснение процесс семантического расширения, который претерпевает лексема *lady*: «The medial -f- disappeared 14c. The word is not found outside English except where borrowed from it. Sense of “woman of superior position in society” is c. 1200; that of “woman whose manners and sensibilities befit her for high rank in society” is from 1861» (OED). В XIV–XV вв. леди становятся объектом куртуазной, рыцарской любви, а с конца XIX в., как фиксируется в словаре, слово *lady* используется для номинации любой женщины: «Used commonly as an address to any woman since 1890s» (OED). Как и лексема *lord*, лексема *lady* имеет значение,

связанное с божественным миром, – Богородица, Дева Мария: «Applied since Old English to the Holy Virgin, hence many extended usages in plant names, place names, etc., from genitive singular hlæfdigan, which in Middle English merged with the nominative, so that lady- often represents (Our) Lady's, as in ladybug. Lady Day (late 13c.) was the festival of the Annunciation of the Virgin Mary (March 25). Ladies' man first recorded 1784; lady-killer "man supposed to be dangerously fascinating to women" is from 1811. Lady of pleasure recorded from 1640s. Lady's slipper as a type of orchid is from 1590s» (OED).

За лексемами *lord* и *lady* впоследствии закрепляются значения «хозяин», «жена, супруга» соответственно. Кроме того, слово *lady* активно участвует в деривационных процессах, входя в состав сложных слов, номинирующих животных, растения и др.: *lady-bird* (божья коровка), *lady-fish* (небольшая тропическая рыбка), *Naked lady* (название амариллиса).

Как видим, лексемы *lord* и *lady*, в отличие от других лексем, номинирующих титул, являются многозначными.

Функционирование лексем-титолов в художественных текстах

Обозначение социального статуса.

Лексемы германского происхождения *earl*, *lord* и *lady* используются в произведениях раннего викторианского периода как лексическое средство обозначения социального статуса того или иного персонажа. В некоторых из них преобладает лексема *earl*. Так, героями романа Д.М. Мьюлок Крейк «A Noble Life» являются граф и его малолетний сын. На протяжении всего текста лексема *earl* использована более 400 раз, как правило для означивания титула. Для Д.М. Мьюлок Крейк важно постоянное напоминание о статусе персонажа, поскольку главное в романе – описание жизни дворянина, высокородной особы (на это указано уже в названии произведения). По мнению автора романа, графу имманентно присущи такие качества высокостатусного члена общества, как благородство, образованность, при этом он обычный добрый человек:

(1) "Thank you," and the shadow passed away, as any trifling pleasure always had power to make it

pass. Sometimes Helen speculated vaguely on what a grand sort of man **the earl** would have been had he been like other people – how cheerful, how active, how energetic and wise (Mulock Craik D. M. A Noble Life);

(2) **The earl** listened, utterly struck dumb. The lies were so plausible, so systematic, so ingeniously fitted together, that he could almost have deluded himself into supposing them truth. No wonder, then, that they had deluded simple Helen, and her even simpler and more unworldly father (Mulock Craik D. M. A Noble Life).

Лексемы *lord* и *lady* всегда используются для обозначения титула в произведениях У. Теккерея и Ч. Лёвера, однако в отличие от произведения Д.М. Мьюлок Крейк, где лексема-титул употребляется самостоятельно, они представлены в сочетании с патронимом, например:

(3) She had twelve intimate and bosom friends out of the twenty-four young ladies. Even envious Miss Briggs never spoke ill of her; high and mighty Miss Saltire (**Lord Dexter's** granddaughter) (Thackeray W. Vanity Fair);

(4) "An admirable proviso," said **Lord Kilkee**, laughing; "if his botany be only as authentic as the autographs he gave Mrs. MacDermot, and all of which he wrote himself, in my dressing-room, in half an hour. Napoleon was the only difficult one in the number" (Thackeray W. Vanity Fair);

(5) Most fortunately this unfair disclosure did not reach her **ladyship's ears**, as she was busily engaged putting on her bonnet, and I was yet unassailed in reputation to her (Thackeray W. Vanity Fair);

(6) "Good bye, then," said **Lord Callonby** (Lever C. Lord Kilgobbin).

Форма вежливого обращения. Как форма вежливого обращения типично использование сочетания в функции титула и имени собственного. Титул служит общепринятым дополнением к фамилии знатной особы. Приведем примеры:

(7) I feel it might do good to many, and would do harm to none, if I related the story – a very simple one, and more like a biography than a tale – of Charles Edward Stuart Montgomerie, last **Earl of Cairnforth** (Mulock Craik D. M. A Noble Life);

(8) "Who's that pretty young man my **Lord Castlemallard** is introducing to her and old Chatterworth?" The commendation was a shot at poor

O’Flaherty (Sheridan Le Fanu J. The House by the Church-Yard).

О важности сословных различий и аристократичной манеры обращения к высокопоставленным благородным господам свидетельствует перечень общепринятых обращений, включающих в себя лексемы-титуды (в том числе *lord* или *lady*: *My Lady, My Lord, your lady ship* и др.), который представлен в монографии Н.С. Аристовой [Аристова, 2011, с. 66–70]. Этикет имел большое значение для викторианского общества, это объясняет значительную представленность титулов в ранних викторианских романах, поскольку эти произведения отражают правила коммуникации в ту эпоху.

Наряду с титулами германского происхождения, в качестве обращения к знатной, благородной особе используются французские заимствования – *sir, madame*. Мы находим их во всех произведениях перечисленных писателей, поскольку эти обращения имели большое распространение в викторианской Англии. Приведем примеры:

(9) I was dreadfully frightened, and so giddy that I clung to him with both hands, and said, “If you would kindly please to let me keep upright, **sir**, perhaps I shouldn’t be sick, and perhaps I could attend more” (Dickens, *Great Expectations*);

(10) That’s true, **sir**. I never heard since he quitted the 3th to go to Versailles, I think they call it, for his health. But how did he get the step, **sir**? (Lever C. *The Confessions of Harry Lorrequer*);

(11) “**Madam**,” said he, with a bow of perfect good-humor, and even some sly drollery, “you mistake; I never begged in my life – I am a person of independent property, which consists of my head and my two hands, out of which I hope to realize a large capital some day” (Mulock Craik D. M. *John Halifax*).

Отметим, что обращение к особам знатного происхождения посредством лексем французской этимологии характерно для коммуникации персонажей. Статистика показывает, что в романе Д.М. Мьюлок Крейк «Джон Галифакс» (“*John Halifax*”) лексема *sir* использована 199 раз, в романе Ч. Диккенса «Большие надежды» (“*Great Expectations*”) – 151 раз, а в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (“*Vanity Fair*”) – 704 раза. Количественные данные иллюстрируют тенденцию

широкого использования лексемы *sir* в качестве вежливого обращения.

Заметим также, что лексемы-титуды могут быть соположены в одном контексте, сохраняя номинацию титула. Например:

(12) ‘Be it so – I only warn you that if you get into any scrape I’ll accept none of the consequences. **Lord** Danesbury is ready enough to say that, because I am some ten years older than you, I should have kept you out of mischief. I never contracted for such a bear-leadership; though I certainly told **Lady** Maude I’d turn Queen’s evidence against you if you became a traitor’ (Lever C. *Lord Kilgobbin*).

Номинация признаков благородного человека. Для номинации доблести и благородства в текстах викторианских романов используется лексема *knight*, например:

(13) ...who do their little best to keep those dwellings miserable!), yet it was wafted faintly into Princess’s Place, whispering of Nature and her wholesome air, as such things will, even unto prisoners and captives, and those who are desolate and oppressed, in very spite of aldermen and **knights** to boot: at whose sage nod – and how they nod! – the rolling world stands still! (Dickens, *Dombey and Son*).

Отметим, что *knight* редко встречается в исследуемых текстах. Так, в романах Ч. Диккенса «Домби и сын» и Д.М. Мьюлок Крейк «Джон Галифакс» зафиксировано по три контекста, в которых употреблена эта лексическая единица.

Реализация значений, не связанных с номинацией титула. В рассматриваемых произведениях ранней викторианской эпохи для выражения данных значений используются лексемы *lord* и *lady*.

Слово-титуд *Lord* употребляется в рассматриваемых произведениях для обозначения Бога, например:

(14) A change passed over Mr. Trabb. He forgot the butter in bed, got up from the bedside, and wiped his fingers on the tablecloth, exclaiming, “**Lord** bless my soul!” (Dickens, *Great Expectations*).

Отметим, что частотность использования лексемы *Lord* («Бог») варьируется. Так, в романе Дж. Шеридана Ле Фанно «Кармила» она употреблена 4 раза, а в романе Ч. Диккенса «Большие надежды» – 57 раз.

Частотным является использование слова-титула *lady* для обозначения любой особы женского пола. Например, в романе Дж. Шеридана Ле Фаню «Кармила» лексема *lady* в значении «женщина» встречается 58 раз, например:

(15) Truth to say, his feelings with respect to that young **lady** were of a conflicting and mysterious kind; and as often as his dark thoughts wandered to her (which, indeed, was frequently enough), his muttered exclamation seemed to imply some painful and horrible suspicions respecting her (Sheridan Le Fanu J. Carmilla);

(16) **The lady** started back, with her eyes fixed on me, and then slipped down upon the floor, and, as I thought, hid herself under the bed (Sheridan Le Fanu J. Carmilla).

Кроме того, лексема *lady* представлена в текстах романов викторианцев и в значении «жена, хозяйка»:

(17) “What was it that made her start back, and gaze upon him for a moment, and then on the ground at her feet, and make as if she would faint on his arm, had he not by opportunely treading on her toes, brought the young **lady** back to self-control? (Thackeray W. Vanity Fair).

Заключение

В процессе исследования лексем германского происхождения (*earl, knight, lord и lady*), входящих в тематическую группу «English titles of nobility» («Титулы английской знати») и функционирующих в художественных произведениях писателей-викторианцев, было установлено, что эти лексем-титулы реализуют прямые значения, указывая на сословное положение персонажа художественного произведения, а также используются в этих значениях как этикетные обращения, часто к лексеме-титулу добавляется патроним. Согласно нашим наблюдениям в качестве вежливого обращения в диалогах персонажей, наряду с *lord и lady*, используются заимствования из французского языка *sir / madame*.

Лексем-титулы, реализуя свой семантический потенциал, могут функционировать в художественных произведениях в переносных значениях: *knight* используется для но-

минирования доблести как одного из главных качеств благородного человека высокого социального статуса, *Lord* – Всевышнего, *lady* – любой женщины, а также для обозначения жены, хозяйки.

Таким образом, значения лексем-титулов тематической группы «English titles of nobility» («Титулы английской знати») в художественных текстах XIX в. могут быть сведены к следующим:

- 1) наименование лица по его благородному происхождению;
- 2) вежливое обращение в коммуникации;
- 3) номинация не только социального положения, но и некоторых общих черт характера, присущих представителю аристократического сословия;
- 4) именование лиц по гендерному признаку или в соответствии с семейным положением.

Предварительные наблюдения за лексическим составом литературных произведений позднего викторианства Оскара Уайльда, Артура Конан Дойла и др. показывают, что для них также характерно употребление лексем-титулов. Подробный анализ репрезентации лексем-титулов в текстах позднего викторианства составляет перспективу исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Англосаксонская хроника, 2010 / пер. с древнеангл. З. Ю. Метлицкой. СПб. : Евразия. 288 с.
- Аристова Н. С., 2011. Коммуникативные стратегии высокой тональности общения : Английская художественная литература XIX–XX вв. Казань : Казан. гос. техн. ун-т. 222 с.
- Безкоровайная Г. Т., 2010. Лексико-семантические варианты лексемы LADY как элемент раскрытия семантического поля благородство (на примере словарной статьи Оксфордского словаря английского языка) // Вестник Орловского государственного университета. № 5. С. 136–144.
- Безкоровайная Г. Т., 2016. Репрезентация наименований лиц благородного происхождения в тексте Викторианской эпохи (на примере романов Энтони Троллопа) // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии : сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. молодых ученых (21–22 апр. 2016 г.).

- Н. Новгород : Нижегород. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина». С. 16–22.
- Бруннер К., 1955. История английского языка. В 2 т. Т. 1. М. : Изд-во иностр. лит. 322 с.
- Виноградов В. В., 1959. О языке художественной литературы. М. : Гослитиздат. 654 с.
- Камардина Ю. С., 2012. Викторианская эпоха в романе Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никлби» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. В 2 ч. Ч. 2 : сб. ст. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. (10 дек. 2012 г.). Новосибирск : СибАК. С 122–127.
- Лотман Ю. М., 1997. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Статьи и исследования (1958–1993) : История русской прозы : Теория литературы. СПб. : Искусство-СПб. С. 91–106.
- Мадариага С. де, 2003. Англичане, французы, немцы. СПб. : Наука. 242 с.
- Маковский М. М., 1999. Историко-этимологический словарь современного английского языка. М. : Диалог. 416 с.
- Ривчак К. В., 2012. Эрлы в системе управления поздней англосаксонской Англии (1016–1066 гг.) // Средние века. Т. 73, № 3–4. С. 67–82.
- Согомонян М. К., 2015. Латиноамериканский роман в XIX веке // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 4 (22). С. 67–70.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Dickens Ch. Dombey and Son. URL: <http://www.gutenberg.org/files/821/821-h/821-h.htm>.
- Dickens Ch. Great Expectations. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm>.
- Lever C. Lord Kilgobbin. URL: <http://www.gutenberg.org/files/8941/8941-h/8941-h.htm>.
- Lever C. The Confessions of Harry Lorrequer. URL: <http://www.gutenberg.org/files/5240/5240-h/5240-h.htm>.
- Mulock Craik D. M. A Noble Life. URL: <http://www.gutenberg.org/files/2351/2351-h/2351-h.htm>.
- Mulock Craik D. M. John Halifax, Gentleman. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm>.
- Sheridan Le Fanu J. Carmilla. URL: https://archive.org/details/carmilla_s_lefanu_librivox.
- Sheridan Le Fanu J. The House by the Church-Yard. URL: <https://archive.org/search.php?query=Sheridan%20Le%20Fanu%2C%20The%20House%20by%20the%20Church-Yard>.
- Thackeray W. Vanity Fair. URL: <http://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm>.
- EDE – An Etymological Dictionary of the English Language / ed. by W. W. Skeat. Oxford : Oxford Clarendon Press, 1888. URL: <https://archive.org/details/etymologicaldict00skeauoft/page/184/mode/2up>.
- OED – Oxford Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com>.

REFERENCES

- Anglosaksonskaya khronika* [Anglo-Saxon Chronicle], 2010. Saint Petersburg, Evraziya Publ. 288 p.
- Aristova N.S., 2011. *Kommunikativnye strategii vysokoy tonalnosti obshcheniya: Angliyskaya khudozhestvennaya literatura XIX–XX vv.* [Communicative Strategies of High Tone of Communication. English Fiction of the 19th – 20th Centuries.]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet. 222 p.
- Bezkorovaynaya G.T., 2010. Leksiko-semanticheskie varianty leksemy LADY kak element raskrytiya semanticheskogo polya blagorodstvo (na primere slovarnoy statyi Oksfordskogo slovarya angliyskogo yazyka) [Lexical Semantic Variants of the Lexeme LADY as an Element of Semantic Field Nobility (Exemplified by the Item from Oxford English Dictionary)]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orel State University], no. 5, pp. 136–144.
- Bezkorovaynaya G.T., 2016. Rerezentatsiya naimenovaniy lits blagorodnogo proiskhozhdeniya v tekste Viktorianskoy epokhi (na primere romanov Entoni Trollopa) [The Representantation of Lexemes Naming Persons of Noble Origin in the Fiction Text of Victorian Period (Exemplified by A. Trollope Novels)]. *Problemy yazykovoy kartiny mira v sinkhronii i diakhronii: sb. st. po materialam Vseros. nauch. konf. molodykh uchenykh (21–22 apr. 2016 g.)* [Problems of the Language Picture of the World in Synchrony and Diachrony. Collection of Articles Based on Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of Young Scientists (April 21–22, 2016). Nizhny Novgorod, Nizhegorodskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiiy universitet imeni Kozmy Minina, pp. 16–22.
- Brunner K., 1955. *Istoriya angliyskogo yazyka. V 2 t. T. 1* [History of the English Language. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Inostrannoy literatury. 322 p.
- Vinogradov V.V., 1959. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the Language of Literary Language]. Moscow, Goslitizdat. 654 p.

- Kamardina Yu.S., 2012. Viktorianskaya epokha v romane Ch. Dikkensa «Zhizn i priklyucheniya Nikolasa Niklbi» [Victorian Epoch in Ch. Dicken's Novel Nocklas Nicklby]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii. V 2 ch. Ch. 2: sb. st. po materialam VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (10 dek. 2012 g.)* [In the World of Science and Art. Issues of Philology, Art History and Cultural Studies. In 2 Parts. Part 2. Collection of Articles on Materials of the 8th International Scientific and Practical Conference (December 10, 2012)]. Novosibirsk, SibAK, pp. 122-127.
- Lotman Yu.M., 1997. Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [The Plot Space of 19th Century Russian Novel]. *Statyi i issledovaniya (1958–1993): Istoriya russkoy prozy: Teoriya literatury* [Articles and Research (1958–1993). History of Russian Prose. Theory of Literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB, pp. 91-106.
- Madariaga S. de., 2003 Anglichane, frantsuzy, nemtsy [Englishmen, French, Germans]. Saint Petersburg, Nauka Publ. 242 p.
- Makovskiy M.M., 1999. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo angliyskogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of Modern English]. Moscow, Dialog Publ. 416 p.
- Rivchak K.V., 2012. Erly v sisteme upravleniya pozdney anglosaksonskoy Anglii (1016–1066 gg.) [Earls in the System of Governing of the Late Anglo-Saxon England (1016–1066)]. *Sredniye veka* [Studies on Medieval and Early Modern History], vol. 73, no. 3-4, pp. 67-82.
- Sogomonyan M.K., 2015. Latinoamerikanskiy roman v XIX veke [Latin American Novel in XIX Century].

Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya [The Science of Person: Humanitarian Researches], no. 4 (22), pp. 67-70.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Dickens Ch. *Dombey and Son*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/821/821-h/821-h.htm>.
- Dickens Ch. *Great Expectations*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm>.
- Lever C. *Lord Kilgobbin*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/8941/8941-h/8941-h.htm>.
- Lever C. *The Confessions of Harry Lorrequer*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/5240/5240-h/5240-h.htm>.
- Mulock Craik D.M. *A Noble Life*. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/14373/pg14373.html>.
- Mulock Craik D. M. *John Halifax, Gentleman*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm>.
- Sheridan Le Fanu J. *Carmilla*. URL: https://archive.org/details/carmilla_s_lefanu_librivox.
- Sheridan Le Fanu J. *The House by the Church-Yard*. URL: <https://archive.org/search.php?query=Sheridan%20Le%20Fanu%2C%20The%20House%20by%20the%20Church-Yard>.
- Thackeray W. *Vanity Fair*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm>.
- Skeat W.W., ed. *An Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford, Oxford Clarendon Press, 1888. URL: <https://archive.org/details/etymologicaldict00skeauoft/page/184/mode/2up>.
- Oxford Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/en>.

Information About the Author

Galina T. Bezkorovaynaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Moscow Polytechnic University, Higher School of Printing and Media Industry, Sadovaya-Spasskaya St., 4/6, 107078 Moscow, Russia, begat1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0088-3619>

Информация об авторе

Галина Тиграновна Безкоровайная, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московской политехнической университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии, ул. Садовая-Спасская, 4/6, 107078 г. Москва, Россия, begat1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0088-3619>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.13>

UDC 81'34"16/18":1
LBC 81.051.2

Submitted: 23.12.2019
Accepted: 27.03.2020

**INFLUENCE OF PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC CONCEPTS
ON THE DESCRIPTION OF THE ACOUSTIC CHARACTERISTICS OF VOWELS
(LATE 17th – EARLY 20th CENTURIES)**

Uliana E. Kochetkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with the potential explicit or implicit impact of the cultural and scientific tradition on the way of thinking of the researchers in different epochs. The hypothesis is that aesthetic and philosophical thoughts may influence in some way the results of the scientific experiments. The paper follows the order of the research. It starts from the results of vowel acoustics measurements in 19th century and ends by finding their conceptual basis in works of the 17th century. Measuring vowel acoustic characteristics, researchers of the late 19th and early 20th centuries in most of cases used various sets of tuning forks. The brightest, i.e. characteristic tone of a vowel was defined by ear. The results of such experiments showed that there were intervals of one or more octaves between characteristic tones of various vowels. Among different factors that may lead to such results, beside the circumstances of the experiment itself, we suppose cultural, scientific and philosophical tradition. The analysis of the works of the authors who first explored acoustic characteristics of vowels, showed that the philosophy and aesthetics of the 17th century may have influenced directly or indirectly the descriptions of vowels during the following centuries. The idea of the main vowels of the Adam Alphabet may have had an impact on the acoustic instruments, while the idea of harmony and proportion, essential in time of the Scientific Revolution, may be found in vowel system descriptions up to the beginning of the 20th century.

Key words: history of phonetics, vowel acoustics, characteristic tone, alphabet of Adam, tuning forks, philosophical concepts, scientific revolution, music notation.

Citation. Kochetkova U.E. Influence of Philosophical and Aesthetic Concepts on the Description of the Acoustic Characteristics of Vowels (Late 17th – Early 20th Centuries). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 144-154. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.13>

УДК 81'34"16/18":1
ББК 81.051.2

Дата поступления статьи: 23.12.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

**ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКИХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
НА ОПИСАНИЕ АКУСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ГЛАСНЫХ
(КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XX в.)**

Ульяна Евгеньевна Кочеткова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются возможные прямые и косвенные влияния предшествующей культурной и научной традиции на исследовательские методы в различные эпохи и на полученные учеными экспериментальные данные. Ретроспективный порядок изложения, принятый в статье, отражает ход проведенного исследования. Показано, что при измерении акустических характеристик гласных ученые второй половины XIX – начала XX в. использовали наборы камертонов. Наиболее яркий, характерный тон в звучании гласного определялся на слух. В результате таких экспериментов были обнаружены октавные соотношения между характерными тонами отдельных гласных. Психологические особенности эксперимента, научная и культурная традиция характеризуются как факторы, которые могли повлиять на результаты акустического анализа.

Изучение работ авторов XVII в., стоявших у истока описания акустических характеристик гласных, позволило обнаружить, что философско-эстетические воззрения той эпохи могли прямо или косвенно повлиять на описания гласных не только в XVII в., но и в более позднее время: идея «основных» гласных «алфавита Адама» отразилась на создании фонетического инструментария в XIX в., а идея общей гармонии и поиск пропорции прослеживается в описаниях гласных вплоть до начала XX века.

Ключевые слова: история фонетических исследований, акустические характеристики гласных, характерный тон, алфавит Адама, камертоны, философско-эстетические концепции, научная революция, музыкальная нотация.

Цитирование. Кочеткова У. Е. Влияние философских и эстетических концепций на описание акустических характеристик гласных (конец XVII – начало XX в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 144–154. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.13>

Введение

В начале прошлого века, в 1907–1908 гг., Лев Владимирович Щерба, основатель кафедры фонетики и методики преподавания Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета, будучи еще совсем юным ученым, стажировался в Париже в *École Pratique des Hautes Études* (Практическая школа высших исследований) и в лаборатории выдающегося французского исследователя, отца экспериментальной фонетики аббата Пьера-Жана Руссло (Pierre-Jean Russelot) (Щерба, 1912) (см. также: [Bondarko, Verbitskaia, 2015]). Для измерения акустических характеристик гласных П.-Ж. Руссло, как правило, использовал наборы камертонов, в частности набор, созданный Рудольфом Кёнигом (Russelot, 1901; 1903; 1925). Этот набор, известный под названием «Большой тонометр», включал камертоны с частотой от 16 Гц до 90 КГц (Russelot, 1903). Такими камертонами пользовался в Париже и Лев Владимирович Щерба для измерения качества русских гласных, о чем он написал позднее в своей монографии (Щерба, 1912).

По возвращении в Россию Л.В. Щерба заказал похожие наборы камертонов у известного производителя акустических приборов Эрнеста Циммерманна, при этом один набор с точностью воспроизводил значения характерных тонов французских гласных, полученных П.-Ж. Руссло [Skrelin, Kochetkova, 2017]. Рассмотрение системы, предложенной П.-Ж. Руссло, обнаружение ее взаимосвязи с современными и предшествующими теориями привели к необходимости более детального изучения истории описания акустических характеристик гласных, в частности,

определения их характерных тонов с помощью камертонов.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования стали работы ученых конца XVII – начала XX в., уделявших особое внимание анализу гласных (см. «Список источников»).

На первом этапе исследования были рассмотрены работы Льва Владимировича Щербы (Щерба, 1912), аббата Руссло (Russelot, 1901; 1903; 1925; Russelot, Laclotte, 1902), Германна фон Гельмгольца (Helmholtz, 1875) и Рудольфа Кёнига (Koenig, 1882). Выбор данных авторов второй половины XIX – начала XX в. обусловлен тем, что измерение акустических характеристик гласных эти ученые производили с помощью камертонов, указывая не только количество колебаний в секунду, но и соответствующие ноты западноевропейского музыкального звукоряда. В ходе сравнительного анализа описанных ими методов изучения гласных и полученных ими результатов возникла гипотеза о возможном влиянии научной традиции на определение акустических характеристик гласных.

Для проверки этой гипотезы на втором этапе исследования была рассмотрена работа Самюэля Рейера (Reyher, 1679), положившего начало определению тонов гласных с помощью музыкальной нотации в конце XVII века. Кроме того, были изучены оригинальные тексты цитируемых им авторов XVI–XVII вв. на латинском языке (Agrippa, 1533; Bang, 1657; De cabala sacra..., 1623; Monumentorum Italiae, 1592; Pantheo, 1550) и/или в переводе на английский язык (Three Books..., 1898; Francis Mercury van Helmont's

Sketch..., 2012; The Alphabet of Nature..., 2007). Это позволило проанализировать философско-эстетический контекст, в котором возникла первая попытка объективного описания акустических характеристик гласных звуков.

Результаты и обсуждение

Особенности описания характерных тонов гласных

Вплоть до 20-х гг. XX в. «характерным тоном» называли самую яркую различимую на слух частоту в звучании гласного [Kochetkova, Skrelin, 2019; Skrelin, Kochetkova, 2017; Šturm, 2015]. В качестве синонимов использовались также термины «резонансный тон» и «резонанс» (Helmholtz, 1875; Koenig, 1882; Rousselot, Laclotte, 1902; Rousselot, 1925). Термин «форманта», предложенный еще в конце XIX в. немецким ученым Людимиаром Германном, вошел в употребление гораздо позднее [Гордина, 2006].

Термин «характерный тон» нельзя рассматривать в качестве номенклатурного атавизма, так как он отражает саму суть изучаемого явления и во многом объясняет методы акустических исследований и результаты, полученные на протяжении предшествующих столетий. Это связано с тем, что исследователи чаще всего старались определить одну характерную частоту гласного, в отличие от представителей современной формантной теории, которые описывают акустические характеристики гласного сразу несколькими формантными значениями.

При этом ученые конца XIX – начала XX в., в том числе и аббат Руссло, хорошо осознавали наличие других, менее заметных тонов в звучании гласных. Однако измерение этих «вторичных» тонов, с одной стороны, было затруднено, с другой – представлялось менее важным (Rousselot, 1903; 1925). Один тон, как правило, казался вполне достаточным для описания гласного. Эта точка зрения перекликается с современным представлением о перцептивной значимости второй форманты. Как показало сопоставление данных П.-Ж. Руссло с результатами объективного инструментального анализа, почти для всех французских гласных значения характерных тонов, предложен-

ных Руссло, близки к современному значению их второй форманты и только характерные тоны самых закрытых гласных переднего ряда [i] и [y] приближаются к значению третьей форманты [Skrelin, Kochetkova, 2017]. Последний факт хорошо согласуется с результатами недавних исследований, проведенных на материале французского языка, в которых была доказана важность третьей форманты для восприятия этих гласных [Gendrot, Adda-Decker, Vaissiere, 2008].

Описание гласного с помощью одной частотной характеристики – не единственное отличие исследований второй половины XIX – начала XX в. от современных работ. В ранних работах не использовались статистические показатели, позволяющие учесть междикторскую и внутрдикторскую вариативность. Несмотря на то что ученые отдавали себе отчет в наличии такой вариативности, при определении характерного тона они указывали одно конкретное значение, тогда как в современных работах для каждой из формант приводится среднее значение и доверительный интервал.

В редких случаях в ранних исследованиях все же указывались два характерных тона гласного. Так, суммой двух характерных тонов описывает огубленные гласные переднего ряда [y], [ø], [œ] П.-Ж. Руссло (Rousselot, Laclotte, 1902; Rousselot, 1925). При этом первый тон соответствует неогубленному гласному переднего ряда, второй – гласному заднего ряда (Rousselot, Laclotte, 1902) (подробный анализ см. в: [Skrelin, Kochetkova, 2017]). Единственным исследователем, указавшим два характерных тона для большинства гласных вне зависимости от их огубленности, был Германн фон Гельмгольц [Гордина, 2006].

Соотношения характерных тонов внутри системы гласных

В своей работе 1875 г. Г. фон Гельмгольц отмечает особенность немецких гласных [o], [a] и [e], которая состоит в том, что их характерные тоны отстоят на октаву друг от друга и звучат как си бемоль первой, второй и третьей октавы, если рассматривать второй, верхний тон для [e] (Helmholtz, 1875). Другой известный ученый – Рудольф Кёниг, считавший-

ся лучшим на тот момент производителем акустических инструментов, – в ходе экспериментов получает расширенную серию октав, включающую пять гласных немецкого языка: [u], [o], [a], [e] и [i] (Koenig, 1882). Для них Р. Кёниг производит набор камертонов с резонаторами, который на протяжении многих лет будет пользоваться большой популярностью у экспериментаторов [Pantalony, 2009]. Подобный набор можно встретить и в коллекции Льва Владимировича Щербы [Kochetkova, Skrelin, 2019]. Несмотря на то что система гласных немецкого языка не ограничивается пятью гласными, именно эти «основные» гласные представляют наибольший интерес для Р. Кёнига, так как они встречаются в большинстве языков мира [Pantalony, 2009].

Аббат Руссло воспроизводит эксперименты Р. Кёнига и находит такие же октавные соотношения между пятью гласными [u], [o], [a], [e] и [i], но уже во французском языке (Rousselot, 1903). Кроме того, он пытается построить новые шкалы (гаммы) и получает новые октавные последовательности (Rousselot, 1901; 1925). Помимо описанной выше октавной линии, П.-Ж. Руссло находит три дополнительные серии октав, включающие открытые гласные среднего подъема и безударные варианты некоторых гласных. Парадокс состоит в том, что известный ученый, заложивший основы экспериментальной фонетики и отстаивавший необходимость использования объективных инструментальных методов, уделяет особое внимание поиску пропорций внутри системы гласных. Однако ученый предлагает делить октаву не на 12 полутонов, а на 8 равных частей.

При этом поиск пропорций и гармонии, попытка построения «красивой» системы становится превалирующим фактором. Для восполнения пробелов в системе П.-Ж. Руссло ищет недостающие элементы (варианты гласных) в региональных разновидностях французского языка, а иногда и в другом языке (в английском, например) (Rousselot, 1925), что свидетельствует о явном детерминизме со стороны автора при описании результатов эксперимента.

В связи с этим возникают два вопроса. Во-первых, почему П.-Ж. Руссло и другие ученые второй половины XIX в., имея богатый исследовательский инструментарий, по-

лучили такие результаты, оставаясь в рамках западноевропейской музыкальной традиции и связывая акустические характеристики гласных с теми или иными нотами и интервалами известной им музыкальной системы? Во-вторых, каково происхождение имплицитной идеи гармонии и пропорции в работах ученых на рубеже XIX–XX веков?

Возможные факторы, повлиявшие на измерение характерных тонов

Предположение о реальном существовании октавных соотношений между характерными тонами отдельных гласных, по всей видимости, является несостоятельным. Рассмотрение данных объективного инструментального акустического анализа на материале французского языка [Гордина, 1997; Delattre, 1948; Analyse..., 2012] не позволило обнаружить повторяющиеся октавные соотношения между значениями первой или второй форманты различных гласных.

Можно предположить и другое объяснение – недостаточную точность измерительной техники в ту эпоху. Однако, несмотря на то что Г. фон Гельмгольц открыто жаловался на отсутствие некоторых камертонов, особенно для высоких частот (Helmholtz, 1875), Р. Кёниг достаточно быстро восполнил этот пробел. Он изобрел и в дальнейшем использовал камертон с весами, позволявший получить очень тонкие градации высоты тона и заменявший собой целый набор камертонов (Koenig, 1882). Таким образом, вопрос об обязательной привязке к звукам диатонической или хроматической гаммы потерял свою актуальность, возникла возможность гораздо более тонких изменений в настройке камертона.

Некоторые ошибки или поправки могли возникнуть и в связи с особенностью эксперимента по измерению характерных тонов гласных. Камертон, как правило, располагался перед ротовой полостью, при этом беззвучно артикулировался тот или иной гласный. По камертону ударяли специальным молоточком. Если собственные резонаторные свойства речевого тракта при артикуляции этого звука соответствовали частоте камертона, то звучание последнего усиливалось при поднесении ко рту (Helmholtz, 1875; Rousselot, 1925).

Во время эксперимента ученый оказывался одновременно и экспериментатором, и испытуемым, и инструментом, так как его слуховой анализатор дополнял действие камертона. Это требовало от исследователя максимальной концентрации и внимания. Вполне вероятно, что невольная подстройка конфигурации ротовой полости под звучание камертона (а не наоборот) могла иметь место. Однако остается непонятным, что могло повлиять на такую подстройку.

Можно предположить, что поиск конкретных музыкальных интервалов, по-видимому, был обусловлен существующей на тот момент традицией описания гласных с помощью музыкальной нотации. Для проверки данной гипотезы необходимо рассмотреть истоки этой традиции, а именно первое обозначение тонов гласных с указанием нот западноевропейского музыкального звукоряда.

***«Mathesis Mosaica» Самюэля Рейера
в свете философско-эстетических
воззрений XVII века***

Согласно имеющимся на данный момент источникам, первое описание гласных с помощью нотных символов появилось в 1679 г. в работе известного немецкого математика и астронома Самюэля Рейера (Samuel Reyher) [Гордина, 2006; Ohala, 1991; Pfitzinger, Niebuhr, 2011; Vilain, Berthommier, Воё, 2015]. В ней автор располагает на нотном стане 11 монофтонгов (включая 5 вариантов гласного [a]) и 4 дифтонга немецкого языка (Reyher, 1679). При этом кардинальные гласные [u], [a] (самый открытый его вариант) и [i] образуют ряд октав: ми первой, второй и третьей октавы соответственно. Именно для этих гласных будут находить октавные соотношения многие ученые последующих столетий, если судить по значениям, приведенным в сводной таблице С. Виетора [Viëtor, 1887]. Чем объяснял или с чем связывал С. Рейер подобные соотношения, остается не совсем понятным. Однако многое проясняет контекст, в котором появляется его описание, а также само название работы – «Mathesis Mosaica» («Математическая мозаика»).

Во времена научной революции различные с точки зрения современной науки дис-

циплины существовали в неразрывной связи [Реале, Антисери, 1996; Copenhaver, 1999; The History..., 2000, p. 455]; размышления о вопросах астрономии и математики были неотделимы от размышлений о музыке, философии, астрологии и алхимии. По словам Вячеслава Всеволодовича Иванова, «соединение... мистическо-магической традиции с научной в современном смысле кажется почти неотъемлемой частью всего этого едва ли не наиболее плодотворного периода в истории европейской науки» [Иванов, 2010, с. 248].

Отражение подобного мышления мы находим и в «Mathesis Mosaica» С. Рейера (Reyher, 1679). Так, на страницах, предшествующих нотному примеру, можно увидеть математические вычисления параметров Ноева ковчега. Это связано с тем, что в своем произведении С. Рейер пытается исчислить и дать математическое объяснение описанным в Ветхом Завете явлениям. Подобным исчислением библейских реалий были заняты многие умы того времени [The History..., 2000]. Например, Исаак Ньютон полагал, что, разгадав пропорции храма Соломона, описанного в Библии, можно открыть священную мудрость – так называемую *prisca sapientia* [Morrison, 2011]. По мнению историков науки, «идея Бога, который с геометрическим расчетом воплощает в мире математический порядок, имманентна эпохе научной революции» [Реале, Антисери, 1996, с. 46].

***Каббалистические исследования:
поиск гласных «алфавита Адама»***

Непосредственно предшествуют описанию гласных в работе С. Рейера размышления о так называемом «алфавите Адама» со ссылками на ученых, среди которых можно встретить имена Корнелиуса Агриппы, Джованни Пантео, Джеймса Хепберна, Томаса Банга, Лоренца Шредера Альберштадского, а также Франциска Меркурия ван Гельмонта.

Самым известным из цитируемых авторов является Агриппа Неттесгеймский (Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim) – философ-эзотерик, каббалист, живший на рубеже XV–XVI веков. В трактате «De occulta philosophia...» («Об оккультной философии...») автор размышляет об алфавите и «буквах» древнееврейского языка и приходит к выводу о священном харак-

тере древнееврейской письменности, что, по его мнению, позволяет произвести из ее букв все другие языки (Agrippa, 1533).

Данная мысль отсылает нас и к идеям более ранних мыслителей, в частности к Оригену – представителю ранней патристики, основателю библейской филологии, считавшему, что при переводе библейских имен на другой язык они теряют свое первоначальное значение [Реале, Антисери, 1994].

Похожие представления можно встретить и в работе, написанной в начале или середине XVI в. венецианским монахом Джованни Пантео (Ioanne Augustino Pantheo, или Giovanni Agostino Panteo) (Pantheo, 1550). Каббалистические трактаты Дж. Пантео свидетельствуют о его глубоком знании химии, искусств и ремесел, а также являются первым ярким примером слияния христианской каббалы и алхимического символизма [Campanini, 2014; Forshaw, 2013]. По мнению исследователей, эти науки, а точнее искусства, имели много общего, поскольку их цель заключалась в постижении тайны творения: если экспериментаторы-алхимики пытались свести материю к ее изначальному состоянию, то каббалисты старались найти набор первичных элементов в языке. Превращения букв и слов имели для них такое же значение, как и превращение веществ и элементов в экспериментах по поиску философского камня [The History..., 2000, p. 432–434].

Реконструировать «алфавит Адама», расшифровав его гласные, старался и другой автор, известный С. Рейеру, – Лоренц Шредер Альберштадский (Lorenz Shrader Halberstadiensis). Историк и дипломат, Л. Шредер изучал древние языки и надписи на этих языках в странах, которые ему удавалось посетить [Droixhe, 2010]. О «буквах Адама», высеченных на древнем мраморе, говорится в произведении, изданном Л. Шредером в конце XVI в. (Monumentorum Italiae..., 1592).

С. Рейер также цитирует известного шотландца Джеймса Бонавентуру Хепберна (Jacobus Bonaventura Hepburnus Scotus) – хранителя восточных книг и рукописей Ватикана, в совершенстве владевшего древними языками и уделявшего особое внимание ивриту.

В 1616 г. Дж. Хепберн опубликовал набор гравюр, на которых были изображены

72 алфавита – как реальных, так и мистических, ангельских [Campanini, 2014; Droixhe, 2010]. Число 72 при этом отражало число имен Бога в каббалистической традиции. Показательно и то, что Дж. Хепберн выступил в качестве издателя и автора предисловия к произведению с красноречивым названием «De Cabala Sacra...» («О священной каббале...») (De cabala sacra..., 1623).

С. Рейер был знаком и с современными ему работами. Среди них произведения Томаса Банга и Франциска Меркурия ван Гельмонта.

Томас Банг (Thomas Bang или Bangius) – датский ученый, профессор иврита и теологии в Университете Копенгагена, представитель христианской габраистики – в своем сочинении размышляет о происхождении алфавита [Dahl, 2011]. Т. Банг повторяет мнение своих предшественников, согласно которому письменность и алфавит, а следовательно, и гласные были дарованы Адаму Богом (Bang, 1657).

Фигура Франциска Меркурия ван Гельмонта (Franciscus Mercurius van Helmont или Helmontius junior) долгое время оставалась в тени его отца – Яна Баптисты ван Гельмонта, известного фламандского исследователя, врача, химика и алхимика, изобретателя термина «gas» («газ») (подробнее о нем см.: [Klijnsmit, 1996]). Меркурий ван Гельмонт – младший также начинал как врач, но позднее увлекся изучением Каббалы, занимался дипломатией, много путешествовал, был хорошо знаком с Христианом Кнорром фон Розенротом – переводчиком Каббалы на латынь, составил комментарии к переводу фон Розенрота [Copenhaver, 1999]; за свои воззрения подвергался гонениям со стороны инквизиции, большой период жизни провел в заключении. Однако, даже оставаясь в тяжелых условиях, он продолжал исследования, в том числе занимался расшифровкой древнееврейского алфавита [Klijnsmit, 1996].

На иллюстрации к одной из его работ можно увидеть, как Ф.М. ван Гельмонт, находясь в заточении, занимается изучением артикуляции гласных, в частности измерением раствора рта (Van Helmont, 2007). Рассуждая о гласных в священном алфавите – «алфавите Природы», или «алфавите Адама», Ф.М. ван Гельмонт получил важные фонетические

сведения, которые помогли ему в дальнейшем при обучении глухонемых [Klijnsmit, 1996].

Достижения Ф.М. ван Гельмонта в этой области, как правило, остаются незаслуженно забытыми. Чаще говорят о методе Йоханна Конрада Аммана [Гордина, 2006, с. 127]. Однако, вероятнее всего, именно Ф.М. ван Гельмонт во время пребывания в Амстердаме (около 1690 г.) помогал в Й.К. Амману в разработке его теории. Работы Э. Кудер и Ш. Спектор по переводу и комментированию текстов Ф.М. ван Гельмонта (Van Helmont, 2007; Francis Mercury van Helmont's Sketch..., 2012) внесли большой вклад в возрождение интереса к этому автору и его произведениям.

Итак, всех названных выше ученых объединяла общая цель – расшифровка древнееврейского алфавита, понимаемого как «алфавит Адама», в частности определение его гласных, поскольку в этом алфавите они отсутствовали. Лингвистический с современной точки зрения вопрос приобретал для ученых того времени жизненно важное значение и сакральный религиозный смысл, поскольку в реконструкции основных гласных иврита они видели ключ к расшифровке божественного послания и пониманию тайны творения. Представители данного направления исследований были также уверены, что это исключит разногласия между религиями, вызванные непониманием первичного божественного языка.

Возникшее в связи с расшифровкой древнееврейского алфавита представление о существовании «основных» гласных повлияло и на дальнейшее развитие фонетической мысли. В качестве яркого примера такого влияния можно привести набор из пяти камертонов, воспроизводящий характерные тоны «основных» гласных немецкого языка, созданный Рудольфом Кёнигом в конце XIX в. [Pantolony, 2009].

***Идея гармонии и ее связь
с представлениями
о музыкальных интервалах
в работах ученых XVII века***

Как говорилось выше, одной из отличительных черт философских и эстетических воззрений эпохи научной революции было представление о божественном начале, проявляющемся во всех аспектах мироустройства. Иллюстрацией

таких представлений служит таблица, которую приводит в своей работе С. Рейер (Reyher, 1679, р. 460). Автор соотносит семь нот музыкальной гаммы с семью светилами, семью металлами, знаками зодиака и именами ангелов. В данном случае мы наблюдаем тот сплав алхимического символизма и христианской каббалы, который впервые появился в работе венецианского монаха Джованни Пантео.

Подобные ассоциации можно встретить и у И. Кеплера в трактате «Harmonice Mundi» [The History..., 2000, р. 629]. Автор придерживается пифагорейской теории и веры в то, что космос является выражением установленной Богом гармонии. Каждой планете он приписывает свой музыкальный интервал, соответствующий отношению ее максимальной и минимальной орбитальной скорости [Иванов, 2010, с. 227; Гудимова, 2017; Лазутина, 2008; Gouk, 2012; The Cambridge History..., 2008].

Если обратиться к древнегреческой традиции, которая нашла отражение в работах И. Кеплера и других авторов XVII в., можно заметить, что с планетами соотносятся не только те или иные ноты и интервалы, но также и гласные (а согласные – со знаками зодиака) [Гудимова, 2017; Лазутина, 2008; Gouk, 2012; The Cambridge History..., 2008; Wardhaugh, 2008]. Несмотря на то что мы не встречаем эксплицитного сопоставления интервалов или конкретных гласных с теми или иными символическими значениями в работе С. Рейера, общий культурологический контекст, а также изучение цитируемых им работ косвенно свидетельствуют о высокой вероятности наличия такой взаимосвязи.

Заключение

В ходе настоящего исследования были рассмотрены два периода в истории изучения акустических характеристик гласных с помощью акустико-перцептивных экспериментов, при которых наиболее яркий тон в звучании гласного определялся на слух. Результаты экспериментов, полученные с использованием камертонов на рубеже XIX–XX вв., были сопоставлены с результатами объективного описания гласных в XVII веке. Кроме того, был охарактеризован философско-эстетический контекст, в котором появилось данное описание.

Проведенный анализ позволил предположить возможность прямого и косвенного влияния научной традиции, а также философии и эстетики эпохи научной революции и предшествующих веков на определение акустических характеристик гласных в XVII в., в частности в работе Самюэля Рейера. Отголоски этого влияния обнаруживаются в конце XIX – начале XX в., когда развитие экспериментальной фонетики, экспериментальной психологии и других новых дисциплин исключало возможность прямого воздействия платонистических, пифагорейских и герметических традиций на научное мышление и результаты экспериментов. Поиск октавных соотношений внутри системы гласных в работах аббата П.-Ж. Руссло, а также созданные Р. Кёнигом наборы камертонов являются наиболее яркими примерами такого влияния.

Результаты проведенного исследования представляют интерес как для истории фонетических учений, так и для истории и философии науки в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гордина М. В., 1997. Фонетика французского языка. СПб. : Изд-во СПбГУ. 304 с.
- Гордина М. В., 2006. История фонетических исследований (от античности до наших дней). СПб. : Изд-во СПбГУ. 538 с.
- Гудимова С. А., 2017. Музыка в контексте культуры : сб. ст. / отв. ред. И. Л. Галинская. М. : ИНИОН РАН. 447 с.
- Иванов Вяч. Вс., 2010. Избранные труды по семиотике и истории культуры. В 7 т. Т. 7, кн. 1. М. : Знак. 720 с.
- Лазутина Т. В., 2008. Язык музыки. Екатеринбург : Банк культур. информ. 192 с.
- Реале Дж., Антисери Д., 1994. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 т. Т. 2. СПб. : Петрополис. 368 с.
- Реале Дж., Антисери Д., 1996. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 т. Т. 3. СПб. : Петрополис. 736 с.
- Analyse formantique des voyelles orales du français en contexte isolé: à la recherche d'une référence pour les apprenants FLE, 2012 / L. Georgetown [et al.] // Actes de la conférence conjointe JEP-TALN-RECITAL. Vol. 1. P. 145–152. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/F12-1019.pdf>.
- Bondarko L., Verbickaia L., 2015. Un linguiste de l'âge d'argent toujours actuel // Cahiers du institut de linguistique et des sciences du langage. № 43. P. 13–20.
- Campanini S., 2014. The Quest for the Holiest Alphabet in the Renaissance // A Universal Art. Hebrew Grammar Across Disciplines and Faiths. Boston : Brill. P. 196–245. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004277052_012.
- Copenhaver B., 1999. The Occultist Tradition and Its Critics // The Cambridge History of Seventeenth-Century Philosophy / ed. by D. Garber, M. Ayers. Oxford : Blackwell. P. 454–512. DOI: <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521307635.018>.
- Dahl G., 2011. Books in Early Modern Norway. Leiden : Brill. 242 p.
- Delattre P., 1948. Un triangle acoustique des voyelles orales du français // French Review. Vol. 21, № 6. P. 477–484.
- Droixhe D., 2010. À l'ami Daniel Georg Morhof // Language and History. Vol. 53, № 2. P. 97–114.
- Forshaw P. J., 2013. Cabala Chymica or Chemia Cabalistica – Early Modern Alchemists and Cabala // Ambix. Vol. 60, № 4. P. 361–389. DOI: <https://doi.org/10.1179/0002698013Z.00000000039>.
- Gendrot C., Adda-Decker M., Vaissiere J., 2008. Les voyelles /i/ et /y/ du français: focalisation et variations formantiques // Actes de XXVIIèmes Journées d'étude de la parole. Avignon : [s. n.]. P. 205–208.
- Gouk P., 2012. Music and the Emergence of Experimental Science in Early Modern Europe // Sound Effects. Vol. 2, № 1. P. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.7146/se.v2i1.5183>.
- Klijnsmit A.J., 1996. F.M. van Helmont: Kabbalist and Phonetician // Studia Rosenthaliana. Vol. 30, № 2. P. 267–281.
- Kochetkova U., Skrelin P., 2019. “Observer effect” in Late 19th and Early 20th Century Measurements of Vowel Characteristic Tones // Proceedings of the 19th International Congress of Phonetic Sciences. Melbourne ; Canberra : Australasian Speech Science and Technology Association Inc. P. 1917–1921.
- Morrison T., 2011. Chronology, Prisca Sapientia and the Temple // Isaac Newton's Temple of Solomon and His Reconstruction of Sacred Architecture. Basel : Springer. P. 13–27. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-0348-0046-4_2.
- Ohala J. J., 1991. The Integration of Phonetics and Phonology // Actes du XIIème Congrès international des sciences phonétiques (France, Aix-en-Provence, 19–24 août 1991). Vol. 1. P. 1–16. URL: http://linguistics.berkeley.edu/~ohala/papers/integration_phonetics_and_phonology.pdf.
- Pantalony D., 2009. Altered Sensations: Rudolph Koenig's Acoustical Workshop in Nineteenth-Century Paris. L. ; N. Y. : Springer. 399 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-2816-7>.

- Pfzinger H., Niebuhr O., 2011. Historical Development of Phonetic Vowel Systems – The Last 400 Years // Proceedings of the 17th ICPHS (Hong Kong, 17–21 Aug. 2011). P. 160–163. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/814a/4017d915869e5d7802619ca467246429ca0f.pdf>.
- Skrelin P., Kochetkova U., 2017. Standard French Vowel Formants vs. Characteristics Tones of Rousselot: Tuning Forks Technique Revisited // Proceedings of the Second International Workshop on the History of Speech Communication Research (Helsinki, Aug. 18–19, 2017). Dresden : TUDPress. P. 45–54.
- Šturm P., 2015. The Prague Historical Collection of Tuning Forks: A Surviving Replica of the Koenig Tonometre // Proceedings of the First International Workshop on the History of Speech Communication Research (Dresden, Sept. 4–5, 2015). Dresden : TUDpress, P. 95–105.
- The Cambridge History of Seventeenth Century Music, 2008. Cambridge : CUP. 591 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521792738>.
- The History of Science and Religion in the Western Tradition : An Encyclopedia, 2000 / ed. by G. B. Ferngren. N. Y. ; L. : Garland Publishing. 690 p.
- Vilain C., Berthommier F., Boë L.-J., 2015. A Brief History of Articulatory-Acoustic Vowel Representation // Proceedings of the First International Workshop on the History of Speech Communication Research (Dresden, Sept. 4–5, 2015). Dresden : TUDpress, P. 148–159. URL: https://mafiadoc.com/page-1-a-brief-history-of-articulatory-acoustic-vowel-representation-_5b4e4dbd097c47361e8b4569.html.
- Viëtor S., 1887. Elemente der Phonetik und Orthoepie des Deutschen, Englischen und Französischen, mit Rücksicht auf die Bedürfnisse des Lehrpraxis. Heilbronn : Henninger. 270 p.
- Wardhaugh B., 2008. Musical Logarithms in the Seventeenth Century: Descartes, Mercator, Newton // *Historia Mathematica*. Vol. 35, iss. 1. P. 19–36. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.hm.2007.05.002>.
- De cabala sacra et de ineffabili Dei nomine Tetragrammaton, 1623. URL: <https://archive.org/details/MsFederici39/page/n17/mode/2up>.
- Francis Mercury van Helmont's Sketch of Christian Kabbalism. Leiden : Brill, 2012. 183 p.
- Helmholtz, H. von. On the Sensations of Tone as a Physiological Basis for the Theory of Music. London : Longmans, Green and Co., 1875. 801 p.
- Koenig, R. Quelques expériences d'acoustique, 1882. P. : Lahure. 248 p.
- Monumentorum Italiae, quae hoc nostro saeculo et a Christianis posita sunt, libri quatuor, editi a Laurentio Schradero... Haelmaestadii [Helmstedt] : typis Jacobi Lucij, 1592. 410 l.
- Pantheo, I. A. Ars et theoria transmutationis metallicaecum voarchadumia, 1550. URL: <https://archive.org/details/hin-wel-all-00002587-001/page/n3/mode/2up>.
- Reyher, S. Mathesis Mosaica, sive Loca Pentateuchi Mathematicae explicata. Kiel : Reumann, 1679. 808 p.
- Rousselot, P. Principes de Phonétique Expérimentale 1. P. : Welter, 1901. 638 p.
- Rousselot, P. Phonétique expérimentale et surdité // La parole: revue internationale de rhinologie, otologie, laryngologie et phonétique expérimentale. Paris : Institut de laryngologie et orthophonie, 1903. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5484753z/f9.image>.
- Rousselot, P. Principes de Phonétique Expérimentale 2. Paris : Didier, 1925. 621 p.
- Rousselot, P. Laclotte F. Précis de prononciation française. Paris : Welter, 1902. 266 p.
- Three Books of Occult Philosophy or Magic by the Famous Mystic Henry Cornelius Agrippa von Netesheim. Book 1. URL: <https://archive.org/details/cu31924028928236>.
- Van Helmont, F. M. The Alphabet of Nature. Leiden : Brill, 2007. 264 p.

ИСТОЧНИКИ

- Щерба, Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб. : Эрлик, 1912. 155 с.
- Agrippa, H. C. De occulta philosophia, libri tres, 1533. URL: <https://archive.org/details/DeOccultaPhilosophiaLoc1533/page/n3/mode/2up>.
- Bang, Th. Caelum orientis et prisca mundi triade exercitationum literariarum repraesentatum. Copenhagen : [s. n.], 1657. 224 p.

REFERENCES

- Gordina M.V., 1997. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [Phonetics of French Language]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 304 p.
- Gordina M.V., 2006. *Istoriya foneticheskikh issledovaniy (ot antichnosti do nashikh dney)* [History of Phonetic Sciences (From Antiquity to the Present Day)]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 538 p.
- Gudimova S.A., 2017. *Muzyka v kontekste kultury: sb. st.* [Music in the Context of Culture. Collected Articles]. Moscow, INION RAN. 447 p.
- Ivanov V.V., 2010. *Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kultury. V 7 t. T. 7, kn. 1* [Selected Papers on

- Semiotics and History of Culture. In 7 Vols. Vol. 7. Book 1]. Moscow, Znak Publ. 720 p.
- Lazutina L.V., 2008. *Yazyk muzyki* [Language of Music]. Yekaterinburg, Bank kulturnoy informatsii Publ. 192 p.
- Reale J., Antiseri D., 1994. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei. V 4 t. T. 2.* [Western Philosophy from Sources to the Present Day. In 4 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Petropolis Publ. 368 p.
- Reale J., Antiseri D., 1996. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei. V 4 t. T. 3* [Western Philosophy from Sources to the Present Day. In 4 Vols. Vol. 3]. Saint Petersburg, Petropolis Publ. 736 p.
- Georgeton L., Paillereau N., Landron S., Gao J., Kamiyama T., 2012. Analyse formantique des voyelles orales du français en contexte isolé: à la recherche d'une référence pour les apprenants FLE. *Actes de la conférence conjointe JEP-TALN-RECITAL*, vol. 1, pp. 145-152. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/F12-1019.pdf>.
- Bondarko L., Verbickaia L., 2015. Un linguiste de l'âge d'argent toujours actuel. *Cahiers du institut de linguistique et des sciences du langage*, no. 43, pp. 13-20.
- Campanini S., 2014. The Quest for the Holiest Alphabet in the Renaissance. *A Universal Art. Hebrew Grammar Across Disciplines and Faiths*. Boston, Brill, pp. 196-245. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004277052_012.
- Copenhaver B., 1999. The Occultist Tradition and Its Critics. Garber D., Ayers M., eds. *The Cambridge History of Seventeenth-Century Philosophy*. Oxford, Blackwell, pp. 454-512. DOI: <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521307635.018>.
- Dahl G., 2011. *Books in Early Modern Norway*. Leiden, Boston, Brill. 242 p.
- Delattre P., 1948. Un triangle acoustique des voyelles orales du français. *French Review*, vol. 21, no. 6, pp. 477-484.
- Droixhe D., 2010. À l'ami Daniel Georg Morhof. *Language and History*, vol. 53, no. 2, pp. 97-114.
- Forshaw P.J., 2013. Cabala Chymica or Chemia Cabalistica – Early Modern Alchemists and Cabala. *Ambix*, vol. 60, no. 4, pp. 361-389. DOI: <https://doi.org/10.1179/0002698013Z.00000000039>.
- Gendrot C., Adda-Decker M., Vaissiere J., 2008. Les voyelles /i/ et /y/ du français: focalisation et variations formantiques. *Actes de XXVIIèmes Journées d'étude de la parole*. Avignon, [s. n.], pp. 205-208.
- Gouk P., 2012. Music and the Emergence of Experimental Science in Early Modern Europe. *Sound Effects*, vol. 2, no. 1, pp. 6-21. DOI: 10.7146/se.v2i1.5183.
- Klijnsmit A.J., 1996. F.M. van Helmont: Kabbalist and Phonetician. *Studia Rosenthaliana*, vol. 30, no. 2, pp. 267-281.
- Kochetkova U., Skrelin P., 2019. "Observer Effect" in Late 19th and Early 20th Century Measurements of Vowel Characteristic Tones. *Proceedings of the 19th International Congress of Phonetic Sciences, Melbourne, Australia*. Canberra, Australasian Speech Science and Technology Association Inc., pp. 1917-1921.
- Morrison T., 2011. Chronology, Prisca Sapientia and the Temple. *Isaac Newton's Temple of Solomon and His Reconstruction of Sacred Architecture*. Basel, Springer, pp. 13-27. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-0348-0046-4_2.
- Ohala J.J., 1991. The Integration of Phonetics and Phonology. *Actes du XIIème Congrès international des sciences phonétiques (France, Aix-en-Provence, 19-24 août 1991)*, vol. 1, pp. 1-16. URL: http://linguistics.berkeley.edu/~ohala/papers/integration_phonetics_and_phonology.pdf.
- Pantalony D., 2009. *Altered Sensations: Rudolph Koenig's Acoustical Workshop in Nineteenth-Century Paris*. London, New York, Springer. 399 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-2816-7>.
- Pfitzinger H., Niebuhr O., 2011. Historical Development of Phonetic Vowel Systems – The Last 400 Years. *Proceedings of the 17th ICPHS (Hong Kong, 17-21 Aug. 2011)*. Hong Kong, pp. 160-163. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/814a/4017d915869e5d7802619ca467246429ca0f.pdf>.
- Skrelin P., Kochetkova U., 2017. Standard French Vowel Formants vs. Characteristics Tones of Rousselot: Tuning Forks Technique Revisited. *Proceedings of the Second International Workshop on the History of Speech Communication Research (Helsinki, Aug. 18-19, 2017)*. Dresden, TUDPress, pp. 45-54.
- Šturm P., 2015. The Prague Historical Collection of Tuning Forks: A Surviving Replica of the Koenig Tonometre. *Proceedings of the First International Workshop on the History of Speech Communication Research (Dresden, Sept. 4-5, 2015)*. Dresden, TUDpress, pp. 95-105.
- The Cambridge History of Seventeenth Century Music*, 2008. Cambridge, CUP. 591 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521792738>.
- Ferngren G.B., ed. *The History of Science and Religion in the Western Tradition: An Encyclopedia*, 2000. New York, London, Garland Publishing. 690 p.
- Vilain, C., Berthommier, F., Boë, L. J., 2015. A Brief History of Articulatory-Acoustic Vowel Representation. *Proceedings of the First International Workshop on the History of Speech Communication Research (Dresden, Sept. 4-5, 2015)*. Dresden, TUDpress, pp. 148-159. URL: https://mafiadoc.com/page-1-a-brief-history-of-articulatory-acoustic-vowel-representation-_5b4e4dbd097c47361e8b4569.html.

- Viëtor S., 1887. *Elemente der Phonetik und Orthoepie des Deutschen, Englischen und Französischen, mit Rücksicht auf die Bedürfnisse des Lehrpraxis*. Heilbronn, Henninger. 270 p.
- Wardhaugh B., 2008 Musical Logarithms in the Seventeenth Century: Descartes, Mercator, Newton. *Historia Mathematica*, vol. 35, iss. 1, pp. 19-36. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.hm.2007.05.002>.

SOURCES

- Shcherba L.V. *Russkie glasnye v kachestvennom i kolichestvennom otnoshenii* [Russian Vowels in Qualitative and Quantitative Aspects]. Saint Petersburg, Erlikh Publ., 1912. 155 p.
- Agrippa H.C. *De occulta philosophia, libri tres*, 1533. URL: <https://archive.org/details/DeOccultaPhilosophiaLoc1533/page/n3/mode/2up>.
- Bang Th. *Caelum orientis et prisca mundi triade exercitationum literariorum repraesentatum*. Copenhagen, [s. n.], 1657. 224 p.
- De cabala sacra et de ineffabili Dei nomine Tetragrammaton*, 1623. URL: <https://archive.org/details/MsFederici39/page/n17/mode/2up>.
- Francis Mercury van Helmont's *Sketch of Christian Kabbalism*. Leiden, Brill, 2012. 183 p.
- Helmholtz H. von. *On the Sensations of Tone as a Physiological Basis for the Theory of Music*. London, Longmans, Green and Co, 1875. 801 p.
- Koenig R. *Quelques expériences d'acoustique*. Paris, Lahure, 1882. 248 p.
- Monumentorum Italiae, quae hoc nostro saeculo et a Christianis posita sunt, libri quatuor, editi a Laurentio Schradero...* Haelmaestadii [Helmstedt], typis Iacobi Lucij, 1592. 4101.
- Pantheo I. A. *Ars et theoria transmutationis metallica cum voarchadumia*, 1550. URL: <https://archive.org/details/hin-wel-all-00002587-001/page/n3/mode/2up>.
- Reyher S. *Mathesis Mosaica, sive Loca Pentateuchi Mathematicae explicata*. Kiel, Reumann, 1679. 808 p.
- Rousselot P. *Principes de Phonétique Expérimentale 1*. Paris, Welter, 1897–1901. 638 p.
- Rousselot P. *Phonétique expérimentale et surdité. La parole: revue internationale de rhinologie, otologie, laryngologie et phonétique expérimentale*. Paris, Institut de laryngologie et orthophonie, 1903. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5484753z/f9.image>.
- Rousselot P. *Principes de Phonétique Expérimentale 2*. Paris, Didier, 1925. 621 p.
- Rousselot P., Laclotte F. *Précis de prononciation française*. Paris, Welter, 1902. 266 p.
- Three Books of Occult Philosophy or Magic by the Famous Mystic Henry Cornelius Agrippa von Netesheim. Book 1*. URL: <https://archive.org/details/cu31924028928236>.
- Van Helmont F.M. *The Alphabet of Nature*. Leiden, Brill, 2007. 264 p.

Information About the Author

Uliana E. Kochetkova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Phonetics and Methods of Teaching of Foreign Languages, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 11, 199034 Saint Petersburg, Russia, ukochetkova@phonetics.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1792-6064>

Информация об авторе

Ульяна Евгеньевна Кочеткова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, ukochetkova@phonetics.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1792-6064>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.14>

UDC 81'42:82-1
LBC 81.055.1

Submitted: 23.12.2019
Accepted: 27.03.2020

FUNCTIONS AND LINGUISTIC PECULIARITIES OF VERSE¹

Tatyana V. Skulacheva

V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander E. Kostyuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on linguistic differences between verse and prose. The researchers analyzed the peculiarities of verse building which do not depend on the language, time of creation, versification system, literature or individual author's style, and can be easily identified in verse up to the cases verging with prose. The study is exemplified by Russian and French verse and prose of the 17th – 20th centuries; the phonetic analysis is performed on recorded declamations of Russian verse of the 19th – 20th centuries, using “Praat” program. Syntactic, intonational and semantic features of verse are described. In considered verse, as compared to prose written by the same author, parataxis occurrence is noted to increase; its intonation is more level and monotonous. Words with different information loading were also studied. It was proved, that in prose more informationally loaded words most often occupy position at the end of a phrase under phrase stress, while in verse they are distributed with no preference to particular position. Special attention is paid to intonation, in particular, tonal range contraction, that was described applying the method of tonal frame construction building. All the revealed peculiarities of verse are noted to cause difficulties in prompt text comprehension. Hypothesis on the correlation of obtained linguistic data with the mechanisms of creative thinking promotion is also suggested.

Key words: verse, prose, linguistics of verse, intonation of verse, syntax of verse.

Citation. Skulacheva T.V., Kostyuk A.E. Functions and Linguistic Peculiarities of Verse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 155-168. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.14>

УДК 81'42:82-1
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 23.12.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИХА И ИХ ФУНКЦИИ¹

Татьяна Владимировна Скулачева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Александр Эдмундович Костюк

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование посвящено выявлению лингвистических особенностей стиха, отличающих его от прозы. Проанализированы те закономерности построения стихотворного текста, которые не зависят от языка, периода, системы стихосложения, литературного направления или индивидуального стиля и устой-

чиво присутствуют в стихе вплоть до границы с прозой. Материалом послужили русские и французские стихи и проза XVII–XX вв., для фонетического анализа – запись чтения русского стиха XIX–XX вв. информантами в программе Praat. Охарактеризованы особенности синтаксиса, интонации, семантики стихотворного текста. Показано, что в стихе каждого из исследованных авторов устойчиво растет количество сочинительных связей по сравнению с прозой того же автора, что стихотворная интонация более ровная и монотонная и что наиболее информативно нагруженные слова в стихе распределяются по строке почти равномерно, тогда как в прозе чаще всего занимают позицию в конце синтагмы. Особое внимание уделено интонации, а именно: сужению тонального диапазона. Для его описания был использован метод построения рамочных тональных конструкций. Установлено, что в целом все выявленные особенности стиха затрудняют быстрое понимание текста. Высказана гипотеза о том, что они представляют собой лингвистические механизмы активизации образного мышления.

Ключевые слова: стих, проза, лингвистика стиха, интонация стиха, синтаксис стиха.

Цитирование. Скулачева Т. В., Костюк А. Э. Лингвистические особенности стиха и их функции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 155–168. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.14>

Введение

Если одно и то же содержание изложить стихом и прозой, будут ли эти тексты восприниматься одинаково? Большинство читателей ответит, что по-разному. Но в чем именно заключается эта разница и какими лингвистическими средствами она достигается?

Приведем простой пример. Все с детства знают стихотворение А. Барто «Бычок»:

Идет бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
– Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду!

Если спросить читателя, что именно происходит с бычком (идет, понимает, что может упасть, но вместо того, чтобы остановиться, продолжает идти), он обычно впервые понимает нестандартность ситуации, описанной в тексте. Студенты, не сталкивавшиеся со старой игрушкой, которую на самом деле описывает Агния Барто, выдвигают самые неожиданные версии: у бычка депрессия (будет падать, но ему уже все равно), у бычка чувство долга (будет падать, но «надо, Вася, надо») и так вплоть до предположения об алкогольном опьянении у бычка. В некоторых вполне уважаемых советских изданиях имеется картинка: мостик, обрывающийся на середине реки, по нему идет бычок, который будет падать в воду. Таким образом, игрушка исчезла, текст стал полностью нелогичным, но читатель замечает это только при пересказе прозой, а в стихе он, как правило, остается

полностью удовлетворенным своим пониманием текста.

Цель нашего исследования² – определить, какие именно лингвистические особенности текста приводят к такому результату. На протяжении длительного времени мы исследовали стих на разных языках, принадлежащий к разным периодам, разным системам стихосложения, литературным направлениям и индивидуальным стилям. Очевидно, что в стихе может не быть предсказуемого ритма (неравнострочный акцентный стих), рифмы (белый стих), синтаксического параллелизма, анжамбмана и любых других компонентов, обычно ассоциируемых со стихом. Из традиционных параметров исчезнуть не может только деление на строки. Нас интересовало, какие лингвистические особенности стиха не исчезают никогда (по крайней мере, в рамках уже исследованного материала), сохраняются в разных типах стиха вплоть до самой границы с прозой.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили стихи и проза русских авторов XVII–XX вв. и французских авторов XVIII–XX вв. (всего 21 автор).

Для определения основных особенностей интонационного оформления стихотворной строки в сравнении с оформлением синтагмы прозаического текста было проведено исследование на специально собранном корпусе звучащих стихотворных текстов. Ин-

формантами выступали лица женского пола в возрасте от 18 до 23 лет, без профессионального актерского образования и не имеющие опыта профессионального написания стихотворных текстов (во избежание использования информантами актерской модели чтения). Анализ звучащей стихотворной речи проводился на материале записи 9 информантов общей продолжительностью около 9 часов. Запись осуществлялась в лабораторных условиях на профессиональном звукозаписывающем оборудовании "Tascam" в помещении со звукоизоляцией. Для проведения записи была использована фонетическая лаборатория ТиПЛ МГУ.

В качестве материала для записи в корпусе были выбраны стихотворные тексты различной метрики, ритмики и синтаксической структуры. Таким образом, благодаря наличию в корпусе разнородного стихотворного материала, найденные нами особенности можно отнести к просодической структуре стихотворной строки как таковой.

Для сравнения были взяты отрывки из прозаических произведений различных временных периодов, коррелирующие с созданной выборкой стихотворений по дате написания; все отрывки прозаических текстов были выравнены по длительности.

Согласно акустическим портретам информантов, составленным на основе имеющихся записей, их тональные диапазоны находятся в промежутке приблизительно от 75 до 500 Гц для самой высокой и самой низкой точки голоса соответственно. В представленных записях, однако, рабочий диапазон информантов несколько сужен, что особенно заметно для стиха.

Анализ проводился с использованием программного обеспечения Praat. Для каждой из отобранных для дальнейшего исследования записей строился мелодический контур, который далее разделялся на синтагмы или строки и размечался в соответствии с исходным текстом и акцентной структурой каждой синтагмы (строки).

Отметим, что на текущий момент в фонетике не существует единого мнения по поводу того, как следует трактовать граничные тоны и в каких случаях их выделение возможно. В настоящей работе мы придерживаемся подхода, согласно которому граничным тоном

является тон, реализующийся на последнем безударном слоге в конце синтагмы перед паузой [Pierrehumbert, 1980]. Формально область реализации граничного тона может выступать как один конечный безударный слог, так и группа слогов (например, в случае, если происходит ассимиляция возрастающего тона на последнем ударном слоге и возрастающего граничного тона, образующая усиленное возрастание или подъем с сохранением ровной интонации) и даже фрагмент слога (в случае, когда на ударном слоге есть акцент, не совпадающий с граничным тоном, который в таком случае реализуется после акцента, иногда в существенно сглаженном виде). В рамках данного исследования мы рассматриваем только прототипические случаи граничных тонов, реализующихся на последнем безударном слоге в конце синтагмы или строки. Минимальным перцептивно значимым изменением уровня тона мы считали интервал в один полутон.

Для анализа диапазона изменения частоты основного тона (далее – ЧОТ) проводился подсчет исходя из нижней и верхней границ голосового диапазона каждого информанта.

При измерении частотности наиболее интенсивного тонального выделения первого ударного слова на имеющемся материале производились подсчеты уровня подъема тона на первом ударном слоге в строке и в синтагме, а также сравнение первого подъема по уровню тона с остальными (для проверки гипотезы, является ли он наиболее сильным в стихотворном тексте в стандартном случае). Далее осуществлялось статистическое сравнение полученных выборок для обнаружения различий по этому параметру между стихом и прозой на имеющемся материале.

Результаты и обсуждение

На данный момент нами обнаружен комплекс лингвистических особенностей стиха, сохраняющихся во всем проанализированном материале и создающих сложности для легкого и быстрого понимания стихотворного текста. Охарактеризуем их подробно, особое внимание уделив интонации.

Сочинение и подчинение в стихе и прозе

Было проанализировано 27 600 предложений из стихотворных и прозаических произведений 21 автора и сопоставлено количество связей с сочинительной и подчинительной семантикой в стихе и прозе одного и того же автора. Полученные результаты представлены в таблицах 1 и 2 (данные приводятся по: [Скулачева, Буякова, 2010]), количество связей с сочинительной семантикой указано в абсолютных числах и в процентах по отношению к общему количеству связей между предложениями в проанализированном материале конкретного автора).

У всех русских и французских авторов фиксируется одна общая закономерность – в стихе связей с сочинительной семантикой всегда больше, чем в прозе. Эта закономерность прослеживается во всем исследован-

ном на данный момент материале, независимо от языка, периода, системы стихосложения, литературного направления и индивидуального стиля.

При большом количестве подчинительных конструкций текст легко воспринимается, так как именно подчинение позволяет установить логическую связность и иерархию значимости предложений в тексте. Можно предположить, что обилие сочинительных связей затрудняет восприятие логической организации стихотворного текста.

Тональный диапазон в стихе и прозе

Интонограммы стиха и прозы (см. рис. 1) показывают широкий тональный диапазон с большим количеством акцентуаций при чтении прозаического текста и гораздо более узкий тональный диапазон с малым ко-

Таблица 1. Количество связей с сочинительной семантикой в стихе и прозе русских авторов

Table 1. Number of parataxis in verse and prose of Russian authors

Связи с сочинительной семантикой	Автор						
	Фольклор	Симеон Полоцкий (1629–1680)	М.В. Ломоносов (1711–1765)	В.А. Жуковский (1783–1852)	А.С. Пушкин (1799–1837)	Ю.М. Лермонтов (1814–1841)	Ф.И. Тютчев (1803–1873)
В стихе	712 (92,2)	208 (62,3)	461 (54,7)	367 (81,7)	545 (74,1)	648 (77,5)	526 (78,6)
В прозе	288 (68,4)	566 (46,0)	278 (22,8)	439 (62,0)	186 (36,3)	880 (57,0)	366 (28,6)

Окончание таблицы 1

End of table 1

Связи с сочинительной семантикой	Автор						
	А.А. Фет (1820–1892)	М. Кузмин (1872–1936)	А.А. Блок (1880–1921)	В. Хлебников (1885–1922)	А.А. Ахматова (1889–1966)	А.Т. Твардовский (1910–1971)	И.А. Бродский (1940–1996)
В стихе	445 (79,8)	105 (62,5)	314 (70,9)	34 (76,4)	316 (77,6)	394 (65,1)	139 (51,5)
В прозе	309 (30,6)	510 (40,5)	496 (42,8)	268 (46,7)	256 (36,4)	240 (32,6)	308 (29,0)

Таблица 2. Количество связей с сочинительной семантикой в стихе и прозе французских авторов

Table 2. Number of parataxis in verse and prose of French authors

Связи с сочинительной семантикой	Автор							
	Вольтер (1694–1778)	В. Гюго (1802–1885)	Ж. Нерваль (1808–1855)	Ш. Бодлер (1821–1867)	С. Малларме (1842–1898)	П. Верлен (1844–1896)	П. Валери (1871–1945)	П. Элюар (1895–1952)
В стихе	725 (71,7)	937 (73,7)	154 (73,0)	258 (57,8)	91 (39,2)	383 (57,0)	251 (54,5)	348 (76,5)
В прозе	637 (38,7)	274 (26,3)	264 (32,5)	330 (34,5)	442 (28,6)	512 (27,0)	477 (26,8)	394 (34,0)

личеством акцентуаций при чтении стиха. Более того, при детальном анализе тональной структуры чтения стихотворных текстов обнаруживается схожесть тонального оформления большинства строк: наиболее ярко выражен тональный акцент на первом ударном слоге (рис. 2).

Данная картина характерна для стихов любого размера и ритма и проявляется в чтении большинства информантов. Эти особенности интонационной структуры стихотворной строки ранее отмечались в работе Т.Е. Янко [2010]. Так, сравнивая авторское чтение стихотворного текста с чтением православных и мусульманских молитв, она ука-

зывает на крайне высокую степень выровненности интонации при чтении молитвы (см. рис. 3).

В более поздних работах Т.Е. Янко, посвященных лингвистическому анализу звучащего стиха, подтвердилось, что данные особенности интонационной структуры в значительной степени характерны для авторского чтения стиха (более подробно о различиях между авторским, актерским и информантским чтением стиха см.: [Янко, 2015]). На материале авторского чтения И.А. Бродского было обнаружено сужение тонального диапазона и высокая степень выровненности интонации (см. рис. 4) (см.: [Янко, 2015]).

Рис. 1. Пример интонограмм чтения стиха и прозы
Fig. 1. An example of tonogram of verse and prose reading

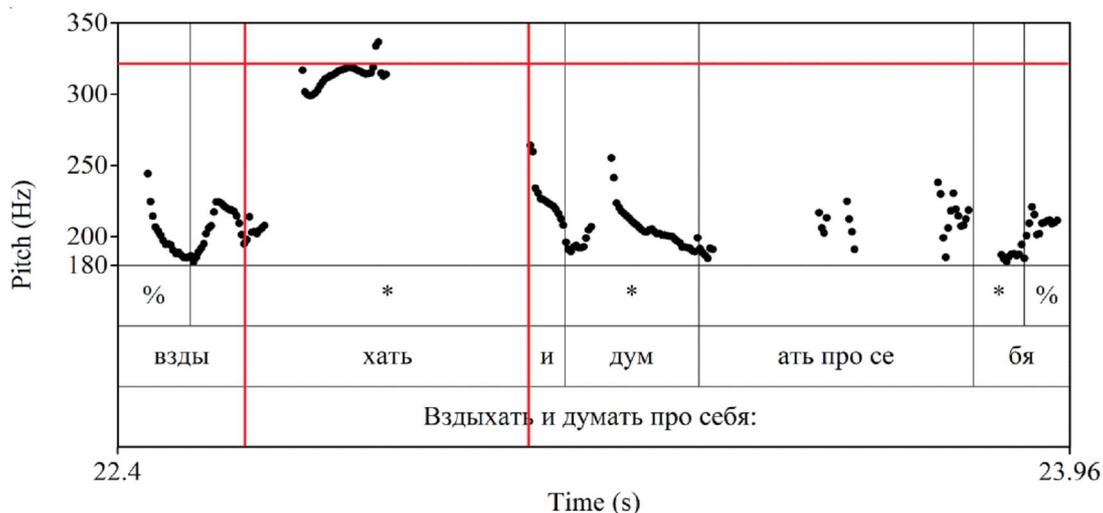

Рис. 2. Пример подъема тона на первом ударном слоге при прочтении стихотворного текста
Fig. 2. An example of initial raise at the first stressed syllable in verse reading

Как видим, И. Бродский читает строки ровно, почти без выделений, как никогда не читается обычная проза. Постепенное повышение уровня частоты основного тона в начале каждой новой строки относительно уровня начала предыдущей говорит об увеличивающемся эмоциональном напряжении от начала к концу стихотворения.

Заметим, что узкий тональный диапазон и выровненная интонация при чтении стиха является, по-видимому, механизмом, препятствующим легкому и быстрому восприятию и пониманию текста, в противопоставление широкому тональному диапазону и большому количеству акцентуаций, способствующих легкому и быстрому восприятию текста. При этом сочинение и выровненная интонация – не полностью независимые особенности: произнести сочинительные конструкции с выровненной интонацией гораздо проще, чем подчинительные. Функция выровненной интонации – затруднение понимания текста – реали-

зуется и при чтении с выделением на каждом слове. С такой редкой интонацией читает свои стихи, например, Б. Ахмадулина.

По нашим предварительным данным (эксперименты еще не закончены), подобная монотонная интонация возможна в текстах, нацеленных на создание определенного состояния сознания (молитва, гипноз) либо являющихся результатом такого состояния, вызванного не лингвистическими, а биохимическими изменениями при стрессе, пограничных эмоциональных состояниях и т. д.

Наряду с сужением тонального диапазона при чтении стиха и основными особенностями его акцентуации, следует также отметить различия в характеристиках конечного граничного тона при чтении стихотворной строки и синтагмы прозаического текста. Ранее Л.В. Златоустова в своих докладах и выступлениях, опиравшихся на исследования речевой мелодики ([Златоустова, 1962; 1981]), неоднократно высказывала предпо-

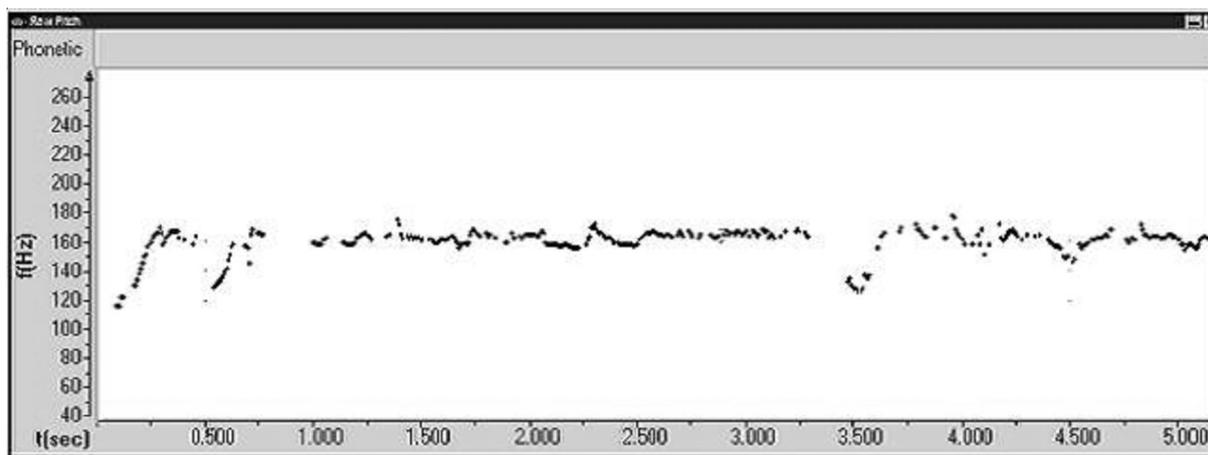

Рис. 3. Тонограмма православной молитвы [Янко, 2010, с. 611]

Fig. 3. A tonogram of an Orthodox prayer [Yanko, 2010, p. 611]

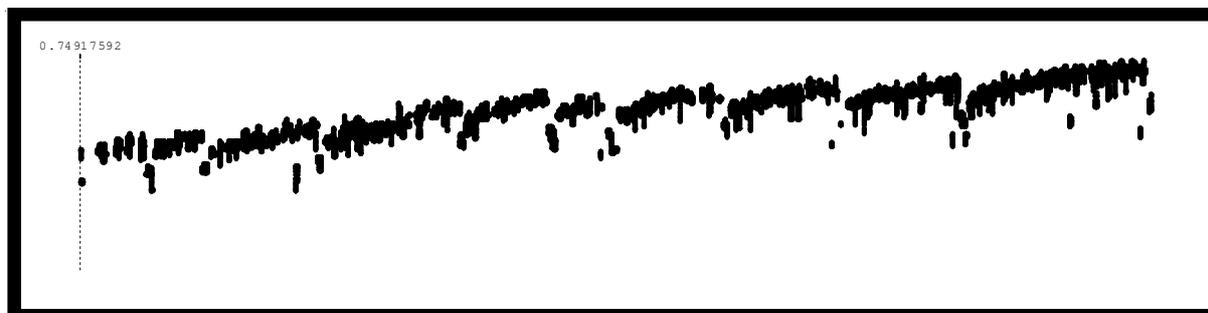

Рис. 4. Интонограмма авторского чтения (Бродский И. Сретенье) [Янко, 2015, с. 177]

Fig. 4. *Sretenye* by Brodsky: a tonogram of author's reading [Yanko, 2015, p. 177]

ложения о существующих различиях в характеристиках конечного сегмента частоты основного тона в стихотворной строке и в синтагме прозы. Для описания данного сегмента она использовала термин «завершитель интонационного типа»; в дальнейшем данное явление было описано на материале русского языка как конечный граничный тон [Кривнова, 2007]. Он реализуется на заключительной заударной части синтагмы, перед паузой. Изначально завершающая часть интонационного контура высказывания была выделена и рассмотрена на материале английского языка в работе коллектива ученых, посвященной системе ToBI (Tones and Break Indices) (см.: [ToBI, 1992]) и основанной на битональной интонационной модели для американского варианта английского языка, предложенной Дж. Пьерхамберт [Pierrehumbert, 1980]. В оригинальном варианте системы ToBI для данной части интонационного контура предлагался термин «boundary tone» – «граничный тон». В наших исследованиях используется именно этот термин. Отметим, что нас интересует в первую очередь конечный граничный тон – для начального граничного тона в большинстве случаев характерен подъем; более того, в стандарте ToBI его выделение не является обязательным (см. об этом: [Beckman, Ayers, 1994]), так как в большинстве случаев нисходящее движение тона на начальном сегменте синтагмы связано с интонационной структурой предшествующего ей контекста.

Ниже приводятся примеры усредненных значений измеряемых показателей для двух информантов по всему собранному корпусу звучащих текстов (табл. 3).

У информанта 1, согласно представленным данным, при переходе от чтения прозы к

чтению стихотворных текстов происходит сужение рабочего диапазона на 31 %; у информанта 2 наблюдается сужение диапазона на 52 %. Отметим, что случай информанта 2 является нестандартным на фоне общей картины: в среднем для всех информантов проанализированного нами корпуса изменение диапазона составляет около 30 %. Таким образом, подтверждается значимое изменение рабочего диапазона информанта при чтении стихотворного текста по сравнению с прозой.

Интервалы тонального подъема на первом ударном слоге при чтении стиха и у информанта 1, и у информанта 2 в целом сопоставимы с аналогичными значениями тонального подъема на первом ударном слоге при чтении прозы. Однако заметим, что в сравнении с верхней границей рабочего тонального диапазона усредненное значение подъема тона на первом ударном слоге стихотворной строки достигает практически максимальной величины. Это означает, что остальные подъемы тона в строке в подавляющем большинстве случаев как минимум его не превышают. В то же время для прозы соответствующее усредненное значение тонального подъема существенно ниже верхней границы диапазона, что свидетельствует о наличии достаточно частотных подъемов тона на других ударных слогах в структуре синтагмы, превышающих подъем тона на первом ударном слоге. Таким образом, в структуре стихотворной строки первый акцент в преобладающем большинстве случаев наиболее выражен. Для остальных информантов наблюдается аналогичная картина с разницей усредненных значений максимального подъема тона на первом ударном слоге и верхней границей диапазона не более чем в один полутон. Наиболь-

Таблица 3. Усредненные показатели (в полутонах) верхней и нижней границ диапазона и подъема ЧОТ на первом ударном слоге при прочтении стихотворного и прозаического текста

Table 3. Average maximum and minimum values of tonal diapason and pitch raise at the first stressed syllable for verse and prose reading (in semitones)

Информант	Тип текста	Верхняя граница	Нижняя граница	Диапазон	Максимальное значение тона на первом ударном слоге
Информант 1	Проза	22.994	8.492	14.502	19.701
	Стих	20.688	10.674	10.014	20.466
Информант 2	Проза	23.538	6.462	17.076	18.212
	Стих	18.299	10.026	8.273	17.803

шая акцентированность первого ударного слога наблюдается и в некоторых синтагмах прозаического текста. Однако, судя по усредненным данным, для прозы регулярность этого явления значительно ниже, чем для стиха, который, по-видимому, отличается частотностью использования именно такого мелодического оформления начала стихотворной строки.

При исследовании конечных граничных тонов на материале собранного нами корпуса мы получили для стихотворной строки среднее значение интервала в 1–1.5 полутона. Направление движения при этом было преимущественно восходящее или горизонтальное, то есть наблюдался подъем тона или ровный тон. Для большинства рассмотренных стихотворных строк в прочтении всех информантов падающий граничный тон в конце стихотворной строки был не характерен. Для прозы среднее значение интервала составило 2–3 полутона; соотношение восходящего и нисходящего движения тона составило приблизительно 1 к 1. Таким образом, наблюдается статистически значимое различие по количеству восходящих граничных тонов по сравнению с прозой. Следовательно, можно утверждать, что граничный тон при прочтении стиха и прозы действительно имеет различные характеристики.

В результате приведенного выше анализа были определены общие закономерности реализации краевых тональных явлений. Однако интонационная структура основной части стихотворной строки по-прежнему требовала подробного исследования и описания.

В ходе изучения собранного нами материала мы отметили характерное для большинства стихотворных строк общее нисходящее движение ЧОТ от начала интонационного контура к его концу, с наиболее акцентированным первым ударным слогом и постепенным понижением тональной выраженности акцентов. Данная закономерность в значительной степени коррелировала с явлением деklinации ЧОТ, впервые выделенным в [Cohen, Hart, 1965].

Для дальнейшего исследования внутренней структуры стихотворной строки мы использовали термины «рамочная тональная конструкция», «тональный коридор», «тональная рамка» и «линия деklinации». Две линии

деklinации, обрамляющие интонационный контур сверху и снизу, составляют тональную рамку, образующую тональный коридор; в целом вся эта структура носит название «рамочная тональная конструкция».

Мы проанализировали общие изменения интонационного контура от начала строки к ее концу с использованием линий деklinации. Линия деklinации представляет собой искусственную границу интонационного контура, характеризующую общую тенденцию к понижению уровня ЧОТ от начала фразы к ее концу. Методологически существуют различные способы описания деklinационных явлений с помощью линий деklinации. В нашем исследовании описание интонационной структуры стихотворной строки проведено с использованием двух граничных линий.

Нами применены две методики анализа рамочных конструкций. Первая заключается в построении тональной рамки отдельно для каждого фрагмента (строки или синтагмы соответственно) после чего по верхней и нижней линиям деklinации проводится усреднение и высчитывается общий коэффициент ширины тонального коридора. Данная методика подразумевает построение индивидуальных сегментированных тональных рамочных конструкций, вид которых в значительной степени разнится от фрагмента к фрагменту.

Второй использованной нами методикой является построение совмещенных рамочных тональных конструкций. Согласно данной методике, тональная рамка представляет собой одну или две прямые линии деklinации, характеризующие общую тенденцию изменения ЧОТ от начала фразы к концу для данного конкретного информанта; при этом тональная рамка вычисляется не для каждого отдельного фрагмента, а для всего материала каждого информанта. Таким образом, сначала интонационные контуры выравниваются по длине, а затем накладываются друг на друга, после чего отфильтровываются случайные выбросы и артефакты, и по наиболее частотным значениям для пиков и падений строятся линии деklinации. Данная методика отличается наглядностью, а также упрощает процесс построения линейной тональной рамки для интонационной конструкции.

Если первая методика удобна для расчета ширины тонального коридора, но вычисление направления и структуры обобщенных линий деклинации для всех интонационных конструкций каждого информанта представляется затруднительным, то вторая методика удобна именно для анализа линий деклинации, поскольку усреднение проводится по интонационным контурам, после чего построение линейных границ становится достаточно удобным.

В результате комбинированного анализа с использованием двух различных методик на собранном нами корпусе для всех информантов средняя ширина тонального коридора стихотворной строки оказалась приблизительно в два раза меньше средней ширины тонального коридора синтагмы прозаического текста; для стиха было зафиксировано более систематическое сужение линейной тональной рамки.

Эксперимент

с делексикализированным текстом

После всех описанных выше исследований и собранных нами данных об особенностях интонационной структуры стихотворной строки при чтении различных информантов мы провели пилотный эксперимент с целью доказать, что особая интонация стиха в отличие от прозы действительно существует. Двадцати носителям русского языка с неполным высшим гуманитарным образованием в возрасте от 18 до 30 лет было предложено прослушать 5 отрывков (проза, неравнострочный белый тактовик М. Кузмина «Когда мне говорят “Александрия”...», дольник И. Бродского, классический трехстопный дактиль А. Блока, английский ямб с чередованием четырехстопных и трехстопных строк Дж.Р.Р. Толкина «The Little House of Lost Play: Mar Vanwa Tualieva», то есть текст, не идеально понятный русскому информанту). Английский текст был использован в эксперименте, так как предполагалось, что при уменьшении понятности текста интересующая нас интонация будет усиливаться.

Тексты были начитаны непрофессиональным чтецом с гуманитарным образованием. Запись велась в программе Praat и затем была подвергнута технической обработ-

ке, обычно именуемой делексикализацией, после которой осталась только частота основного тона, а фонетический облик слов стал недоступным для восприятия. Информантам давались для прослушивания 30-секундные отрывки текста, после чего они должны были решить только по частоте основного тона, слышат они стих или прозу (см. рис. 5). Информанты достаточно хорошо угадывали, где стих, а где проза, за единственным исключением: по предположению Л.М. Захарова, сложное для восприятия стихотворение И. Бродского «Ниоткуда с любовью» требовало более длинного, чем 30 секунд, отрезка для хорошего узнавания.

Результаты эксперимента показывают, что специфическая стихотворная интонация существует. При этом интересно, что неравнострочный белый тактовик (то есть метр, приближающийся по структуре к свободному стиху) М. Кузмина узнавался лучше, чем строго организованный дактиль А. Блока. Это говорит о том, что в слабо урегулированном стихе без хорошо предсказуемой метрики интересующая нас интонация компенсаторно усиливалась, а в классическом, рифмованном, аллитерированном и иными способами строго организованном стихотворении А. Блока интонация могла немного ослабляться, так как существовало большое количество других маркеров стихотворности. Лучшее узнавание свободно организованного стиха М. Кузмина по сравнению со строго метрически организованным классическим дактилем А. Блока доказывает также, что информанты ориентировались именно по интонации, а не по каким-то образом слышанной ими в делексикализованном тексте метрике, потому что ритмика стихотворения М. Кузмина по своей неурегулированности приближалась к ритму прозы (расположение ударений предсказать было бы невозможно даже специалисту), а стихотворение А. Блока в недексикализованном виде отличалось идеальной жесткой предсказуемой ритмикой (трехстопный дактиль).

Отметим, что меньшая понятность текста (английский стих при среднем знании английского языка диктором) действительно приводила к усилению исследуемой тенденции к выравниванию интонации.

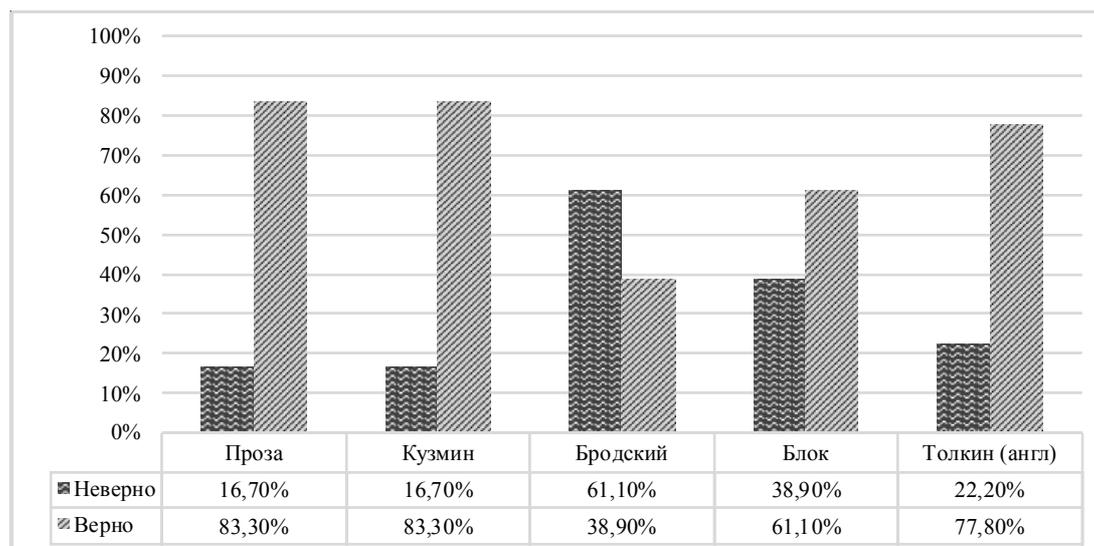

Рис. 5. Определение информантами делексикализованных текстов как стихотворных / прозаических только по частоте основного тона

Fig. 5. Informants' identification of delexicalized texts as verse or prose by frequency of the main level only

Эксперимент с делексикализованными текстами имел также еще одно неожиданное последствие, которое привело нас к началу интенсивных исследований совместно с нейролингвистами и нейрофизиологами. Эксперимент с пятью текстами был вполне успешен, но, когда информантам было предложено около 20 делексикализованных стихотворных текстов подряд, между третьей и четвертой испытуемых не смогли завершить эксперимент, жалуются на подавленное состояние, головную боль, тошноту. По-видимому, интонация стиха, когда она не растворяется в большом количестве других факторов, влияет не просто сильно, а слишком сильно, вплоть до появления неприятных физиологических последствий такого воздействия. В настоящий момент мы проводим исследования совместно с Н.А. Слюсарь (ВШЭ) и М.В. Киреевым (Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой) для установления конфигурации активных участков мозга, коррелирующих с подобным воздействием.

Распределение информативных слов в стихе и прозе

Распределение информативных слов в стихотворных и прозаических произведениях не связано с тема-рематическим членением, понятиями топика, фокуса, фокуса контраста и т. д. По наблюдениям Т.Е. Янко, представленным

в устных докладах, и нашим предварительным данным, тема-рематические явления в стихе выражены слабо или не выражены вообще, что заслуживает отдельного подробного исследования. В то же время, информативность присутствует и в стихе, и в прозе, причем в стихе используется для особых целей. Если человек воспринимает речь через шум и не может расслышать некоторые слова, то он сумеет восстановить информацию в зависимости от того, какие именно слова расслышал. Так, если в ситуации, когда человек должен встретить кого-то на вокзале, из фразы *Я приезжаю завтра в пять часов* он расслышал *завтра в пять часов*, то получил почти всю информацию, а если расслышал только *я*, то не получил значимой информации (*я* могло быть в составе фразы *я заболел, не приезжаю* или *я не достал билета на завтра, встречай через час*). По нашим предварительным подсчетам, в прозаических произведениях наиболее важные слова находятся на конце синтагмы, куда чаще падает синтагматическое ударение, то есть их позиция в значительной степени предсказуема и прозаический текст можно быстро прочесть по главным словам, чаще всего находящимся на конце синтагмы. В стихе позиция таких слов может быть любой, а статус наиболее информативных слов становится более дискусионен, так как информанты с меньшей легкостью выстраивают иерархию слов по информативности.

В настоящий момент мы проводим серию психолингвистических экспериментов для доказательства существования самого явления информативности и особенностей его поведения в стихе по сравнению с прозой.

Многозначное слово в стихотворном контексте

Однажды в устной беседе Ю.Д. Апресян заметил, что главным отличием стиха от прозы на семантическом уровне является то, что в стихе контекст часто строится так, чтобы читатель не имел достаточно оснований предпочесть одно значение многозначного слова. Приведем пример:

В голубой далекой спальне
Твой ребенок *опочил*.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Всё, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём – туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спальне –
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

А.А. Блок.

В голубой далекой спальне...

Слово *опочил* имеет два значения – «заснул» и «умер» (СРЯз, с. 627), что существенно для понимания текста. Мы провели опрос, в ходе которого читатели должны были сформулировать, что случилось с ребенком – зас-

нул он или умер. Опрошенные разделились на почти равные группы: одни из них считали, что А. Блок описывает уютную картинку (любимая женщина и спящий ребенок, находящиеся где-то далеко от автора), другие полагали, что в стихотворении описывается трагедия (ребенок умер).

Невозможность выбрать одно значение многозначного слова также затрудняет понимание текста.

Взаимоисключающие имена одного объекта

В стихотворении М. Кузмина «Тразименские тростники» один и тот же объект назван *озером*, *рекой* и *морем* (Фетида – морская богиня, и хорошо образованный М. Кузмин это совершенно точно знал).

Затрепещут тразименские тростники, затрепещут,
Как изменники,
Что болтливую болтовню разболтали
У *реки*
О гибели прекрасной богини,
Не о смешной Мидасовых ушей тайне.
В стоячей тине
Они не знали,
Что румяная спит *Фетида*,
Не мертвая, но покоится дремотно,
Ожидая золотого востока.
Мужественная дева воспрянет,
Протрет лавандовые очи,
Удивленно и зорко глянет
Сивиллой великого Буонаротта
(Не напрасны были поруки!),
И *озеро* багряных поражений
Римскую медь воротит,
И трепетуны-тростники болтушки
Умолкнут
При возврате родимого солнца.

М. Кузмин. *Тразименские тростники*

Если в прозе название одного объекта *озером* и *рекой* на расстоянии одного-двух абзацев друг от друга расценивается большинством читателей как недопустимое, то в стихе читатель просто вычленяет общий знаменатель ('вода', 'тростники') и не замечает различий. Данное явление также затрудняет понимание стиха.

Нами совместно с Н.А. Слюсарь, А.А. Липиной, Э.И. Латыповым, В.М. Королевой прове-

дена серия экспериментов, точными психолингвистическими методами доказавших (self-paced reading task, дисперсионный анализ), что грубые логические ошибки в стихе не замечаются, тогда как в максимально близком к тексту прозаическом пересказе замечаются с легкостью. Описание результатов этих экспериментов требует отдельной статьи.

Заключение

Итак, мы определили набор лингвистических механизмов, предположительно затрудняющих понимание логики в стихотворном тексте.

Появились статьи, позволяющие высказать гипотезу о том, как в стихе (а также, по нашим предварительным подсчетам, и в молитве, в гипнозе, в речи при пограничных эмоциональных состояниях и т. д.) на всех языковых уровнях используются механизмы для затруднения понимания текста. Группа ученых из Университета Карнеги Меллона (США) исследовала, как влияет на мозг лексическая неоднозначность (то есть именно та ситуация, когда контекст не позволяет выбрать одно значение многозначного слова) [Mason, Just, 2007; Predicting..., 2008]. Была обнаружена более активная работа зон правого полушария. Активизация зон правого полушария была замечена группой британских ученых и при синтаксической неоднозначности [How Shakespeare..., 2013; "Shall I...", 2015]. В настоящий момент не употребляются термины «образное» и «логическое» мышление, «образное» (правое) и «логическое» (левое) полушарие – сейчас физиологи говорят о конфигурации активных участков мозга. Известно, что при восприятии речи всегда задействуются зоны обоих полушарий и картина активности различных зон мозга видна ученым гораздо более дифференцировано, чем с точностью до полушария. Именно поэтому нами начата работа совместно с нейролингвистами и биологами-физиологами мозга по изучению воздействия стиха на мозг на современном естественно-научном уровне. Тем не менее, пользуясь традиционными терминами (новые можно будет предложить только после окончания естественно-научной части нашего исследования с использованием электроэнцефалографии и функциональной магнитно-резонансной томографии), мож-

но сказать, что в настоящий момент нами выявлены лингвистические механизмы активизации образного мышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-012-00534 «Русский и европейский стих: фонетика, морфология, синтаксис».

The reported study was funded by RFBR grant no. 19-012-00534 "Russian and European Verse: Phonetics, Morphology, Syntax".

² Статья представляет собой существенно дополненную версию доклада, прочитанного авторами на Третьем Международном научном семинаре «Язык, музыка и компьютерные технологии» (г. Санкт-Петербург, 16–18 декабря 2019 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Златоустова Л. В., 1962. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 156 с.
- Златоустова Л. В., 1981. Фонетические единицы русской речи. М. : Изд-во Моск. ун-та. 104 с.
- Кривнова О. Ф., 2007. Ритмизация и интонационное членение текста «в процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 53 с.
- Скулачева Т. В., Буякова М. В., 2010. Стих и проза: сочинение и подчинение // Вопросы языкознания. № 2. С. 37–54.
- Янко Т. Е., 2010. Просодия предложений со «снятой» иллюкутивной силой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (г. Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М. : Изд-во РГГУ. С. 609–621.
- Янко Т. Е., 2015. Лингвистические технологии анализа звучащего поэтического текста // Когнитивные исследования языка. Вып. 23. С. 174–183.
- Beckman M. E., Ayers G. M., 1994. Guidelines for ToBI Labelling. The Ohio State University. 43 p. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/679e/bf20d29301e739eaa6781f3fbbcd238d8f2e.pdf>.
- Cohen A., Hart J., 1965. Perceptual Analysis of Intonation Patterns // 5e Congres international d'acoustique (Liège 7–14 septembre, 1965). Liège : University de Liege. Paper A16.
- How Shakespeare tempests the brain: Neuroimaging insights, 2013 / J. L. Keidel [et al.] // Cortex. Vol. 49, iss. 4. P. 913–919. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2012.03.011>.

- Mason R. A., Just M. A., 2007. Lexical Ambiguity in Sentence Comprehension // *Brain Research*. Vol. 1146. P. 115–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.brainres.2007.02.076>.
- Pierrehumbert J. B., 1980. *The Phonology and Phonetics of English Intonation*: Thesis (Ph.D.). Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Linguistics and Philosophy. 401 p.
- Predicting Human Brain Activity Associated with the Meaning of Nouns, 2008 / T. M. Mitchell [et al.] // *Science*. Vol. 320, iss. 5880. P. 1191–1195. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1152876>.
- “Shall I Compare Thee”: The Neural Basis of Literary Awareness, and Its Benefits to Cognition, 2015 / N. O’Sullivan [et al.] // *Cortex*. Vol. 73. P. 144–157. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2015.08.014>.
- ToBI: A Standard for Labeling English Prosody, 1992 / K. Silverman [et al.] // 2nd International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP 92) (Banff, Alberta, October 12–16, 1992). P. 867–870. URL: https://www.researchgate.net/publication/221492301_ToBI_A_standard_for_labeling_English_prosody.
- [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (g. Bekasovo, May 26–30, 2010)], iss. 9 (16), pp. 609–621.
- Yanko T.E., 2015. *Lingvisticheskie tekhnologii analiza zvuchashchego poeticheskogo teksta* [On Linguistic Techniques of Analyzing the Sounding Poetry]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], iss. 23, pp. 174–183.
- Beckman M.E., Ayers G.M., 1994. *Guidelines for ToBI Labelling*. The Ohio State University. 43 p. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/679e/bf20d29301e739eaa6781f3fbbcd238d8f2e.pdf>.
- Cohen A. et al., 1965. Perceptual Analysis of Intonation Patterns. *5e Congres international d’acoustique (Liège 7–14 septembre, 1965)*. Liège, University de Liege. Paper A16.
- Keidel J.L., Davis P.M., Gonzalez-Diaz V., Martin C.D., Thierry G., 2013. How Shakespeare Tempests the Brain: Neuroimaging Insights. *Cortex*, vol. 49, iss. 4, pp. 913–919. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2012.03.011>.
- Mason R.A., Just M.A., 2007. Lexical Ambiguity in Sentence Comprehension. *Brain Research*, vol. 1146, pp. 115–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.brainres.2007.02.076>.
- Pierrehumbert J.B., 1980. *The Phonology and Phonetics of English Intonation: Thesis (Ph.D.)*. Cambridge. 401 p.
- Mitchell T.M., Shinkareva S.V., Carlson A., Chang K.-M., Malave V.L., Mason R.A., Just M.A., 2008. Predicting Human Brain Activity Associated with the Meaning of Nouns. *Science*, vol. 320, iss. 5880, pp. 1191–1195. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1152876>.
- O’Sullivan N., Davis Ph., Billington J., Gonzalez-Diaz V., Corcoran Rh. “Shall I Compare Thee”: The Neural Basis of Literary Awareness, and Its Benefits to Cognition, 2015. *Cortex*, vol. 73, pp. 144–157. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2015.08.014>.
- Silverman K., Beckman M., Pitrelli J., Ostendorf M., Wightman C., Price P., Pierrehumbert J., Hirschberg J., 1992. ToBI: A Standard for Labeling English Prosody. *2nd International Conference on Spoken Language Processing (ICSLP 92) (Banff, Alberta, October 12–16, 1992)*, pp. 867–870. URL: https://www.researchgate.net/publication/221492301_ToBI_A_standard_for_labeling_English_prosody.

СЛОВАРЬ

СРЯЗ – Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1986. 627 с.

REFERENCES

- Zlatoustova L.V., 1962. *Foneticheskaya struktura slova v potoke rechi* [Phonetic Structure of Word in the Flow of Speech]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta. 156 p.
- Zlatoustova L.V., 1981. *Foneticheskie edinitiy russkoy rechi* [Phonetic Units of Russian Speech]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta. 104 p.
- Krivnova O.F., 2007. *Ritmizatsiya i intonatsionnoe chlenenie teksta «v protsesse rechi-mysli» (opyt teoretiko-eksperimentalnogo issledovaniya): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Rhythmical and Intonational Parcing of Speech (Theoretical and Experimental Study). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 53 p.
- Skulacheva T.V., Buyakova M.V., 2010. *Stikh i proza: sochinenie i podchinenie* [Verse and Prose: Coordination and Subordination]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 37–54.
- Yanko T.E., 2010. Prosodiya predlozheniy so «snyatoy» illokutivnoy siloy [Prosody of Sentences With No Illocutionary Force]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: po materialam ezhegod. Mezhdunar. konf. «Dialog» (Bekasovo, 26–30 maya 2010 g.)*

DICTIONARY

- Evgenyeva A.P. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Russian Language Dictionary. In 4 Vols. Vol. 2]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1986. 627 p.

Information About the Authors

Tatyana V. Skulacheva, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia, skulacheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0679-6084>

Alexander E. Kostyuk, Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, 1st Humanities Building, Faculty of Philology, Leninskie Gory, 119991 Moscow, GSP-1, Russia, kostyuk.ae@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8104-4245>

Информация об авторах

Татьяна Владимировна Скулачева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, skulacheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0679-6084>

Александр Эдмундович Костюк, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, ГСП-1, Россия, kostyuk.ae@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8104-4245>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2020 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2020 года 3048 руб. 00 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2020 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 2nd half of 2020 is 3048.00 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

